

Ф.Д. ДЖЕЙМС

A woman in a dark coat is walking away from the viewer down a long, narrow hallway. The hallway is dimly lit, with a strong light source at the far end creating a bright glow and long shadows. The walls are dark and textured, and a fire extinguisher is visible on the right wall.

НЕПОДХОДЯЩЕЕ
ЗАНЯТИЕ
ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

ЧЕРНАЯ БАШНЯ

Ф. Д. Джеймс с/с

Филлис Дороти Джеймс

**Неподходящее занятие для
женщины. Черная башня**

«Издательство АСТ»

1975, 1977

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс Ф.

Неподходящее занятие для женщины. Черная башня /
Ф. Джеймс — «Издательство АСТ», 1975, 1977 — (Ф. Д. Джеймс
с/с)

ISBN 978-5-17-139311-3

Корделия Грей — начинающий частный детектив. Ее первое дело — расследование обстоятельств гибели Марка Келлендера, труп которого был обнаружен в загородном доме. Полиция считает, что юноша покончил с собой в состоянии депрессии — неожиданно бросив университет, он уехал за город и устроился работать садовником. Однако Корделия убеждена: Марка убили. Расследование заводит ее все дальше в лабиринт запутанных отношений семьи Келлендер и тщательно скрываемых тайн прошлого, в которых и следует искать мотив убийства... Смерть провинциального священника Бэддли выглядит вполне естественно... но опытный детектив Адам Дэлглиш подозревает, что это убийство. Однако кому и зачем понадобилось лишать жизни пожилого человека? Вскоре Дэлглиш приходит к шокирующему выводу: убийство его друга — лишь звено в цепи загадочных смертей, к которым причастен безжалостный убийца.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139311-3

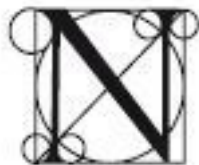
© Джеймс Ф., 1975, 1977
© Издательство АСТ, 1975, 1977

Содержание

Неподходящее занятие для женщины	6
От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Филлис Дороти Джеймс
Неподходящее занятие для
женщины; Черная башня: [романы]

Серия «Ф.Д. Джеймс с/с»

P.D. James
AN UNSUITABLE JOB FOR A WOMAN
THE BLACK TOWER

Перевод с английского
А. Кабалкина («Неподходящее занятие для женщины»)
М. Виноградовой («Черная башня»)

Печатается с разрешения литературных агентств Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

© P.D. James, 1975, 1977
© Перевод. А. Кабалкин, 2015 Школа перевода В. Баканова, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Неподходящее занятие для женщины

От автора

В обязанность автора криминальных романов, раз уж он посвятил себя столь неприятному ремеслу, входит создание как минимум одного предосудительного персонажа на книгу, чьи кровавые злодеяния неизбежно заставляют потесниться добродетель в ее святой обители. Писатель, героям которого вздумалось разыгрывать свою трагикомедию в древнем университетском городе, попадает в особенно трудное положение. Конечно, он волен назвать город Оксбриджем, изобрести названия колледжей по именам никогда не существовавших святых и усадить персонажей в лодку, скользящую по реке Кемсис, но столь жалкий компромисс всего лишь запутает героев, читателя и самого автора, вследствие чего никто уже не будет знать точно, где находится, а оскорбленными сочтут себя сразу два города вместо одного.

Большая часть нижеследующей истории случилась в Кембридже, в чем автор несколько не раскаивается, ибо в этом городе проживают и несут службу полицейские и коронеры, врачи и студенты, служащие колледжей и цветочницы, преподаватели и ученые, а также, несомненно, отставные майоры. Никто из них, насколько мне известно, не обладает ни малейшим сходством со своим двойником из этой книги. Все персонажи в ней, даже самые отталкивающие, – плод вымысла. Город же, к счастью для нас всех, сугубо реален.

Глава 1

В то утро, когда ушел из жизни Берни Прайд – а возможно, и на следующее утро, ибо Берни умер тогда, когда счел удобным, и не позаботился зафиксировать время своей смерти, – Корделия опаздывала на работу на полчаса из-за нарушения движения на линии Бейкерлоо перед станцией «Ламбет». Она вышла на «Оксфорд-серкус» и, жмурясь от июньского солнца, прошмыгнула мимо покупателей, изучающих с утра пораньше витрины универмага «Дикинс энд Джоунз». Ее ждала какофония Кингли-стрит, где ей пришлось маневрировать между тротуаром, забитым плотной толпой, и узкой мостовой с разноцветной вереницей автомобилей и автобусов. Она знала, что спешить бессмысленно, но ничего не могла поделать со своей приверженностью порядку и пунктуальности. Ей не предстояло никаких встреч, никаких бесед с клиентами, никаких расследований, а значит, и никаких отчетов.

Она и мисс Спаршотт, приглашенная временно машинистка, были заняты тем, что рассылали по конторам лондонских адвокатов сведения о своем агентстве, надеясь привлечь клиентов. Мисс Спаршотт сейчас, видимо, это и делает, гневно поглядывая на часы, негодуя на недисциплинированность Корделии, и яростно стучит на машинке. Малоприятная женщина с неизменно сжатыми губами, будто для того, чтобы спрятать торчащие передние зубы, со срезанным подбородком, украшенным одиноким жестким волосом, отрастающим немедленно после удаления, и с застывшими раз и навсегда волнами светлых волос. Рот и подбородок мисс Спаршотт казались Корделии живым опровержением теории о том, что все люди рождаются одинаковыми, вследствие чего она время от времени проникалась жалостью и симпатией к этой жизни в крохотной комнатухе, с пятипенсовыми обедами и заботой единственно о безукоризненности швов. Дело в том, что мисс Спаршотт была умелой портнихой, прилежно посещающей курсы кройки и шитья. Ее одежда поражала тщательностью отделки, но в то же время не несла на себе ни малейшего отпечатка времени, вследствие чего никогда не бывала модной. Ее прямые юбки, всегда только серые либо черные, казались результатом блестяще сданного экзамена на вшивание складки или молнии; блузки неизменно имели мужскую расцветку и были украшены манжетами безвкусных пастельных тонов и обильными россыпями бижутерии; прекрасно сшитые платья всегда безнадежно портила какая-нибудь кайма, будто специально расположенная так, чтобы подчеркнуть бесформенность ее ног и толщину лодыжек.

У Корделии не было ни малейшего предчувствия трагедии, когда она распахнула входную дверь, которую постоянно держали на запоре, ибо так было удобнее загадочным владельцам и их не менее загадочным посетителям. Новая бронзовая дощечка слева от двери резко контрастировала с облупившейся краской фасада. Корделия скользнула одобрителем взглядом по надписи:

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО ПРАЙДА

(Собств.: Бернارد Г. Прайд, Корделия Грей)

Лишь в результате нескольких недель терпеливых и тактичных уговоров Корделии удалось убедить Берни не приписывать к своей фамилии слова «бывший работник Департамента уголовного розыска столичной полиции», а к ее – частицу «мисс». Ее определением на табличке могла быть только эта частица, так как она не привнесла в партнерство ни квалификации, ни опыта, ни, тем более, капитала – только свою миниатюрную, но сильную фигурку, ум, который, как она подозревала, скорее выводил Берни из себя, нежели вызывал восхищение, и замешенную отчасти на раздражении, отчасти на жалости симпатию к самому Берни. Спустя совсем немного времени Корделия поняла, что жизнь буднично и окончательно повернулась к нему спиной. Налицо были все признаки неудачника. Берни никогда не доставалось возжеленное левое сиденье в автобусе; ему никогда не удавалось понаслаждаться видом из окна поезда

без того, чтобы панораму надолго не загородил ползущий мимо состав; если ему случалось уронить бутерброд, он неизменно падал маслом вниз; малышка «остин-мини», вполне надежная, пока ею управляла Корделия, глохла на самом оживленном перекрестке, стоило Берни сесть за руль. Иногда она спрашивала себя, не было ли согласие стать его партнершей, данное ею в приступе то ли депрессии, то ли мазохизма, добровольным взваливанием на собственные хрупкие плечи части его невезения. О том, чтобы переломить судьбу, речи не шло: для этого у нее не хватило бы сил. На лестнице, как всегда, пахло чем-то застоялым, полиролем и дезинфицирующими препаратами. Темно-зеленые стены вне зависимости от времени года оставались влажными, будто их навечно пропитали испарения непризнанного благородства и неудачи. Лестница, огражденная вычурной стальной балюстрадой, была покрыта изрезанным и зашарканным линолеумом, на котором красовались немыслимые заплатки, появлявшиеся после жалоб жильцов. Агентство размещалось на четвертом этаже. Подойдя к двери, Корделия не услышала стрекота машинки. Войдя, она застала мисс Спаршотт за чисткой ее древнего «Империаля» – причины постоянных и обоснованных жалоб. На Корделию устремился негодующий взгляд, а спина этой дамы вытянутая, как клавиша «пробел», напомнила ей восклицательный знак.

– Я беспокоилась, когда же вы наконец объявитесь, мисс Грей. Я имею в виду мистера Прайда. Думаю, он во внутреннем кабинете, но там тихо, даже слишком, и дверь заперта.

Корделия, похолодев, дернула дверную ручку.

– Почему же вы ничего не предприняли?

– Что именно, мисс Грей? Я постучала в дверь и позвала его. Уж это не мое дело, я просто временная машинистка, у меня нет права здесь распоряжаться. Я попала бы в весьма затруднительное положение, если бы он отозвался. В конце концов, на то у него и свой кабинет. И потом я даже не уверена, что он там.

– Там. Дверь заперта, а шляпа на месте.

Фетровая шляпа Берни с заломленными, как края блюдца, полями, головной убор клоуна, висела на изогнутой вешалке, символизирующей дряхлость обстановки. Корделия стала шарить в сумочке в поисках своего ключа. Требуемый предмет, как обычно, завалился на самое дно. Мисс Спаршотт забарабанила по клавишам, словно возводя преграду между собой и надвигающимся несчастьем. Сквозь шум раздался ее обиженный голос:

– На вашем столе записка.

Корделия надорвала конверт. Послание оказалось коротким и исчерпывающим. Берни всегда умел выражаться лаконично, если ему было что сказать.

Мне очень жаль, но мне сообщили, что у меня рак, и я ухожу в ближайшую дверь. Я видел, что становится с людьми после лечения, – это не для меня. Завещание у моего адвоката. Вы найдете его фамилию на столе. Передаю наше дело вам. Целиком, в том числе весь инвентарь. Удачи вам. Спасибо.

Ниже с опрометчивостью обреченного он приписал:

Если застанете меня живым, Бога ради, подождите, не зовите на помощь. Полагаюсь на вас, партнер. Берни.

Она отперла дверь и вошла внутрь, аккуратно затворив дверь за собой. Необходимости ждать уже не было. Берни мертв. Он сидел, уронив голову на стол, будто сморенный нечеловеческой усталостью. Недалеко от его полусжатой правой руки лежала раскрытая опасная бритва. От нее по столу тянулась узенькая полоска крови, напоминающая змеинный хвост. Его левая кисть, изуродованная двумя параллельными надрезами, покоилась ладонью вверх в эма-

лированном тазу, служившем Корделии для ополаскивания посуды. Берни предусмотрительно наполнил его водой, однако теперь вместо воды в нем стояла розоватая жидкость со сладким запахом, в которой белели скрюченные, как в мольбе, по-детски хрупкие восковые пальцы Берни. Смешавшаяся с кровью вода перелилась через край таза на стол, а оттуда – на пол, где притушила кричащую расцветку ковра, недавно приобретенного Берни с целью произвести впечатление на солидных посетителей, хотя Корделия считала, что он всего лишь подчеркнет ветхость всех прочих предметов обстановки. Один из надрезов был неглубок, зато другой доходил до самой кости, и края обескровленной раны выглядели как рисунок из учебника по анатомии. Берни рассказывал однажды о том, как в бытность молодым констеблем он обнаружил неудачливого самоубийцу – старика, забившегося в какой-то склад и взрезавшего себе вены осколком бутылки. Его удалось вернуть к опостылевшей ему жизни, так как вскрытую вену закупорил большой сгусток крови. Памятуя об этом, Берни позаботился, чтобы его кровь не образовала сгустков. Корделия подметила, что этим его приготовления не исчерпывались: в правом углу стола стояла пустая чашка, в которой она обычно приносила ему чай, с остатками чего-то белого на дне – аспирина или барбитурата и с белым налетом по краям. На подбородке мертвеца осталась засохшая полоска того же цвета. Губы были полуоткрыты, как у задремавшего от утомления непослушного ребенка. Корделия выглянула в дверь и спокойно произнесла:

– Мистер Прайд умер, пожалуйста, не входите. Я позвоню в полицию отсюда.

На другом конце провода сообщение было воспринято как должное. «К вам приедут». Сидя в ожидании рядом с телом и чувствуя, что мертвец еще нуждается в жалости, она легонько провела рукой по его волосам. Сюда еще не проникла смерть, и волосы на ощупь оказались живыми и непослушными, как собачья шерсть. Она отдернула руку и прикоснулась к его лбу. Кожа была влажной и очень холодной. Это и есть смерть: такой же лоб был у ее отца. Как и тогда, все жесты, выражающие жалость, казались бессмысленны и неуместны. Если до человека не достучаться, пока он жив, то глупо пытаться сделать это после смерти.

Когда точно наступила смерть? Теперь этого не узнаешь. Возможно, и сам Берни не знал этого. Была, видимо, подумала она, роковая минута, когда он перестал быть Берни и превратился просто в неподвижную, громоздкую массу из плоти и костей. До чего же странно, что столь важный для него момент уже не фиксируется его сознанием! Ее вторая по счету приемная мать, миссис Уилкес, сказала бы, что Берни все знал, что он пережил момент неопишемого торжества, воспаря среди мерцающих башен в триумфальные высоты под звуки райских гимнов. Бедняжка миссис Уилкес! Вдова, потерявшая на войне единственного сына; крохотный домик вечно полон криками приемных детей – единственного средства ее существования... Как же ей было обойтись без грез! Всю жизнь она собирала, как кусочки угля к зиме, ободряющие сентенции. Корделия вспомнила о ней впервые за много лет, и в ее ушах зазвучал усталый, но не ведающий уныния голос: «Если Господь не зайдет к вам в начале, ждите его в конце пути». Что ж, Берни он не навещил ни в начале, ни в конце.

Как странно и в то же время так похоже на Берни – он сохранил упрямый, непоколебимый оптимизм насчет перспектив агентства, даже когда у них осталось всего несколько монет, чтобы заплатить за газовый счетчик, и одновременно расстался со всякой надеждой на жизнь, даже не попытавшись вступить за нее в борьбу. Может быть, по той причине, что он, не желая в этом сознаться, чувствовал: ни у него, ни у агентства нет ровно никакого будущего – и нашел единственный способ с честью решить проблему? И сделал это эффективно, но нечисто, чего никак нельзя было ожидать от бывшего полицейского, знавшего о смерти все. И тут до нее дошло, почему он остановился на таблетках и бритве. Пистолет! Да, он пошел не самым легким путем. Он мог застрелиться, но ему хотелось, чтобы пистолет остался у нее; он завещал его вместе с разохшимися полками, древней пишущей машинкой, набором инструментов для осмотра места преступления, «остингом-мини», своими противоударными и водонепроницае-

мыми часами, вот этим пропитанным кровью ковром и толстенной пачкой бланков с замысловато выполненной шапкой: «Детективное агентство Прайда: мы гордимся своей работой». Весь инвентарь, он сам это подчеркнул. Наверное, он хотел напомнить ей про пистолет.

Она отперла ящичек у основания стола, ключи от которого имелись только у Берни и у нее. Пистолет покоился в той же замшевой коробке, в которую она когда-то положила его, с отдельно упакованными тремя обоймами патронов. Ей так и не пришлось вывести, каким образом это полуавтоматическое оружие тридцать восьмого калибра оказалось у Берни, однако не сомневалась, что лицензии на владение нет. Она так и не научилась смотреть на этот пистолет как на смертоносное оружие – потому, быть может, что Берни носился с ним в мальчишеском самозабвении, и в ее глазах он остался не более чем безобидной детской игрушкой. Он сделал из нее – во всяком случае, по части теории – отличного стрелка. Он возил ее практиковаться в Эппингский лес, и пистолет был связан в ее памяти с рассеянной тенью и сильным запахом гниющих листьев. Он вешал на дерево мишень и заряжал пистолет холостыми патронами. В ее ушах зазвучали отрывистые команды: «Слегка согните колени! Расставьте ноги! Вытяните руку! Теперь возьмитесь левой рукой за ствол снизу. Не сводите взгляд с мишени! Не сгибайте руку! Хорошо! Неплохо, совсем неплохо!» «Но, Берни, – говорила она, – мы никогда не сможем выстрелить! У нас нет лицензии». Он улыбался в ответ хитрой, самодовольной улыбкой, будто знал нечто, недоступное ей. «Если нам доведется стрелять в ярости, то мы сделаем это, спасая собственную жизнь. В такой ситуации лицензия значения не имеет». Эта звучная фраза явно нравилась ему, и он повторял ее снова и снова с гордым выражением на обрюзгшем лице, обращенном вверх, к солнцу, как у собаки. Какие видения проносились тогда в ее воображении? Может быть, ему виделось, как они вдвоем прячутся на безлюдном болоте за поросшим мхом валуном, от которого отлетают пули, и передают друг другу дымящийся пистолет?..

«Поэкономнее с боеприпасами... Конечно, я мог бы раздобыть еще...» – говорил он. Его улыбка становилась мрачной, будто при этих словах из какого-то потустороннего мира выплывали вездесущие загадочные тени, от которых предпочтительнее держаться в стороне.

Итак, он оставил ей пистолет, самое свое драгоценное достояние. Она спрятала его, не распаковывая, в потайных глубинах своей сумочки. Вряд ли полиция станет рыться в ящиках стола, когда налицо самоубийство, но лучше не рисковать. Берни хотел, чтобы пистолет перекочевал в ее владение, и она не собиралась так запросто с ним расставаться. Она присела рядом с трупом, свесив сумочку на пол, и шепотом прочла заученную в монастыре коротенькую молитву, попросив Бога, в существование которого не очень-то верила, позаботиться о душе Берни, хотя Берни не сомневался, что у него таковой не имеется, после чего замерла в ожидании полиции.

Первый появившийся в кабинете полицейский, несмотря на безупречный профессионализм, был молод и слишком неопытен, чтобы скрыть потрясение и неприязнь при виде столь жестокой смерти, а также свое неодобрение невозмутимостью Корделии. В кабинете он пробыл недолго. Его внимание привлекла записка Берни, которую он подверг длительному изучению, будто надеялся извлечь из послания с того света скрытый смысл. Сложив записку, он сказал:

– Пока придется забрать это, мисс. На что он тут намекает?

– Ни на что. Это его контора. Он был частным детективом.

– А вы работали с мистером Прайдом? Вы были его секретарем?

– Партнером. Об этом говорится в записке. Мне двадцать два года. Берни и начал дело. Раньше он работал в Департаменте уголовного розыска столичной полиции с главным инспектором Дэлглишем.

Едва произнеся эти слова, она пожалела о них. Они прозвучали слишком примирительно, слишком наивно, чтобы обелить беднягу Берни. Имя Дэлглиша определенно ничего не говорило молодому полицейскому. А почему должно быть иначе? Откуда ему знать, как часто

ей приходилось, вежливо скрывая нетерпение, выслушивать ностальгические воспоминания Берни о его службе в уголовном розыске, пока его не отправили на пенсию по состоянию здоровья, и его хвалебные речи в адрес Адама Дэлглиша, обладающего бесчисленными достоинствами и непревзойденной мудростью. «Шеф... ну, тогда он еще был просто инспектором... всегда учил нас... Однажды Шеф рассказывал про интересное дело... Чего Шеф терпеть не мог, так это...»

Иногда она спрашивала себя, существовал ли этот образец добродетели в действительности или его всесильную и безупречную фигуру породило воображение самого Берни, которому требовался учитель и герой. Но однажды она с удивлением увидела в газете фотографию главного инспектора Дэлглиша – смуглое лицо с сардонической усмешкой, которое при дальнейшем, более пристальном исследовании распалось на россыпь точек, неспособных ответить на ее вопросы. Далеко не вся мудрость, прочно усвоенная Берни, была плодом Божественного откровения. Многое из услышанного от него являлось, как она подозревала, итогом философических умозаключений самого Берни. У нее сложился собственный образ Шефа: гордый, высокомерный, саркастический. Какие мудрые слова нашлись бы у него сейчас, чтобы безутешный дух Берни обрел успокоение?..

Покончив с конфиденциальными переговорами по телефону, полицейский слонялся по конторе, почти не скрывая брезгливого удивления при виде обшарпанной мебели, разваливающегося шкафа с выдвинутым ящиком, в котором красовались плохо отмытые чашки, и ужащающего линолеума на полу. Мисс Спаршотт, застывшая у своей допотопной машинки, взирала на него с отвращением, смешанным с недоверием. Не выдержав, он произнес:

– Почему бы нам не попить чаю, пока я дожидаюсь медэксперта? Где тут можно вскипятить воду?

– В кладовке в конце коридора. Мы делим ее с другими обитателями этажа. Но разве вам нужен эксперт? Берни мертв!

– Официально он не мертв до тех пор, пока его не провозгласит таковым квалифицированный медик. – Полицейский запнулся. – На всякий случай.

«На случай чего? – подумала Корделия. – Суда, проклятия, разложения?» Последовав за полицейским, вновь направившимся в кабинет, она тихонько спросила:

– Вы не отпустите мисс Спаршотт? Она из агентства секретарей, у нее почасовая оплата. После моего появления она так и не приступала к работе, и я сомневаюсь, чтобы она взялась за дело теперь.

Она видела, как его задела ее очевидная черствость, торгашеское внимание к мелочам, когда на расстоянии вытянутой руки остывает тело Берни. Однако ответ был достаточно бесстрастным:

– Я только перекинусь с ней словечком, а потом она может уйти. Здесь не место женщинам.

Его тон свидетельствовал, что женщины вообще не должны здесь появляться.

Сидя в приемной, Корделия отвечала на неизбежные вопросы.

– Нет, я не знаю, женат ли он. У меня впечатление, что он разведен: он никогда не упоминал о жене. Он жил по адресу: Кремон-роуд, 15. Я снимала у него комнату, но мы редко виделись в нерабочее время.

– Я знаю, где находится Кремон-роуд: там жила моя тетка, когда я был мальчишкой. Это недалеко от Императорского военного музея.

То обстоятельство, что ему была знакома эта улица, казалось, приободрило его и вернуло какие-то человеческие черты. После продолжительных размышлений, сопровождаемых благосклонной улыбкой, он спросил:

– Когда вы в последний раз видели мистера Прайда живым?

– Вчера, часов в пять вечера. Я раньше ушла с работы, чтобы пройтись по магазинам.

– Он не вернулся домой?

– Я слышала, что он дома, но не видела его. У меня в комнате есть газовая плитка, и я обычно готовлю у себя, если знаю, что он никуда не отлучился. Сегодня утром я его не слышала, это довольно необычно, но я решила: возможно, он еще в постели. Он обычно встает позже, когда ему предстоит поход в больницу.

– Этим утром ему полагалось навестить врача?

– Нет, он уже был на обследовании в прошлую среду, но я подумала, ему велели прийти снова. Наверное, он ушел из дому вчера поздно вечером или сегодня на заре, когда я еще спала. Я ничего не слышала.

Разве опишешь ту почти маниакальную деликатность, с которой они старались не сталкиваться в доме, не обременять друг друга своим присутствием, не нарушать уединения! Они только и делали, что прислушивались к шуму спускаемого бачка и передвигались на цыпочках, не зная, свободна ли кухня либо ванная. И он, и она не жалели сил, лишь бы не докучать друг другу. Живя под одной крышей, они почти не виделись вне стен конторы. Она подозревала, что Берни решил покончить счеты с жизнью именно в конторе, потому что не хотел бросить на их дом тень смерти.

* * *

Наконец контора опустела, и она осталась одна. Медэксперт захлопнул свой чемоданчик и удалился; тело Берни, провожаемое взглядами из полуоткрытых дверей, ловко пронесли по узенькой лестнице; последний полицейский затворил за собой дверь. Навечно покинула эти стены мисс Спаршотт, для которой смерть, да еще такая, была худшим оскорблением, чем даже машинка, на которой грех работать квалифицированной машинистке, и туалет, где она не находила привычных атрибутов. Оставшись в полной тишине, Корделия почувствовала необходимость что-то предпринять. Она взялась яростно наводить порядок в кабинете, стараясь оттереть пятна крови на столе и кресле и застирать промокший от крови ковер.

В час дня она выбежала в их излюбленный паб. По дороге ей пришло в голову, что у нее нет больше причин баловать «Золотого фазана», однако она не свернула в сторону, не найдя в себе сил столь быстро забыть о лояльности. Ей никогда не нравились ни этот паб, ни его хозяйка и всегда хотелось, чтобы Берни нашел местечко поближе, где за стойкой их поджидала бы тучная хозяйка с золотым сердцем – персонаж, встречающийся скорее в литературе, нежели в жизни. Стойку бара окружала обычная для этого времени толпа, которой, как всегда, помыкала Мейвис со своей не сулящей ничего хорошего улыбкой. Мейвис меняла наряды трижды в день, прическу – раз в год, улыбку – никогда. Они с Корделией не испытывали друг к другу ни малейшей симпатии, хотя Берни носился между ними, как старый преданный пес, находя удовлетворение в мысли, что помогает большой дружбе, и не замечая – а возможно, просто не желая замечать – их чуть ли не физическую ненависть. Мейвис напоминала Корделии библиотекарку из ее детства, которая прятала новые книги под стол, боясь, как бы их не украли или не испачкали. Возможно, с трудом скрываемая печаль Мейвис объяснялась тем, что ей приходилось выставлять свои богатства на всеобщее обозрение и расточать щедроты у всех на глазах. Двигая по прилавку заказанное Корделией пиво, разбавленное лимонадом, и яйцо по-шотландски, запеченное в колбасном фарше, она произнесла:

– Кажется, к вам заглядывала полиция?

Судя по их жадным лицам, подумала Корделия, они уже все знают. Им не терпится услышать подробности. Что ж, пусть слышат.

– Берни дважды полоснул себе запястье бритвой. В первый раз он не добрался до вены; на второй – добился успеха. Он опустил руку в воду, чтобы кровь вытекла легче. Ему сообщили, что у него рак, и он не выдержал мысли о предстоящем лечении.

Вот так-то. Люди, столпившиеся вокруг Мейвис, посмотрели друг на друга и опустили глаза. Кружки и рюмки как по команде замерли в воздухе. Люди время от времени вскрывают себе вены, но тут в их мозги без труда запустило клешни страха маленькое зловещее существо. Даже Мейвис выглядела так, будто жуткие клешни сомкнулись на горлышках всех ее бутылок. Она спросила:

– Наверное, вы будете подыскивать другую работу? Не можете же вы сами держать агентство на плаву? Это неподходящее занятие для женщины.

– Ничуть не менее подходящее, чем стоять за стойкой: встречаешь самых разных людей. Женщины посмотрели друг на друга, и их диалог получил безмолвное окончание, слышимое и понятное только им:

«И не воображайте, что теперь, когда его больше нет, вам смогут оставлять здесь записки».

«Я и не думала просить об этом».

Мейвис принялась безжалостно полировать рюмку, не сводя глаз с Корделии.

– Не думаю, что ваша мать одобрила бы такую самостоятельность.

– Мать была у меня только на протяжении первого часа моей жизни, так что об этом не приходится беспокоиться.

Корделия тут же поняла, что ее признание произвело на всех глубокое впечатление, и вновь поразила способность старшего поколения впадать в уныние от простейших фактов жизни при умении принимать как должное любые, даже самые противоестественные высказывания, не подкрепленные действительностью. Однако тяжелое, осуждающее молчание присутствующих дало ей по крайней мере возможность свободно вздохнуть. Она перенесла кружку и тарелку на столик у стены и, усевшись, задумалась без особой сентиментальности о своей матери. Ее детство изобиловало лишениями, но ей удалось придумать себе в порядке компенсации целую философию. В ее воображении тот единственный час, который она провела рядом с живой матерью, превратился в целую жизнь, переполненную любовью, жизнь, где не было места разочарованиям. Ее отец никогда не рассказывал ей о смерти матери, а она старалась не задавать вопросов, боясь услышать, что мать так и не взяла ее на руки, так и не пришла в сознание, так, возможно, и не узнала, что родила дочь. Вера в материнскую любовь была единственной фантазией, которую ей удалось пока сохранить, хотя ее необходимость и достоверность уменьшались с каждым уходящим годом. Вот и сейчас она держала совет с матерью. Ответ был именно таким, какой она ожидала: по мнению матери, это было вполне подходящее для женщины занятие.

Люди у стойки вспомнили про рюмки. В кусочке зеркала над баром, не загороженным их плечами, она видела свое отражение. Ее сегодняшняя внешность не отличалась от вчерашней: густые светло-каштановые волосы, обрамляющие личико, выглядевшее так, будто какой-то великан положил одну руку ей на голову, а другой взял ее за подбородок, после чего слегка сжал лицо; большие зеленовато-коричневые глаза под тяжелой прядью волос; широкие скулы; детский рот. Кошачье лицо, подумала она, но оно вполне кстати здесь, среди отражений бесчисленных бутылок и прочего сияния, присущего бару. Несмотря на обманчивую детскость черт, это лицо могло становиться замкнутым и таинственным. Корделия рано освоила стоицизм. Все ее приемные родители, желая ей только добра (каждый, правда, на свой лад), требовали от нее всего одного – чтобы она была счастливой. Она быстро усвоила, что демонстрация недовольства жизнью могла привести к утрате любви. По сравнению со столь рано выученной дисциплиной утаивания собственных чувств все последующие уловки уже не представляли особого труда.

К ней приблизился Нос. Он уселся рядом с ней на скамье, почти касаясь ее коленом, обтянутым грубым твидом. Нос вызывал у нее антипатию, хотя, кроме него, у Берни не было друзей. Берни объяснял ей, что Нос работает информатором и что им довольны. У Носа были

и другие источники дохода. Время от времени его приятели присваивали знаменитое полотно или бесценные украшения. Получив от них исчерпывающие инструкции, он намекал полицейским, где искать краденое. Нос делился с ворами заработанным вознаграждением, кроме того, не оставался внакладе и детектив – ведь он делал, в конце концов, всю работу. Берни разъяснял, что страховые компании отделяются при этом легким испугом, собственники получают назад свое достояние целым и невредимым, воры могут не опасаться полиции, а Нос и детектив довольно хлопают себя по карману. Такова система. Несмотря на шок, Корделия не стала громко возмущаться. У нее были основания подозревать, что Берни в свое время, подобно Носу, тоже занимался вынюхиванием, правда, не столь умело и не достиг таких блестящих финансовых результатов.

У Носа слезились глаза, рука, державшая рюмку с виски, дрожала.

– Бедный старина Берни, я видел, к чему все идет. Он уже целый год терял в весе, и лицо стало таким серым – мой отец называл это «раковым цветом лица».

Выходит, Нос заметил то, на что не обращала внимания она. Берни всегда казался ей серым и болезненным. Горячее колено прижалось к ее ноге еще теснее.

– Бедолага, ему никогда не улыбалось счастье. Его вышвырнули из Департамента уголовного розыска. Он говорил вам об этом? Все этот старший инспектор Дэлглиш – тогда он был просто инспектором. Господи, ну и негодяй! С таким шутики плохи, можете поверить мне на слово.

– Да, Берни мне рассказывал, – солгала Корделия и добавила: – Он не особенно расстраивался по этому поводу.

– А что толку расстраиваться? Будь что будет – вот мой девиз. Наверное, вы станете теперь подыскивать другую работенку?

Он определенно ждал от нее утвердительного ответа, будто ее уход позволит ему распоряжаться в агентстве, как ему заблагорассудится.

– Пока нет, – сказала Корделия. – Пока не стану.

Она приняла сразу два решения: во-первых, она будет продолжать дело Берни до тех пор, пока не иссякнут деньги, чтобы вносить арендную плату за контору; во-вторых, никогда больше ее ноги не будет в «Золотом фазане».

Решение не бросать дело продержалось еще четыре дня – до тех пор, пока она не распала арендную книжку и контракт, из которого следовало: Берни не был владельцем домика на Кремон-роуд, а ее проживание в нем стало противозаконным и, уж во всяком случае, ограниченным во времени; решение пережило беседу в банке, из которой стало ясно, что денег на счету Берни хватит лишь, чтобы оплатить его похороны, и в гараже, где ей поведали, что «остину-мини» вот-вот предстоит капитальный ремонт; решение не было поколеблено даже уборкой в доме на Кремон-роуд.

Банки с ирландским рагу и консервированной фасолью – неужели он не ел ничего, кроме этого? – сложенные аккуратной пирамидкой, как в продуктовой лавке; здоровенные баки с мастикой для чистки пола и металлических ручек, наполовину порожние, наполовину высохшие; ящик, забитый салфетками, используемыми вместо тряпок, задубевшими от пыли и полироля; полная доверху корзина с грязным бельем; толстые шерстяные трико, свалявшиеся и побуревшие от стирки, – как он мог допустить, чтобы после него остались такие вещи?..

Она ежедневно посещала контору, где убиралась и возилась с бумагами не покладая рук. Ни звонков, ни клиентов не было, но у нее все равно хватало дел. Требовалось также ее присутствие на следствии, хотя на нее удручающе действовали все эти скучные формальности, результатом которых могло быть лишь одно мрачное заключение. Еще она побывала у адвоката Берни. Он оказался бездушным стариком, чья контора размещалась очень далеко, у станции «Майл-Энд». Весть о смерти своего клиента он воспринял с мрачной покорностью, будто это

было личным оскорблением. Покопавшись немного, он нашел завещание Берни, которое прочел с выражением подозрительности на лице, будто не сам он совсем недавно составил этот документ. У Корделии сложилось впечатление, что он считает ее любовницей Берни, – иначе с какой стати тот стал бы передавать ей свое дело? – однако, будучи человеком светским, не станет обращать свою догадку против нее. Он не принял участия в организации похорон, а лишь снабдил Корделию адресом похоронного бюро, по всей видимости, отчислившего ему комиссионные. После недельного общения с удручающе-торжественными людьми Корделия с облегчением распознала в служащем похоронного бюро человека жизнерадостного и компетентного. Выяснив, что Корделия не намерена проливать слез и устраивать театральные представления над телом усопшего, он с видимым удовольствием перешел к обсуждению сравнительной дешевизны и прочих достоинств кремации по сравнению с погребением, проявив при этом неожиданную искренность:

– Только кремация! Вы говорите, усопший не застрахован? Так сделайте все как можно быстрее, проще и дешевле! Верьте моему слову, в девяти случаях из десяти усопший именно этого и желал бы. Могила в наши дни – слишком дорогая роскошь, не нужная ни ему, ни вам. Прах к праху, пепел к пеплу. А как насчет предшествующих процедур? Не хочется об этом думать, так ведь? Тогда почему не совершить все как можно проще, с помощью надежных современных методов? Учтите, мисс, я даю вам советы вопреки своим же интересам.

– Очень любезно с вашей стороны, – отозвалась Корделия. – Как вы считаете, потребуется венок?

– Почему бы и нет, это хороший тон. Положитесь на меня.

Итак, кремация и один венок. Венок являл собой вульгарное переплетение лилий и гвоздик, которые уже увядали. Покойного провожал в последний путь священник, который отлично знал, с какой скоростью произносить положенные случаю слова, звучавшие так, будто он просил у слушателей прощения за свою веру в то, во что им вполне позволительно не верить. Берни сошел в огненную геенну под звуки синтезированной музыки и как раз вовремя, судя по нетерпеливому шарканью ног очередного кортежа, поджидавшего у ворот часовни.

После церемонии Корделия осталась стоять на ярком солнце, чувствуя через подметки туфель жар нагретой щебенки. Воздух был напоен густым ароматом цветов. Ощувив внезапно отчаяние и гнев за Берни, она немедленно нашла козла отпущения в лице некоего старшего инспектора Скотланд-Ярда. Вот кто выкинул Берни с единственной работы, к которой он когда-либо стремился; вот кто даже не позаботился узнать, что стало с ним после этого; и – самое иррациональное обвинение – даже не позаботился явиться на похороны! Берни испытывал потребность быть детективом, подобно тому, как другие люди испытывают потребность писать красками, сочинять стихи, пить или развратничать. Разве Департамент уголовного розыска не мог приютить всего одного человека с его энтузиазмом и никчемностью? В первый раз за все время Корделии стало жаль Берни до слез; горячие капельки лишили ее зрения отчетливости, и длинная вереница ожидающих своей очереди катафалков, переливающихся блеском сусального золота и колеблющихся вместе с усыпавшими все цветами, представилась бесконечной дрожащей линией. Сдернув с головы черную вуаль, единственную уступку трауру, она зашагала к станции метро.

Добравшись до «Оксфорд-серкус», она почувствовала жажду и решила попить чаю в ресторане универмага «Дикинс энд Джоунз». Это было необычное, даже экстравагантное решение, но, в конце концов, чего не сделаешь в такой необычный и экстравагантный день? Она растянула удовольствие, чтобы вкусить всего сполна, в соответствии со счетом, и возвратилась в контору только в четверть пятого.

Ее ждали. У дверей томила женщина; ее отрешенный вид совершенно не соответствовал грязным, засаленным стенам, которые она подпирала плечами. Корделия в изумлении затаила дыхание, замерев на ступеньке. Она поднималась бесшумно и теперь имела воз-

можно наблюдать за посетительницей, оставаясь незамеченной. Впечатление оказалось ярким: перед ней была самоуверенная и властная особа, чей наряд вселял ужас своей безупречностью. Серый костюм с отстающим воротничком, из-под которого выглядывала прикрывающая горло узкая полоска белоснежного хлопка, и черные модельные туфельки наверняка приобретены в самом дорогом магазине. С левого плеча свисала большая черная сумка с накладными карманами. Женщина отличалась высоким ростом, а ее коротко подстриженные, преждевременно поседевшие волосы обхватывали голову, как купальная шапочка. Ее продолговатое лицо казалось бледным. Она читала «Таймс», держа газету сложенной в правой руке. Спустя несколько секунд она почувствовала, что на нее смотрят, и встретила взгляд Корделии глазами. Женщина взглянула на часы.

– Если вы Корделия Грей, то вы опоздали на восемнадцать минут. В записке говорится, что вы вернетесь в четыре часа.

– Я знаю, прошу прощения. – Корделия преодолела последние ступеньки и поспешно вставила ключ в замочную скважину. – Проходите.

Оказавшись в конторе, женщина обернулась к ней, не устаивая вниманием помещение.

– Я надеялась повидаться с мистером Прайдом. Скоро ли он вернется?

– Мне очень жаль, но я только что с его кремации. То есть... Берни умер.

– Понятно. По нашим сведениям, десять дней назад он был жив. Что ж, скорая и благопристойная смерть.

– О нет. Берни покончил с собой.

– Как странно! – Посетительница и впрямь нашла сообщение странным. Сложив руки, она некоторое время походила по комнате, силясь изобразить печаль.

– Как странно! – повторила она. Из ее груди вырвался смешок. Корделия хранила молчание. Женщины обменялись многозначительными взглядами. Наконец посетительница произнесла:

– Что ж, видимо, день потрачен напрасно.

Корделия выдохнула почти неслышное «Нет!» и чуть не ринулась гостью наперерез, прикрывая собой дверь.

– Прошу вас, не уходите, не поговорив со мной. Я была партнершей мистера Прайда, и теперь это моя контора. Уверена, я смогу вам помочь. Пожалуйста, присядьте!

Гостья осталась стоять, не обращая внимания на предложенный стул.

– Помочь не сможет никто, никто на свете. Однако речь не об этом. Моему боссу нужно кое-что выяснить, получить кое-какую информацию, и он решил, что мистер Прайд – именно тот, кто сможет ее раздобыть. Не знаю, сочтет ли он вас достойной заменой. От вас можно поговорить по телефону?

– Сюда, пожалуйста.

Посетительница прошла в кабинет, все так же не обращая ни малейшего внимания на окружающее убожество.

– Простите меня, – сказала она, повернувшись к Корделии, – я не представилась. Меня зовут Элизабет Лиминг, я работаю у сэра Рональда Келлендера.

– Специалист по охране природы?

– Ни в коем случае не называйте его так в его присутствии. Он предпочитает именоваться микробиологом, так как им и является, извините.

Она плотно притворила дверь. Корделия, внезапно почувствовав слабость в ногах, присела у пишущей машинки. Клавиши – почему-то показавшиеся совершенно незнакомыми символами в черных кружочках – расплылись перед ее усталыми глазами, чтобы через мгновение снова выстроиться в прежнем порядке. Она вцепилась в холодные и отчего-то липкие бока машинки и велела себе успокоиться. Ее сердце бешено колотилось.

«Я должна сохранять спокойствие, чтобы она видела, что я не размазня. Это все похороны Берни и солнце». Все тщетно; к слабости добавилась только злость на собственное малодушие.

Разговор отнял у гостьи всего несколько минут. Дверь кабинета распахнулась; мисс Лиминг стояла в дверном проеме, натягивая перчатки.

– Сэр Рональд, попросил привезти вас. Вы можете ехать прямо сейчас?

«Куда?» – подумала Корделия, но ничего не сказала.

– Да. Мне понадобятся инструменты?

Так назывался любовно хранимый Берни чемоданчик с предметами для осмотра места преступления – пинцетами, ножницами, приспособлениями для снятия отпечатков пальцев и емкостями для образцов; Корделии еще ни разу не приходилось им пользоваться.

– Смотря какие инструменты. Вообще-то вряд ли. Сэр Рональд хотел бы увидеть вас, прежде чем решить, доверить ли вам работу. Придется ехать на поезде в Кембридж, но вечером вы уже вернетесь. Вам нужно с кем-нибудь переговорить?

– Нет, я сама себе хозяйка.

– Наверное, мне следует представиться подробнее. – Она заглянула в свою сумку. – Вот конверт с адресом. Я не содержательница борделя, если таковые еще существуют, – на случай если вам боязно.

– Мне бывает боязно по многим причинам, но содержательницы борделей оставляют меня равнодушной, в противном случае конверт с адресом вряд ли развеял бы мои опасения. Я бы настояла на том, чтобы самой позвонить сэру Рональду Келлендеру для проверки.

– Тогда, может быть, позвоните? – беззлобно предложила мисс Лиминг.

– Нет.

– Значит, едем? – Мисс Лиминг направилась к двери. На лестничной площадке она привлекла внимание Корделии, запиравшей за собой дверь, к блокноту с карандашом, свисающим с гвоздя.

– Может быть, вам лучше переделать свое послание?

Корделия оторвала листок с прежней записью, немного поразмыслила и написала: *Уехала по срочному делу. Записки, оставленные под дверью, будут мною внимательно изучены после возвращения.*

– Это приободрит ваших клиентов, – заметила мисс Лиминг.

По бесстрастному тону, каким это было сказано, Корделия так и не смогла определить, была ли в этих словах ирония. Она с удивлением обнаружила, что нисколько не обижена на то, с какой решительностью взялась за дело ее гостья. Она послушно спустилась вслед за ней на Кингли-стрит.

Они доехали по центральной линии метро до станции «Ливерпуль-стрит» и взяли билеты на поезд, отходящий в Кембридж в 17.36. Времени до отхода поезда было достаточно. Мисс Лиминг заплатила за билет Корделии, забрала из камеры хранения портативную пишущую машинку и чемоданчик с бумагами и зашагала к вагону первого класса.

– Я поработаю в поезде. У вас есть что почитать?

– Да-да, все в порядке. Я тоже не люблю болтать в дороге. У меня с собой всегда есть книга – на этот раз «Старший трубач полка» Харди.

После остановки в Бишопс-Сторфорде они остались в купе одни, однако мисс Лиминг всего один раз отвлеклась от своей работы, чтобы спросить Корделию:

– Как получилось, что вы стали работать с мистером Прайдом?

– После школы я жила со своим отцом в Европе. Мы много путешествовали. Он умер в Риме в прошлом мае от сердечного приступа, и я вернулась назад. Я сама овладела стенографией и машинописью и поступила в агентство секретарей. Оно и направило меня к Берни,

а он через несколько недель попросил меня помочь ему с некоторыми делами, потом решил обучить меня, и я осталась у него. Два месяца назад он сделал меня своей партнершей.

Это означало всего лишь, что она отказалась от регулярной зарплаты в обмен на неопределенное вознаграждение в случае удачного завершения очередного дела, а также бесплатную комнату в доме Берни. Берни был настроен серьезно: партнерство предлагалось в расчете на то, что она оценит предложение по достоинству. Это была не премия за хорошее поведение, а ритуал посвящения, основанный на доверии.

– Кем был ваш отец?

– Странствующим марксистским поэтом и революционером-любителем.

– Наверное, у вас было интересное детство.

Вспомнив череду приемных матерей, необъяснимые переезды из дома в дом, переходы из школы в школу, озабоченные лица местных работников службы наблюдения за трудными подростками и школьных учителей, ломавших голову, гадая, куда ее девать на каникулы, Корделия ответила так, как отвечала в подобных случаях всегда, – серьезно, без малейших признаков иронии:

– Да, это было очень интересно.

– А чему вас обучил мистер Прайд?

– Кое-чему из того, что сам знал из работы в Департаменте уголовного розыска: как правильно осматривать место преступления, как собирать вещественные доказательства, элементарным приемам самообороны. Еще обнаруживать и снимать отпечатки пальцев – все в таком роде.

– Такие навыки вряд ли пригодятся вам при расследовании этого дела.

Мисс Лиминг снова склонилась над бумагами и не произнесла больше ни единого слова до самого Кембриджа.

Покинув вокзал, мисс Лиминг быстро обвела глазами стоянку автомобилей и зашагала к небольшому черному фургону. Рядом с ним стоял навтыжку, как солдат, коренастый молодой человек в белой рубашке с расстегнутым воротом, темных бриджах и высоких ботинках, которого мисс Лиминг представила Корделии коротко и бесстрастно: «Ланн». Молодой человек кивнул, но не улыбнулся. Корделия протянула ему руку. Его пожатие было коротким, но очень сильным, грозящим переломать пальцы; едва сдерживаясь, чтобы не скорчиться от боли, она увидела в его мутно-карих глазах странный огонек и заподозрила, что он поступил так специально. Это были достойные внимания, прекрасные глаза, влажные, с тяжелыми ресницами, как у теленка, и с той же тревогой перед лицом непредсказуемых бед, на которые щедра жизнь. Но его глаза скорее подчеркивали, нежели скрашивали непривлекательность его внешности. Тоскливый, бесцветный предмет, подумала Корделия. Какая короткая, толстая шея, какие страшные плечи, от напора которых вот-вот полопаются швы!.. Его голову венчала копна густых черных волос, а на припухлом, отмеченном оспинами лице выделялся нервный рот. Лицо порочного херувима, мелькнуло у нее в голове. Кроме того, молодой человек отличался обильной потливостью: на его рубашке под мышками красовались выразительные пятна, прилипшая к телу ткань повторяла внушительные формы могучих бицепсов.

Корделия обнаружила, что им придется втиснуться втроем на переднее сиденье фургона. Ланн распахнул дверь и вместо извинений произнес:

– «Ровер» пока на ремонте.

Мисс Лиминг посторонилась, и Корделии не осталось ничего другого, кроме как войти первой и усесться рядом с ним. «Они недолюбливают друг друга, а у него антипатия ко мне», – подумала Корделия.

Она недоумевала, каково может быть его место в окружении сэра Рональда Келлендера. Насчет мисс Лиминг она больше не строила догадок: обыкновенная секретарша, сколько бы

лет службы ни осталось за ее плечами, какой бы она ни стала незаменимой, не приобрела бы столь властного вида и не обмолвилась бы о своем боссе с такой покровительственной иронией. Но Ланн пока вызывал у нее сомнения. Судя по поведению, он далеко не подручный, но и назвать его ученым у нее не повернулся бы язык. Правда, ученые оставались для нее чужаками. Единственной ученой на ее жизненном пути была сестра-монахиня Мэри Магдалена. Сестра обучала ее тому, что именуется в словарях «азами науки»: немножко простейшей физики, немножко химии, чуть-чуть биологии – все бесцеремонно сваленное в одну кучу. В монастыре Непорочного Зачатия на науку смотрели спустя рукава, чего не скажешь об искусстве. Сестра Мэри Магдалена была скромной пожилой монахиней, никогда не снимавшей очков в стальной оправе, с вечно испачканными химикатами неуклюжими пальцами, не меньше, чем ее ученицы, удивлявшейся взрывам и прочим извержениям, сопровождавшим ее манипуляции с пробирками. Она в большей степени стремилась продемонстрировать непознаваемость Вселенной и незыблемость установленных Господом законов, нежели рассыпать перед ученицами краугольные камни науки, и с честью выполняла свою задачу. Корделия чувствовала, что премудрости, освоенные в компании сестры Мэри Магдалены, вряд ли помогут ей в общении с сэром Рональдом Келлендером. Сэр Рональд, радевший об охране природы задолго до того, как эта тема вошла в моду, представлявший страну на международных конференциях по экологии и пожалованный за свои заслуги рыцарским достоинством! Все это было известно Корделии, как и остальной стране, благодаря его появлению в воскресных телепрограммах. Ученый до кончиков ногтей, тщательно избегающий политических игр, олицетворяющий легенду о бедном мальчугане, рожденном добрым и оставшимся таковым на всю жизнь. И как только ему могло взбрести в голову обратиться к Берни Прайду?

Не зная, до какой степени Ланн посвящен в дела хозяина и мисс Лиминг, она осторожно спросила:

- Как сэр Рональд прослышал о Берни?
- Со слов Джона Беллинджера.

Итак, вот они, отголоски дела Беллинджера! Берни терпеливо дожидался их. Дело Беллинджера было его наиболее выгодным предприятием и, кажется, его единственным успехом. Джон Беллинджер служил директором небольшой семейной фирмы, изготавливавшей специальное научное оборудование. Год назад его кабинет наводнили письма непристойного содержания, и, не желая обращаться в полицию, он позвонил Берни. Берни, принятый по его предложению в штат фирмы на правах рассыльного, быстро нашел решение этой не очень-то сложной задачки. Письма сочинял личный секретарь Беллинджера – человек средних лет, пользовавшийся неограниченным доверием. Беллинджер хорошо отблагодарил своего спасителя. После упорных раздумий и консультаций с Корделией Берни направил ему счет, размер которого заставлял жмуриться его самого, и счет был полностью и в срок оплачен. На эти деньги агентство просуществовало целый месяц. Берни всегда говорил: «За дело Беллинджера нам положена премия, вот увидите. В нашей работе может случиться что угодно. Он выбрал нас наугад, ткнув пальцем в строку в телефонной книге, но теперь он будет рекомендовать нас своим друзьям. Это дело – начало взлета».

Вот когда пришла пора для премии за дело Беллинджера – в день похорон Берни!..

Она не задала больше ни одного вопроса, и остаток пути, занявшего в общей сложности меньше получаса, прошел в молчании. Они сидели локоть к локтю, бедро к бедру, но соблюдали дистанцию. Города она не увидела. В конце Привокзальной улицы, у обелиска Героям войны, они свернули влево и скоро оказались вне городской черты. Вокруг расстилались поля с молодой кукурузой, небольшие рощицы отбрасывали на дорогу рассеянную тень, мимо проносились деревеньки с домиками, крытыми соломой, и добротные особняки из красного кирпича. Когда дорога взбегала на холм, Корделия видела шпили и острые крыши городских домов,

обманчиво близкие в свете вечернего солнца. Еще одна деревня, цепочка вязов вдоль дороги, извилистая кирпичная стена – и они въехали в распахнутые стальные ворота.

Дом был построен в георгианском стиле. Возможно, он не был лучшим его образцом, но отличался солидностью, достойными пропорциями и, казалось, составлял часть пейзажа – свойство, присущее лишь добротным произведениям архитектурного искусства. Видавшие виды кирпичные стены, увитые глицинией, мягко светились, побеги переливались, подобно изумрудам, и весь дом начинал поэтому казаться искусственным и невесомым, как декорация для киносъемок. Это был семейный, гостеприимный дом. Однако сейчас его окутывала пелена тишины, и элегантные окна казались глазами мертвеца.

Ланн виртуозно затормозил перед самым крыльцом. Дождавшись, пока обе женщины освободят сиденье, он вновь тронулся с места и исчез за углом. Выпрямившись на долю секунды на высокой подножке, прежде чем спрыгнуть, Корделия успела разглядеть вереницу низких построек, украшенных декоративными башенками, – по всей видимости, конюшен или гаражей. За широко распахнутыми воротами расстилась плоская равнина графства Кембриджшир, окрашенная в нежные цвета начала лета.

– В бывших конюшнях теперь лаборатории, – сказала мисс Лиминг. – С восточной стороны у них вместо стен стекло. Здесь потрудился архитектор-швед. Ему удалось соединить полезное с изящным. – Впервые за весь день в ее голосе послышалась заинтересованность, даже воодушевление.

Корделия вошла в парадную дверь и очутилась в просторном нарядном холле с уходящей влево лестницей и камином из резного камня в правом углу. В воздухе был разлит запах роз и лаванды, туфли вязли в роскошных коврах, устилающих отполированный до зеркального блеска пол, где-то тикали невидимые часы.

Мисс Лиминг подвела ее к двери в противоположной стене холла. За ней располагался кабинет – элегантная комната, уставленная книгами, из окон которой открывался вид на широкие лужайки и стену густых деревьев. У доходившего до пола окна стоял георгианский стол, а за ним восседал человек.

Корделия не раз видела его фотографии в газетах и знала, кто ее ждет. Однако он оказался в одно и то же время и меньше, и внушительнее, чем она себе представляла. Перед ней сидел человек, обладающий острым умом и большой властью; от него так и веяло силой, словно это была сила мускулов. Однако стоило ему приподняться и пригласить ее сесть, как она поняла: он куда ниже ростом, чем позволяют предположить фотографии, а широкие плечи и тяжелая голова создавали впечатление, что верхняя часть его тела вот-вот перевесит нижнюю. На его живом, испещренном морщинами лице выделялся орлиный нос, глубоко посаженные глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, и подвижный, резко очерченный рот. На лоб свисали темные волосы, пока не тронутые сединой. На всем его облике лежала печать утомления. Подойдя ближе, Корделия подметила, как дрожит жилка на его левом виске, а правый глаз слегка налился кровью. Однако его подтянутая фигура, напряженная и энергичная, вовсе не казалась усталой. Голова гордо поднята, глаза из-под тяжелых век смотрят пронизательно и испытующе. Весь вид этого человека говорил о преуспевании. Корделии приходилось видеть таких людей и раньше, она умела выделять их из толпы, когда они расчищают дорогу своим видом, известностью и значительностью, посылая почти физически ощущаемые волны, родственные сексуальным, – людей, не ведающих утомления и недомогания, людей, знающих, что такое власть, и умеющих наслаждаться ею.

Мисс Лиминг взяла слово:

– Вот все, что осталось от детективного агентства Прайда – мисс Корделия Грей.

Пронизательные глаза впились в Корделию.

– «Мы гордимся своей работой». А вы?

Корделия, падающая с ног от усталости после долгой дороги, которой завершился этот знаменательный день, несколько не была настроена вышучивать жалкий каламбур Берни.

– Сэр Рональд, – сказала она, – я приехала сюда, потому что вы, судя по словам вашего секретаря, можете предложить мне работу. Если она ошиблась, я бы с радостью вернулась назад в Лондон.

– Она не секретарь, и она не ошибается. Простите мою невежливость. Просто когда ожидаешь увидеть массивного отставного полицейского, а видишь вас, это сбивает с толку. Я вовсе не имею в виду, мисс Грей, что вы не справитесь. Какова ваша такса?

При всей кажущейся оскорбительности вопрос был сугубо деловым. Ответ Корделии прозвучал слишком быстро:

– Пять фунтов в день плюс расходы. Правда, мы стараемся свести их к минимуму. За такую плату я работаю на вас одного. То есть не занимаюсь другими клиентами, пока не закончу с вами.

– А есть и другие?

– В данный момент нет, но могли бы быть, – сказала Корделия и поспешила добавить: – Еще одно наше условие – честная игра. Если на какой-то стадии расследования я прихожу к заключению, что мне лучше не идти дальше, вы получаете все собранные сведения. Если же я предпочту оставить их при себе, то не возьму с вас денег.

В этом заключался один из принципов Берни. Их у него всегда хоть отбавляй. Даже когда на протяжении целой недели им не было чем заняться, он мог упоенно рассуждать, насколько оправданно не открывать клиенту всей истины, на каком этапе следует подключать к делу полицию и этично ли недоговаривать и лгать, когда работаешь во имя торжества правды. «Только не подслушивание! – восклицал он. – Я категорически против подслушивания. И промышленного шпионажа».

Соблазн и так был невелик. Они не имели аппаратуры для подслушивания, а если бы и имели, все равно не знали, что с этим делать. Берни никогда не получал предложений заняться промышленным шпионажем.

– Звучит вполне разумно, – сказал сэр Рональд, – но не думаю, что в этом деле у вас возникнут конфликты с совестью. Дело сравнительно простое. Восемнадцать дней назад повесился мой сын. Я хочу узнать, почему он сделал это. Вам это под силу?

– Хотела бы попробовать, сэр Рональд.

– Насколько я понимаю, вам нужна кое-какая информация о Марке. Мисс Лиминг вам все напечатает, вы прочтете и сообщите нам, чего вам не хватает.

– Лучше услышать это от вас самого.

– Это так необходимо?

– Мне это будет полезнее.

Он поудобнее устроился в своем кресле и повертел в руках огрызок карандаша. Через минуту он рассеянно сунул его в карман и, не глядя на нее, заговорил:

– Двадцать пятого апреля этого года моему сыну Марку исполнился двадцать один год. Он был студентом-историком в том же колледже в Кембридже, где учился я. Завершался последний год его учебы. Пять недель назад, никого не предупредив, он оставил университет и нанялся садовником к майору Маркленду, обитающему в усадьбе «Саммертриз» под Даксфордом. Ни тогда, ни позже Марк никак не объяснил мне своего поступка. Он жил один в коттедже рядом с домом майора Маркленда. Спустя восемнадцать дней сестра майора нашла его висящим на ремне, зацепленном за крюк в потолке гостиной. Полиция пришла к заключению, что он сам наложил на себя руки из-за нарушения психики. Я не слишком хорошо знал психику своего сына, но я не согласен с этой удобной отговоркой. Он мыслил рационально. Если он так поступил, значит, тому была причина, и я хочу ее знать.

Мисс Лиминг, смотревшая через окно в сад, повернулась и сказала с неожиданной горячностью:

– Ох уж эта жажда все знать! Зачем совать нос в чужие дела? Если бы он хотел этого, он бы сам все нам рассказал.

Сэр Рональд сказал:

– Я не могу вынести этой неопределенности. Мой сын мертв. Мой сын. Если тут моя вина, я хочу это знать. Если виноват кто-то другой, я хочу знать и об этом.

Корделия оглядела их обоих и спросила:

– Он оставил записку?

– Записку, но не объяснение. В пишущей машинке.

Мисс Лиминг тихо заговорила:

– «Томительно долго спускались мы извилистым подземельем и вот увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней Провидение»»¹.

Хриплый, неожиданно глубокий голос перестал звучать. Воцарилось молчание. Затем сэр Рональд произнес:

– Вы называете себя детективом, мисс Грей. Что вы скажете об этом?

– Что ваш сын читал Уильяма Блейка. Разве это не отрывок из «Союза неба и ада»?

Сэр Рональд и мисс Лиминг переглянулись, и сэр Рональд сказал:

– Говорят, что да.

Корделия подумала, что проповедь Блейка, лишенная страсти, ярости и отчаяния, скорее могла бы служить эпитафией утопленнику или самоубийце, избравшему яд, и сопровождать церемонное отплытие в небытие, нежели болезненную гибель в петле. И все-таки логика существовала и здесь, ибо повешенный тоже проваливается в пустоту. Нет, все это фантазии в поисках снисхождения. Несчастный выбрал Блейка и петлю. Возможно, в его распоряжении не оказалось иных, менее травмирующих способов. Возможно, им руководил слепой порыв. Что говаривал по этому поводу Шеф? «Сначала – факты, теория – потом». Надо будет взглянуть на этот коттедж.

– Так что же, беретесь? – нетерпеливо спросил сэр Рональд.

Корделия взглянула на мисс Лиминг, но та не пожелала встретиться с ней глазами.

– Да, берусь. Вопрос в том, поручаете ли вы мне эту работу.

– Я предлагаю ее вам. Думайте о своих обязанностях, мисс Грей, а я позабочусь о своих.

– Можете ли вы сообщить мне еще что-то? Самое обычное. Был ли ваш сын здоров? Не беспокоили ли его любовные дела, работа? Или деньги?

– В двадцать пять лет Марк получил бы в наследство целое состояние по завещанию своего деда по матери. Пока же он имел от меня достаточно денег, однако в день переезда в коттедж он перевел все обратно на мой счет и распорядился в банке поступать аналогичным образом с последующими поступлениями. Надо полагать, он жил на то, что зарабатывал в эти последние две недели своей жизни. Вскрытие не выявило никаких заболеваний, а наставник в колледже положительно отзывался о его успеваемости. Мне мало что известно о его жизни. Он не делился со мной своими интимными переживаниями – но разве найдется молодой человек, который станет делиться этим с родным отцом? Если у него были связи, то, надо полагать, с особами противоположного пола.

Мисс Лиминг прервала созерцание сада. С жестом, означавшим отчаяние и покорность судьбе, она воскликнула:

– Мы ничего не знали о нем, ничего! Зачем же ждать смерти и лишь потом начинать узнавать?!

¹ Перевод А. Я. Сергеева.

– А друзья? – спокойно спросила Корделия.

– Они появлялись здесь редко, но двоих я видел на дознании и на похоронах: Хьюго Тиллинг из его колледжа и его сестра, аспирант-филолог из женского колледжа Нью-Холл. Кажется, ее звали Элиза?

– Софи. Софи Тиллинг. Марк раза два приводил ее сюда на обед.

– Расскажите, пожалуйста, о прежней жизни вашего сына. О его школьных годах.

– В пять лет он пошел в частную школу для малышей, потом – в подготовительную школу. Я не мог допустить, чтобы ребенок носился по лаборатории без присмотра. Затем по желанию матери – она умерла, когда Марку было девять месяцев, – он поступил в частную школу-интернат Вударда. Моя жена была яркой приверженкой англиканской церкви и хотела, чтобы мальчик получил соответствующее воспитание. Насколько я знаю, это не оказало на него губительного воздействия.

– Как он чувствовал себя в подготовительной школе?

– Думаю, так же, как большинство восьмилеток: большую часть времени страдал, но иногда в нем просыпался зверек. Разве все это имеет значение?

– Все может иметь значение. Я стараюсь познакомиться с ним.

Чему учил этот надменный мудрец и сверхчеловек – Шеф? «Узнайте, что представляла собой жертва. Ничего, что касается ее, не может быть ни тривиальным, ни мелким. Мертвые умеют разговаривать. Они могут указать прямой путь к убийце». Только на этот раз обошлось без убийцы.

– Было бы весьма полезно, если бы мисс Лиминг могла снабдить меня краткой запиской с перечислением всего сказанного вами, а также назвать колледж и фамилию руководителя группы. Кроме того, мне потребуется подписанный вами документ, разрешающий проводить расследование.

Он вынул из левого ящика стола лист бумаги, быстро написал на нем что-то и передал Корделии. На бланке значилось: «Сэр Рональд Келлендер, член Королевского общества, Гарфорд-Хаус, Кембриджшир». Ниже следовала приписка: «Предъявительнице сего, мисс Корделии Грей, разрешено проводить от моего имени расследование смерти моего сына Марка Келлендера, наступившей 26 мая». Далее шла подпись и дата.

– Что-нибудь еще?

– Вы говорили о возможности того, что в смерти вашего сына виноват кто-то другой. Вы оспаривали заключение?

– Заключение основывалось на фактах, и ничего другого от него ожидать не следовало. Там не шло речи об установлении истины. Я же прошу вас сделать такую попытку. Теперь у вас есть все? Вряд ли мы что-нибудь упустили.

– Мне бы хотелось иметь фотографию.

Сэр Рональд и мисс Лиминг посмотрели друг на друга в замешательстве.

– Фотография... У нас есть фотография, Элиза?

– Остался его паспорт, но я не знаю, где он. Есть еще фотография, которую я сделала прошлым летом в саду. Он на ней как живой. Я принесу ее.

Она вышла. Корделия сказала:

– Еще мне бы хотелось взглянуть на его комнату. Насколько я понимаю, в каникулы он жил здесь?

– Изредка. Но комната, конечно, у него была. Пойдемте посмотрим.

Комната располагалась на третьем этаже. Войдя в нее, сэр Рональд забыл о существовании Корделии. Он подошел к окну и застыл, уставившись на лужайку, будто ни она, ни эта комната не представляли для него ни малейшего интереса. Комната ничего не подсказала Корделии о том, каким был взрослый Марк. Обставлена довольно просто, как будто здесь продолжал жить ребенок, в ней, должно быть, ничего не менялось за последние десять лет. У стены стоял

невысокий белый шкаф с забытыми детскими игрушками – мишка со свалывшейся шерстью и висящим на ниточке глазом, разноцветные деревянные поезда и грузовики, Ноев ковчег с застывшими на выцветшей палубе зверями под водительством круглолицего Ноя и его супруги, кораблик с повисшим парусом и миниатюрным щитом для метания дротиков. Над игрушками в два ряда стояли книги – стандартная библиотечка ребенка из средних слоев общества: признанные шедевры классиков, передаваемые от одного поколения к другому, и произведения, обычно зачитываемые вслух няней и матерью. К Корделии эти книжки попали позже, когда она стала уже взрослой: ее детство было заполнено комиксами и телепрограммами. Она спросила:

– А что он читал в последнее время?

– Те книги на чердаке, в ящиках. Он прислал их сюда на хранение, когда оставил колледж, и мы еще не успели их распаковать. Да это и ни к чему.

У кровати стоял маленький круглый столик с лампой и ярким круглым камнем, испещренным замысловатыми отверстиями, проделанными морем, – сокровищем, подобранным, должно быть, на каком-нибудь пляже во время каникул. Сэр Рональд прикоснулся к камню своим длинным пальцем и принялся катать его ладонью по столу. Затем, думая о чем-то другом, он опустил его в карман.

– Что ж, – сказал он, – наверное, пора спускаться?

У лестницы их поджидала мисс Лиминг. Пока они медленно шествовали вниз, она не отводила от них пристального взгляда. Затем плечи мисс Лиминг опустились, будто придавленные усталостью, и она произнесла:

– Я нашла фотографию. Хотелось бы получить ее обратно, когда вы закончите работу. Она в этом конверте вместе с запиской. Следующий скорый отходит в Лондон только в девять тридцать семь, так что, может быть, поужинаете с нами?

За ужином царила довольно странная атмосфера, да и сама еда оставляла впечатление чего-то формального и случайного, хотя Корделии показалось, что именно такой она и задумывалась. За всем этим определенно стояла некая цель, но ей так и не удалось определить, какая именно, – то ли собрать вечером за общим столом убежденных единомышленников, то ли отдать дань ритуалу независимо от состава присутствующих. Ужинающих набралось десять человек: сэр Рональд Келлендер, мисс Лиминг, Крис Ланн, заезжий американский профессор, чью труднопроизносимую фамилию она немедленно забыла, и пятеро молодых ученых. Все мужчины, включая Ланна, были затянуты в смокинги. На мисс Лиминг была длинная пестрая юбка и простая блузка без рукавов. Стоило ей встать и пройти при свете свечей, как ее одеяние начинало переливаться всеми цветами радуги, подчеркивая строгое серебро ее волос и бледность кожи. Корделии оставалось только сожалеть, что она не может появиться перед гостями в чем-то другом, кроме своей желто-коричневой юбки и зеленой блузки: в двадцать три года элегантность значит больше, чем молодость.

Перед ужином ей дали воспользоваться покоем мисс Лиминг, и на нее произвели должное впечатление простота и элегантность спальни, роскошь примыкающей к ней ванной комнаты. Рассматривая в зеркало свое усталое лицо и орудуя губной помадой, она вспомнила, что забыла захватить тени для глаз. Осуждая саму себя, она открыла ящик туалетного столика. Ее глазам предстало изобилие всяческой косметики: губная помада вышедших из моды цветов, крем-пудры, карандаши для глаз, увлажняющие крема, духи. Порывшись в ящике, она нашла тени, пользование которыми не вызвало у нее угрызений совести ввиду страшного кавардака в ящике и его очевидной переполненности. Результат ее усилий был забавным, но бросающимся в глаза. Конечно, о конкуренции с мисс Лиминг не могло быть и речи, но ей по крайней мере удалось прибавить себе лет пять. Беспорядок в ящике удивил ее сверх всякой меры, и ей стоило немалого труда совладать с соблазном проверить, не находится ли в том же состоянии и гардероб. Насколько противоречивое и занятое создание – человек! Она никак не ожидала такой небрежности от столь утонченной и уверенной в себе дамы.

Мисс Лиминг усадила Корделию между собой и Ланном, так что приятного разговора ожидать не приходилось. Остальные гости расселись произвольно. Убранство стола тоже поражаало сочетанием элегантности и простоты. Единственными источниками света служили три серебряных подсвечника, расставленные с равными промежутками вдоль стола. Между ними мерцали четыре зеленых кувшина с вином, вроде тех, которые Корделии нередко доводилось видеть в дешевых итальянских ресторанах. Перед сидящими лежали простые пробковые салфетки под тарелками, зато вилки и ложки были серебряными и определенно почтенного возраста. Цветы в низких вазах были расставлены наугад и заставляли предположить, что чья-то заботливая рука подобрала их после сильного ливня, нанесшего урон садовой растительности, и поместила в воду, дабы немного продлить им жизнь.

Молодые люди смотрелись в смокингах довольно-таки нелепо, однако вовсе не чувствовали себя в них стесненно, так как сознавали принадлежность к категории просвещенных и преуспевающих, хотя трудно было избавиться от впечатления, что смокинги приобретены в лавке подержанных вещей для разового появления на балу ряженных. Трое молодых людей вели себя неряшливо, говорили много и громко и ни разу не обратили внимания на Корделию. Двое других вели себя скромнее, а один из них, высокий брюнет с неправильными чертами лица, время от времени улыбался ей через стол, сожалея, видимо, что не может завязать с ней беседу.

Яства были внесены в столовую слугой-итальянцем и его супругой, которые расставили горячие блюда на маленьком столике. Еды оказалось много, а ее запах источал такой аромат, что Корделия поняла, до чего сильно проголодалась. На одном блюде сверкал белоснежный рис, рядом в густом грибном соусе тонули лакомые кусочки телятины и высилась салатница со шпинатом. На отдельном столике для холодных закусок гурманов поджидала ветчина, говяжий филей и всевозможные салаты и фрукты. Каждый брал что угодно и в любых количествах. Молодые ученые не стеснялись накладывать тарелки с горкой, и Корделия последовала их примеру.

Она не следила за разговором, но мысленно отметила, что темой была наука и что Ланн, говоривший меньше остальных, вел себя наравне со всеми. В тесном смокинге он выглядел наиболее нелепо, однако, как ни странно, чувствовал себя свободнее остальных, заставляя предположить, что он в этой комнате занимает второе по значению место. Корделия задумалась, почему так происходит, но так ни до чего и не додумалась. Ланн ел медленно, поддерживая скрупулезный порядок на своей тарелке и время от времени скупно улыбался своим мыслям.

На другом конце стола сэр Рональд беседовал с американцем и чистил при этом яблоко. Узкая зеленая кожура вилась сквозь его длинные пальцы и кольцами опускалась в тарелку. Корделия взглянула на мисс Лиминг. Та сидела, устремив на сэра Рональда до того пристальный и полный немого вопроса взгляд, что Корделии сделалось не по себе: она подумала, что сидящие за столом обязательно обратят внимание на это надменное бледное лицо. Мисс Лиминг, как будто почувствовав, что на нее смотрят, спохватилась и обернулась к Корделии:

– Когда мы ехали сюда, вы читали Харди. Он вам нравится?

– Очень. Но еще больше мне нравится Джейн Остен.

– Тогда вам надо найти возможность сходить в музей Фицуильяма в Кембридже. Там хранится письмо Джейн Остен. Думаю, вам это будет интересно.

Она говорила со старательной, искусственной легкостью хозяйки, пытающейся заинтересовать беседой трудного гостя. Корделия, сидя с набитым телятиной и грибами ртом, забеспокоилась, что остаток ужина может превратиться для нее в сущую пытку. К счастью, американский профессор услышал слово «Фицуильям» и осведомился через стол о коллекции майолики, к которой, видимо, был неравнодушен. Завязался общий разговор.

Мисс Лиминг сама отвезла Корделию на станцию – на этот раз не в Кембридж, а в Одли-Энд, причем объяснений не последовало. О деле не было сказано ни слова. Корделия едва держалась на ногах от усталости, еды и вина, поэтому отдала себя в чужие руки и позволила

поместить в поезд, не задав больше ни единого вопроса. Все равно ей не удалось бы узнать больше того, что она уже знала. Когда поезд тронулся, ее усталые пальцы вскрыли твердый белый конверт, переданный ей мисс Лиминг, и извлекли из него лист бумаги. Аккуратно отпечатанная информация не содержала никаких откровений. Еще в конверте лежала фотография. С нее смотрел улыбающийся юноша с полуповернутой в сторону объектива головой, прикрыв ладонью глаза от солнца. На нем были джинсы и куртка, он полулежал на траве, обложенный книгами. Наверное, он занимался под деревом, когда мисс Лиминг появилась в окне с фотоаппаратом и попросила его улыбнуться. Фотография не сказала Корделии ровно ничего, кроме того, что хотя бы одно мгновение он сумел побыть счастливым. Она вложила фотографию обратно в конверт, накрыла конверт рукой и уснула.

Глава 2

На следующее утро Корделия вышла из дома на Кремон-роуд, когда еще не было семи. Несмотря на усталость, она подготовилась к отъезду накануне вечером, прежде чем лечь. Это не заняло много времени. Вспомнив наставления Берни, она тщательно проверила набор инструментов для обследования места преступления, хотя в этом не было никакой необходимости, так как к нему никто ни разу не притронулся с тех самых пор, как Берни собрал его в ознаменование их свежеиспеченного партнерства. Она приготовила фотоаппарат «ПолярOID» и набор дорожных карт, вытряхнула и туго свернула спальный мешок, набила сумку консервированными супами и бобами из запасов Берни, после недолгих размышлений вооружилась книгой профессора Симпсона по судебной медицине и портативным радиоприемником, а также аптечкой. В довершение сборов она нашла чистую тетрадь, озаглавила ее «Дело Марка Келлендера» и разграфила несколько страничек в конце, намереваясь вписывать туда расходы. Предварительный этап всегда приносит наибольшее удовлетворение, ибо еще нет места скуке и отвращению, прозрению и ожиданию провала. На стадии планирования Берни ничего не упускал из виду и всегда добивался успеха; реальность же неизменно сулила ему разочарование.

Наконец настал черед одежды. Если и впредь будет так же тепло, ее многоцелевой костюм, приобретенный после длительной экономии и напряженных размышлений как форма, соответствующая любой жизненной ситуации, может оказаться слишком теплым, однако кто знает, вдруг ей придется беседовать с первым лицом колледжа, и тогда костюм, символизирующий высокий профессионализм, окажется как нельзя кстати. Она решила ехать в юбке и легком джемпере с короткими рукавами, а джинсы и более теплые джемперы взять с собой. Она любила одежду, любила планировать ее приобретение, и хотя бедность не слишком благоприятствовала этому пристрастию, ему вполне соответствовала вечная необходимость упаковывать весь гардероб в один чемодан средних размеров и быть готовой к очередному бегству.

Щупальца северного Лондона остались извиваться позади, и Корделия почувствовала удовольствие от езды. «Остин-мини» с воодушевлением летел вперед, так что можно было заподозрить, что раньше он скрывал свои способности. Она наслаждалась ровным ландшафтом восточной Англии, шириной улиц в оставляемых позади городках, полями, без всяких изгородей, омывающими обочину, необъятностью горизонта и высоким куполом неба. Местность благотворно действовала на ее настроение. Она уже скорбела о Берни и будет скорбеть о нем потом, ибо ей станет скоро не хватать его дружбы и нетребовательной привязанности, но сейчас она ехала на свое первое дело и предвкушала возможность вести его самостоятельно. Кажется, она с ним справится. Дело не вызывало у нее ни чрезмерного воодушевления, ни отвращения. Проезжая по залитой солнцем равнине с багажником, заполненным всем, что ей может понадобиться, она испытывала эйфорию радужных ожиданий.

Въехав в деревню Даксфорд, она не сразу отыскала усадьбу «Саммертриз». Майор Маркленд, видимо, полагал, что является достаточно известной персоной, чтобы не упоминать в адресе названия улицы. Однако уже второй по счету местный обитатель, остановленный Корделией на улице, смог указать ей дорогу, причем с мельчайшими подробностями, будто опасаясь, что краткость может быть принята за недостаток вежливости. Корделии пришлось развернуться и вернуться мили на две, так как выяснилось, что «Саммертриз» она уже проехала.

Вот наконец и сам дом – солидное викторианское сооружение из красного кирпича, виднеющееся через распахнутые деревянные ворота. Непонятно, зачем было возводить такой ужасающе уродливый домик, тем более здесь, в сельской глуши. Возможно, раньше на его месте стояло что-то более удобоваримое. Корделия оставила машину на траве, на некотором удалении от ворот, и направилась к дому пешком. Сад был вполне под стать дому – совершенно лишен индивидуальности и содержался в порядке, близком к чрезмерному. Даже на бордюр-

ных камнях с равными промежутками кто-то высадил цветы, казавшиеся неуместными наростами. На лужайке красовались две четырехугольные клумбы с красными розовыми кустами, обрамленные бурачком и лобелией. Все это напоминало патристические поползновения содержателей общественного парка. Не хватало только флагштока.

Распахнутая дверь открывала вид в сумрачный холл. Корделия уже собиралась надавить кнопку звонка, когда из-за угла появилась женщина, толкающая перед собой тачку с саженцами. Несмотря на теплую погоду, на ней были тяжелые башмаки, свитер и длинная твидовая юбка. Голова женщины обмотана шарфом. Увидев Корделию, она выронила ручки и сказала:

– Доброе утро. Вы, наверное, насчет церковной распродажи?

– Нет, не насчет распродажи. Я от сэра Рональда Келлендера. Речь о его сыне.

– Хотите забрать его вещи? Мы все ждали, когда сэр Рональд за ними придет. Они по-прежнему в коттедже. Мы не заходили туда после того, как умер Марк. Мы звали его просто Марк. Он так и не сказал нам, из какой он семьи, и напрасно.

– Я приехала не за вещами. Я хотела бы поговорить с вами о самом Марке. Сэр Рональд поручил мне разобраться, почему его сын покончил с собой. Меня зовут Корделия Грей.

Новость озадачила миссис Марклэнд, но не сбила с толку. Она несколько раз глуповато мигнула и снова ухватилась за ручки своей колесницы, словно ища опоры.

– Корделия Грей? Мы раньше с вами не встречались, кажется? Корделия Грей... Вам лучше пройти в гостиную и поговорить с моим братом и невесткой.

Бросив тачку посреди дорожки, женщина повела Корделию в дом, стягивая по дороге шарф и тщетно пытаясь привести в порядок прическу. Корделия прошла вслед за ней в скудно обставленный холл, где царил запах лака и отовсюду торчали трости, зонтики и дубовые столешницы, сгибающиеся под тяжестью плащей и шляп, а оттуда – в гостиную.

Гостиная оказалась уродливым помещением с нелепыми углами, без единой книги и даже не безвкусной, а вообще не имеющей отношения к какому-либо вкусу. Вблизи камина возвышался устрашающего вида диван, здесь же громоздились два кресла и опасно накренившийся стол из красного дерева. Другой мебели в комнате не было вовсе. Вместо картин на стенах разместились групповые фотографии с трудноразличимыми лицами, заставлявшими недоумевать, какой же повод заставил всех этих людей выстроиться перед камерой. На одном снимке стояли только военные; на другом, осененные скрещенными веслами, теснились подростки в одинаковых кепочках и сюртуках – очевидно, школьный гребной клуб.

Несмотря на теплый день, в гостиную не проникало солнечных лучей, отчего здесь было довольно прохладно.

Через распахнутую балконную дверь открывался вид на лужайку, где стояли диван-качалка, накрытый одеялом с бахромой, три соломенных стула с бирюзовыми кретоновыми накидками, три скамеечки для ног и деревянный столик. Корделия удивилась, отчего семейство сидит взаперти: ведь в такое приятное летнее утро гораздо лучше выйти на воздух, тем более что там созданы все удобства. Миссис Марклэнд представила Корделию присутствующим, сделав широкий жест и обращаясь ко всем одновременно:

– Мисс Корделия Грей. Это не по поводу церковной распродажи.

Корделии мгновенно бросилось в глаза сходство всех троих: муж, жена и мисс Марклэнд напомнили ей лошадей. У них были длинные худые лица, тонкие рты, тяжелые подбородки, близко посаженные глаза и жесткие седые волосы, низко свисающие у обеих женщин на глаза. Майор Марклэнд пил кофе из огромной белой, не отличавшейся чистотой чашки, которую время от времени ставил на круглый поднос. Помимо чашки, в его руках находилась газета «Таймс». Мисс Марклэнд вязала. Корделия успела подумать, что это не совсем подходящее занятие для жаркого летнего утра.

Брат и сестра смотрели на нее без всякого любопытства, скорее неприязненно и даже враждебно. Мисс Марклэнд ухитрилась вязать, не глядя на спицы, благодаря чему Корделия постоянно ощущала ее пристальный, недоброжелательный взгляд.

Повинуясь приглашению майора Марклэнда, Корделия примостилась на кончике дивана, опасаясь, как бы подушка не провалилась под ней, издав не очень приятный звук, напоминающий шумный выдох. Однако сиденье оказалось твердым. Корделия постаралась придать лицу надлежащее выражение – серьезное, деловитое и подчиненно-примирительное, как того требовала обстановка, но у нее не было уверенности в том, что она достигла успеха. Сидя с тесно сжатыми коленями, обнимая сумочку, она чувствовала, что напоминает скорее неуверенную семнадцатилетнюю девчонку, впервые пришедшую просить места, нежели взрослую деловую даму, единолично владеющую детективным агентством Прайда. Протянув выданную сэром Рональдом бумагу, она сказала:

– Сэр Рональд очень огорчен. Ужасно, что такое несчастье случилось у вас, после того как вы столь любезно предоставили Марку работу согласно его наклонностям. Его отец надеется, вы найдете возможным поговорить на эту тему; он стремится узнать, отчего его сын покончил с собой.

– И он направил для этого вас? – В голосе мисс Марклэнд прозвучали недоверие, презрение и усмешка. Корделия не обиделась на грубость: она не могла отрицать, что мисс Марклэнд права. Она решила дать объяснение, которое, как она надеялась, прозвучит правдоподобно. Может статься, она близка к истине.

– Сэр Рональд усматривает тут связь с жизнью Марка в университете. Он, как вы знаете, оставил колледж внезапно, так и не сказав отцу о причинах. Сэр Рональд счел, что мне удастся более успешно побеседовать с друзьями Марка, чем обыкновенному частному детективу. Он не стал беспокоить полицию: в конце концов, расследование такого рода не совсем их дело.

– Я как раз думала, это именно их дело, – мрачно сообщила мисс Марклэнд. – Если сэр Рональд предполагает в смерти сына что-то подозрительное...

– О нет, – поспешила успокоить ее Корделия, – ни в коем случае! Он вполне удовлетворен судебным заключением. Просто ему хотелось бы узнать, что заставило его так поступить.

В голосе мисс Марклэнд неожиданно прорезалось озлобление:

– Он выпадал отовсюду. Сначала он выпал из университета, потом из семьи, а потом и из жизни.

Ее невестка издала слабый возглас протеста и сказала:

– Разве это справедливо, Элеонора? Он так хорошо здесь трудился! Он мне нравился. Не думаю, что...

– Не отрицаю – он умел заработать на хлеб. Однако это не отменяет того факта, что ни по крови, ни по образованию ему не подобало работать садовником. А он выпадал. Не знаю, в чем тут причина, и не собираюсь до нее докапываться.

– Как вышло, что вы взяли его на работу? – спросила Корделия.

На этот раз ответил майор Марклэнд:

– Он увидел мое объявление в «Кембридж ивнинг ньюс» и прикатил сюда как-то вечером на велосипеде. Думаю, прямо из Кембриджа. Недель пять назад, кажется, во вторник.

Мисс Марклэнд не упустила возможности сказать свое слово:

– Да, во вторник, девятого мая.

Майор слегка нахмурился, будто огорчившись, что придется согласиться.

– Да, во вторник, девятого мая. Он сказал, будто решил бросить университет и поступить работать, а тут ему как раз попалось на глаза мое объявление. Он не скрывал, что не слишком искушен в садоводстве, но настаивал, что силен и жаждет учиться. Его неопытность меня не встревожила: речь шла главным образом о лужайках и грядках с овощами. К цветам он не

прикасался: это наша с женой вотчина. В общем, паренек мне приглянулся, и я решил дать ему шанс попробовать.

Мисс Маркленд сказала:

– Ты нанял его потому, что он оказался единственным претендентом, готовым работать за мизерную подачку, которую ты предложил.

Вместо того чтобы обидеться на столь откровенные слова, майор всего лишь самодовольно ухмыльнулся.

– Я платил ему столько, сколько он заслуживал. Если бы и другие поступали так же, страну не терзала бы инфляция. – Он сказал это тоном человека, знающего экономику как свои пять пальцев.

– Вам не показалось странным его появление? – спросила Корделия.

– Конечно, показалось, еще бы! Я принял его за исключенного: выпивка, наркотики, революция – ну, вы сами знаете, чем они занимаются сегодня в Кембридже. Я спросил, как зовут его университетского наставника. Он назвал мистера Хорсфолла. Я позвонил ему. Характеристика, как и ожидалось, не слишком обнадеживала, однако я получил заверения, что молодой человек ушел из университета по собственной воле – он так и сказал – и его поведение в колледже было до неприличия примерным. Мне ни к чему бросать тень на «Саммертриз».

Мисс Маркленд отложила вязание и добавила к недоуменному восклицанию невестки по поводу смысла прозвучавших слов свой бесстрастный комментарий:

– А то нам недостаточно скучно.

– Мистер Хорсфолл объяснил, почему Марк бросил колледж?

– Я не спрашивал об этом. Это не мое дело. Я задал прямой вопрос и получил более-менее прямой ответ – во всяком случае, учитывая принадлежность собеседника к университетским кругам. И нам не пришлось жаловаться на паренька, пока он здесь работал. Что верно, то верно.

– Когда он поселился в коттедже? – осведомилась Корделия.

– Сразу. Идея, конечно, принадлежала не нам. Давая объявление, мы и не думали писать, что работнику предоставляется жилье. Однако он, наверное, приглядел коттедж, местечко пришлось ему по вкусу, и он спросил, не станем ли мы возражать, если он здесь расположится. Катить каждое утро из Кембриджа на велосипеде было, разумеется, непрактично, а в деревне, насколько нам известно, никто не смог бы его приютить. Не скажу, чтобы я был в восторге от этой идеи, так как коттедж здорово обветшал. Мы даже намереваемся получить субсидию на ремонт, а потом продать его. Семью туда поселить никак не возможно, но паренька неудобства как будто не очень смущали, так что мы согласились.

– Он, должно быть, осматривал коттедж, прежде чем прийти наниматься? – спросила Корделия.

– Осматривал? Нет, не знаю. Может, и обошел раз-другой, чтобы разузнать, что тут за место, прежде чем постучаться в дверь. Я бы не стал его за это осуждать – сам, наверное, поступил бы так же.

Миссис Маркленд не вытерпела:

– Ему очень хотелось в коттедж, очень! Я говорила: там нет ни газа, ни электричества, но он утверждал, будто это его не беспокоит, он купит примус и керосиновые лампы. Зато там есть водопровод и крыша еще не прохудилась – во всяком случае, так мне кажется. Мы туда не наведываемся. Кажется, он там отлично устроился. Мы ни разу у него не были, ибо не возникало нужды, но я заметила, как он прекрасно управляет хозяйством. Безусловно, как сказал мой муж, опыта у него не было никакого, и кое-чему нам пришлось его обучить – к примеру, заглядывать с утра пораньше на кухню за заданием. А вообще он мне нравился: когда бы я ни появилась в саду, он всегда работал не покладая рук.

– Можно взглянуть на коттедж? – попросила Корделия.

Просьба прилась им не по вкусу. Майор Марклэнд посмотрел на жену. Воцарилась напряженная тишина, и какое-то мгновение Корделии казалось, что сейчас прозвучит отрицательный ответ. Но тут мисс Марклэнд вонзила спицы в клубок и встала.

– Я пойду с вами, – объявила она.

Усадьба «Саммертриз» оказалась достаточно обширной. Первым делом взору Корделии предстал обязательный розовый сад. Кусты в нем были посажены тесно, по сортам и по цвету, как в питомнике. На строго выверенной высоте висели таблички с названиями. Дальше располагался небольшой огород, разделенный на две части присыпанной гравием тропинкой. Здесь были заметны результаты деятельности Марка: капуста и салат были чисто прополоты, земля хранила следы лопаты. Затем они прошли в калитку и оказались в запущенном яблоневом саду. Вокруг узловатых стволов были разбросаны пряно пахнущие копны скошенной травы.

В дальнем конце сада росла густая живая изгородь, в которой пряталась скромная калитка, ведущая в садик при коттедже. Однако трава вокруг калитки была выкошена, и мисс Марклэнд пришлось приложить минимум усилий, чтобы распахнуть ее. С внутренней стороны живой изгороди бурно разрослись кусты смородины, не один десяток лет избегавшие ножниц садовника. Перед женщинами открылся узкий проход, но им все равно пришлось низко наклониться, чтобы уберечь волосы от безжалостного терновника.

Преодолев все препятствия, Корделия подняла голову и зажмурилась от яркого солнца. С ее губ невольно сорвался возглас изумления. За то недолгое время, что ему довелось здесь прожить, Марк Келлендер ухитрился создать в царстве хаоса и запустения оазис порядка и красоты. Старые клумбы были освобождены от сорняков, на них цвели теперь возрожденные к жизни прежние цветы. Каменная дорожка была очищена от травы и мха; справа от двери коттеджа зеленела прелестная выкошенная лужайка. С другой стороны дорожки юный садовник успел вскопать грядку размером в двенадцать квадратных футов, в дальнем конце которой торчала глубоко всаженная в рыхлую землю лопата.

Коттедж представлял собой невысокое кирпичное строение под сланцевой крышей. Яркое солнце заставляло забыть об иссеченной дождями двери, подгнивших оконных рамах и начинающей проваливаться крыше. Коттедж хранил меланхолическое очарование старины, не превратившейся пока в тлен. У самой двери валялись тяжелые ботинки, покрытые засохшей землей.

– Его? – спросила Корделия.

– Чьи же еще?

Стоя плечом к плечу, они какое-то время молча смотрели на перекопанную землю. Молчание затянулось. Потом они дружно шагнули по направлению к задней двери. Мисс Марклэнд вставила ключ в замок. Он провернулся без всякого усилия, будто его только что обильно смазали маслом. Корделия прошла вслед за ней в гостиную.

После жары в саду здесь оказалось прохладно, однако воздух был не свежим, а каким-то гниловатым. Коттедж имел простую планировку: у комнаты было три двери, одна из которых, ведущая, очевидно, прямо в сад, была плотно заколочена и затянута паутиной; это свидетельствовало о том, что ею не пользовались с незапамятных времен. Дверь справа вела на кухню. Через распахнутую третью дверь виднелась голая деревянная лестница на второй этаж. Посреди комнаты красовались деревянный стол с многочисленными следами от ножа и два стула. В центре стола одиноко стояла вазочка с синей каймой, в которой замерли высохшие стебли не подлежащих опознанию цветов, засыпавших стол пылью, напоминающей золотую пыль. неподвижный воздух прорезали солнечные лучи, в которых беззаботно плясали мошки, пылинки и прочие микроскопические частицы, живущие своей, независимой от происходящего вокруг жизнью.

В правом углу комнаты располагался камин – старомодная чугунная конструкция с духовками по обе стороны от огня. Марк жег в камине дрова и бумагу; на решетке оставалась

горка белого пепла, рядом в ожидании холодного вечера лежала аккуратная стопка поленьев. По одну сторону от камина стояло низенькое деревянное кресло с выцветшей подушкой, по другую – стул с отпиленными ножками, наверное, когда-то предназначавшийся для ребенка. До экзекуции это был, видимо, симпатичный стул.

Потолок покоился на двух толстенных балках, почерневших от времени. В одну из них был вбит стальной крюк для подвешивания окороков. Корделия и мисс Марклэнд взглянули на него, не произнося ни звука. Все было ясно без слов. Немного постояв, они, будто сговорившись, присели у камина. Мисс Марклэнд сказала:

– Его нашла я. Он не пришел на кухню за дневным заданием, поэтому после завтрака я направилась сюда, чтобы посмотреть, не проспал ли он. Было девять часов двадцать три минуты. Дверь оказалась незапертой. Я постучала, но он не откликнулся. Я толкнула дверь. Он висел вот на этом крюке, на кожаном ремне. На нем были его синие хлопковые брюки, в которых он обычно работал. Он был разут. Стул валялся на полу. Я прикоснулась к его груди. Он уже совсем остыл.

– Вы обрезами ремень?

– Нет. В том, что он мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и я решила, что лучше оставить его висеть до появления полиции. Я только подняла стул и подперла им ноги. Бессмысленно, конечно, но я не могла вынести, что он вот так висит с ремнем на горле.

– Наоборот, совершенно естественный порыв. Заметили ли вы что-нибудь вокруг, в комнате?

– Полупустую чашку из-под кофе на столе и много пепла на каминной решетке. Похоже, он перед этим сжигал бумаги. Его пишущая машинка стояла там же, где вы видите ее сейчас, на столике; из нее торчала записка. Я прочла ее, вернулась в дом, сказала брату и невестке о происшедшем и позвонила в полицию. Когда они приехали, я повела их в коттедж и рассказала, как все было. С тех пор я сюда не ходила.

– Видели ли Марка накануне вечером вы или мистер и миссис Марклэнд?

– После того как он закончил работу в шесть тридцать, никто из нас его не видел. В тот вечер он проработал дольше обычного, потому что хотел докосить переднюю лужайку. Мы все видели, как он убрал косилку и ушел через сад. Больше мы не видели его живым. В тот вечер в «Саммертриз» никого не было: нас пригласили на обед в Трампингтон – к старому сослуживцу брата. Мы вернулись только за полночь. К тому времени, как гласит медицинское заключение, он был уже четыре часа как мертв.

– Расскажите мне о нем, – попросила Корделия.

– Что тут расскажешь? Ему полагалось работать с восьми тридцати до шести вечера, с часовым перерывом на обед и получасовым – на вечерний чай. По вечерам он копошился в саду или около коттеджа. Иногда в обеденное время ездил на велосипеде в деревенскую лавку. Время от времени я его там встречала. Он покупал не много – буханку хлеба, масло, дешевой ветчины, чай, кофе – самое обычное. Я слышала, как он спрашивал о деревенских яйцах и миссис Морган сказала, что Уилкокс на ферме «Грендж» всегда продаст ему полдюжины. Когда мы встречались, то не разговаривали, но он всегда улыбался. По вечерам, когда опускались сумерки, он обычно читал и печатал вон за тем столиком. Я видела его силуэт в свете лампы.

– Кажется, майор Марклэнд говорил, что вы не бываете в коттедже?

– Они не бывают: он связан для них с не очень приятными воспоминаниями. А я бываю. Она замолчала и уставилась в холодный камин.

– Мой жених и я проводили здесь много времени – до войны, когда он учился в Кембридже. Он погиб в 1937 году в Испании – он дрался на стороне республиканцев.

– Простите, – прошептала Корделия. Она знала, что это звучит неуместно и неискренне, но что еще она могла сказать? Все это произошло сорок лет назад. Она никогда не слышала о погибшем. Спазм горя, настолько мимолетный, что она не успела его ощутить, был всего лишь

временным неудобством, приступом сентиментальной жалости ко всем влюбленным, умершим молодыми, и осознанием неизбежности потерь.

Мисс Марклэнд заговорила – неожиданно пылко, как будто ее к этому вынудили, и теперь она скажет все как на духу:

– Мне не нравится ваше поколение, мисс Грей. Ваше высокомерие, эгоизм, жестокость, выборочное сострадание. Вы ни за что не платите из собственного кармана, даже за собственные идеалы. Вы все черните, все разрушаете и ничего не строите. Вы предвкушаете наказание, как нашкодившие дети, а потом визжите, когда вас наказывают. Люди, которых я знала, с которыми росла, были другими.

– Думаю, и Марк Келлендер был другим, – мягко сказала Корделия.

– Возможно. Во всяком случае, жестокость он проявил к самому себе. – Она испытующе посмотрела на Корделию. – Вне всякого сомнения, вы скажете, что я завидую молодым. Это часто бывает с людьми моего поколения.

– И напрасно. Я всегда удивляюсь, чему тут завидовать. Ведь молодость не награда, каждому из нас отпущена одинаковая доля молодости. Некоторые появляются на свет в более легкие времена, некоторые богаче и привилегированнее других, но при чем тут молодость? И потом, быть молодым – иногда это просто ужасно. Разве вы не помните, как это ужасно?

– Да, помню. Но я помню и кое-что другое.

Теперь Корделия думала, что разговор получился странным, но избежать его было нельзя, и почему-то не чувствовала себя обиженной. Мисс Марклэнд подняла голову.

– Однажды к нему приезжала девушка. Во всяком случае, я думаю, это была его девушка, иначе зачем ей было приезжать? Это было дня через три после того, как он приступил к работе.

– Какой она была с виду?

– Красивой. Блондинка, с лицом ангела с картины Боттичелли – нежное, овальное, глупенькое личико. Иностранка, кажется, француженка. И богатая.

– Как вы сумели это распознать, мисс Марклэнд? – заинтригованно спросила Корделия.

– Потому что она говорила с иностранным акцентом; потому что приехала на белом «рено» – кажется, своем собственном; потому что ее одежда – необычная и неподходящая для сельской местности – была явно недешева; потому что она подошла к парадной двери и объявила, что хочет его видеть, с непосредственной заносчивостью, по которой легко распознать богатого человека.

– Он с ней увиделся?

– Он как раз работал во фруктовом саду – косил траву. Я отвела ее к нему. Он поздоровался с ней спокойно, без капли смущения, и усадил рядом с коттеджем, где она и ждала, пока он закончит работать. Он был вполне доволен ее появлением, но не восторгался и не удивлялся. Он не представил ее. Я оставила их вдвоем и вернулась в дом до того, как он мог надумать это сделать. Больше я ее не видела. – Прежде чем Корделия успела вымолвить слово, она неожиданно произнесла: – Вы тоже подумываете, не пожить ли здесь какое-то время, ведь так?

– А они не станут возражать? Я не хотела спрашивать – вдруг они откажут.

– Они не узнают, а если бы и узнали, им все равно.

– А вы не возражаете?

– Нет. Я не буду вас тревожить. И не возражаю.

Они говорили шепотом, как в церкви. Немного погодя мисс Марклэнд встала и направилась к двери. Взявшись за ручку, она обернулась.

– Вы согласились на эту работу, разумеется, из-за денег. Почему бы и нет? Но на вашем месте я не пошла бы дальше этого. Проникать в самую душу другого человеческого существа неразумно. А если существо к тому же мертво, то не только неразумно – еще и опасно.

Мисс Марклэнд исчезла за калиткой. Корделия была рада ее уходу: ей не терпелось заняться изучением коттеджа. Здесь все произошло, здесь и начнется для нее настоящая работа.

Что там говорил Шеф? «Приступая к осмотру здания, ведите себя так, будто вы пришли в деревенскую церковь. Сначала произведите обход. Посмотрите, как все выглядит снаружи и изнутри, заключения делайте потом. Спросите себя, что вы увидели, а не что ожидали или надеялись увидеть. Значение имеет только увиденное». Наверное, он любил деревенские церкви, и это, безусловно, говорит в его пользу. Это наверняка была подлинная цитата из Дэлглиша. Сам Берни реагировал на любые церкви, городские и деревенские, с наполовину суеверной настороженностью. Корделия решила последовать мудрому совету.

Первым делом она направилась к спрятавшемуся в разросшейся изгороди деревянному туалету, повернула задвижку и заглянула внутрь. Там было очень чисто, как после ремонта. Она потянула цепочку, и из трубы, к ее облегчению, с шумом вырвалась струя воды. На двери висел моток туалетной бумаги, рядом в целлофановом мешке лежали ровные листочки бумаги. Молодой человек определенно отличался аккуратностью. В притулившемся к туалету ветхом сарае стояли мужской велосипед, старый, но в приличном состоянии, большая канистра белой эмульсионной краски с плотно пригнанной крышкой, чистая кисть в банке из-под варенья, корыто, вытряхнутые мешки и набор садового инвентаря. Все сияло чистотой и было либо аккуратно прислонено к стенам, либо развешано на гвоздики.

Пятачок перед фасадом являл разительный контраст с остальным участком. Здесь Марк и не пытался совладать с доходящей до пояса травой, заполонившей и клумбы, и дорожку. Окна первого этажа полностью заслонял густой выющийся кустарник с черными колючими сучьями, которые оживляли мелкие белые цветочки. Парадная дверь почти не открывалась, так что посетителю пришлось бы протискиваться в нее бочком. По обеим сторонам от нее стояли, как часовые, деревца с покрытыми пылью листьями. Живая изгородь из бирючины была здесь высотой в человеческий рост. По обеим сторонам от дорожки виднелись разбитые одинаковые клумбы, обложенные большими круглыми камнями, выкрашенными белой краской. Теперь же камни эти закрывали буйные сорняки, а на клумбах не оставалось ничего, кроме вконец одичавших розовых кустов.

Оглядывая напоследок весь сад, Корделия заметила среди травы что-то красочное. Это была смятая страничка из иллюстрированного журнала. Она разгладила ее и обнаружила фотографию обнаженной девицы, повернувшейся голым задом к камере и демонстрирующей пышные ягодицы, контрастирующие с высоченными сапогами. Она бесстыдно улыбалась через плечо приглашающей улыбкой. Ее длинному мужеподобному лицу не могло придать привлекательности даже искусное освещение. Корделия взглянула на дату вверху страницы. Журнал был издан в мае. Выходит, журнал, или по крайней мере эта страница, очутился здесь как раз при Марке.

Она застыла с фотографией в руке, пытаясь понять, почему та вызывает у нее такое непреодолимое отвращение. Конечно, это вульгарная непристойность, но не более постыдная, чем все то, что можно лицезреть в Лондоне на каждом углу. Она сунула фотографию в сумочку – как-никак вещественное доказательство – и тут же почувствовала себя так, будто подхватила заразу. Вдруг мисс Марклэнд оказалась пронзительнее, чем ей хотелось думать? Не позволила ли себе она, Корделия, попасть в духовный плен к умершему юноше? Вполне возможно, что эта фотография не имела к нему никакого отношения: ее мог обронить случайный посетитель. Но как хорошо, если бы она вообще не попадалась ей на глаза!

Она обошла коттедж кругом и сделала еще одно открытие. Ее взору предстал небольшой колодец диаметром фута в четыре. Над ним не было крыши, однако отверстие было плотно закрыто тяжелой деревянной крышкой, обитой жестью. Крышку крепил к деревянному обручу

колодца висячий замок, который, несмотря на ржавчину, оказался вполне прочным. Кто-то позаботился, чтобы дети или бродяги не провалились случайно внутрь.

Настало время обследовать само помещение. Сначала кухня – маленькая комнатка с выходящим на восток оконцем. Стены свежевыкрашенны, большой стол, занимавший почти все пространство, покрыт новой клеенкой. В тесной кладовке хранилось полдюжины банок пива, банка мармелада, кусок масла и заплесневевший шмат ветчины. Здесь, на кухне, Корделия обнаружила источник неприятного запаха, который она почувствовала, лишь только переступила порог. На столе стояла опорожненная всего наполовину бутылка молока, рядом валялась смятая крышечка. Молоко уже давно прокисло. На краешке бутылки надолго застыла жирная муха, неспособная прервать пиршество. На краю стола высилась керосинка с двумя конфорками, на одной из которых стояла массивная кастрюля. Корделия взялась за тяжелую крышку, и та внезапно приподнялась, выпустив на свободу густой, отталкивающий дух. Корделия взяла из ящика стола ложку и помешала варево. Скорее всего это когда-то было рагу. Кусочки позеленевшего мяса, похожие на обмылки картофелины, и остатки каких-то овощей плавали в отвратительной жиже. Рядом с раковиной стоял ящик из-под апельсинов, в котором хранились овощи. Картофель позеленел, лук пророс и сморщился, морковь размягчилась. Здесь никто не убирался и ничего не трогал. Полиция забрала труп и нужные ей вещественные доказательства, но никто – ни члены семейства Марклендов, ни родственники или друзья юноши – не позаботился о том, чтобы наведаться сюда и убрать жалкие остатки угасшей молодой жизни.

Корделия поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж. Здесь располагались две спальни; одной из них не пользовались многие годы – об этом свидетельствовали сгнившие оконные рамы, осыпавшийся потолок и свисающие мокрыми клочьями обои, на которых когда-то красовались розочки. Во второй, более просторной комнате спал Марк. Здесь стояла стальная койка с волосатым матрацем, спальным мешком и сложенным вдвое валиком, выполнявшим роль подушки. На столике у изголовья оставались две свечи, приклеенные к потрескавшейся крышке собственным воском, и коробок спичек. Вся одежда Марка помещалась в одном шкафу: ярко-зеленые вельветовые брюки, пара рубашек, свитеры и один костюм. Чистое, но невыглаженное нижнее белье лежало свернутым на верхней полке. Корделия пощупала свитеры. Все четыре были связаны умелыми руками из толстой шерсти. Все-таки был кто-то, кто проявлял о нем заботу. Интересно, кто?..

Корделия ощупала костюм в поисках карманов и их содержимого. Ее добычей стал всего лишь тонкий бумажник из коричневой кожи, лежавший в левом нижнем кармане пиджака. Она нетерпеливо подбежала с находкой к окну, надеясь, что ее глазам предстанет хоть какой-то ключ к разгадке – письмо, имена, адреса, личная записка. Но в бумажнике не обнаружилось ничего, кроме двух фунтовых банкнот, водительских прав и карточки донора, выданной кембриджской станцией переливания крови. У Марка была резус-отрицательная кровь группы «В».

На выходящем в сад незанавешенном окне стояла полка с книгами: несколько томов «Новейшей истории» кембриджского издания, томики Тrolлопа и Харди, полное собрание Уильяма Блейка, школьные хрестоматии – Вордсворт, Браунинг, Донн, две книжечки по садоводству. Подборку завершал молитвенник в белом кожаном переплете с резной латунной застежкой, к которому хозяин определенно то и дело возвращался. Книги вызвали у Корделии разочарование: они не открывали ей ничего, кроме самого поверхностного среза его вкусовых пристрастий. Если он избрал отшельничество для того, чтобы заниматься, писать или философствовать, то его экипировка была на диво скудной.

Самый интересный предмет в комнате находился на стене, над кроватью, – небольшая, всего в девять квадратных дюймов, картина, выполненная маслом. Корделия взгляделась в нее повнимательнее. Художник определенно принадлежал к итальянской школе конца XV века.

На картине изображен молодой монах с тонзурой, перелистывающий лежащую на столе книгу. На удлинённом лице читалась крайняя степень сосредоточенности, глаза с тяжелыми веками, казалось, сверлили текст. За его спиной в распахнутом окне открывался изумительный вид. Корделия подумала, что такая красота не может наскучить. Это был тосканский пейзаж с увенчанными башнями крепостными стенами, обсаженными кипарисами, быстрым серебрящимся потоком, красочной процессией с хоругвями и запряженными в плуги волами. Она догадалась, что художник стремился продемонстрировать контраст между двумя мирами – миром интеллекта и миром действия, и попыталась вспомнить, где она видела подобную живопись раньше. Товарищи – так Корделия мысленно называла вездесущую когорту революционеров, повсюду сопровождавших ее отца, – обожали обмениваться весточками в картинных галереях, и Корделия часами бродила среди картин, дожидаясь момента, когда неприметный посетитель ненадолго задержится рядом с ней, чтобы о чем-то предостеречь или что-то сообщить. Эти уловки всегда казались ей детским и излишне театральным способом поддержания связи, но в галереях было по крайней мере тепло, и ей доставляло удовольствие рассматривать картины. Вот и сейчас, глядя на маленькую картину, она испытала схожее чувство радости. Наверное, картина нравилась и ему. Неужели он наслаждался и той вульгарной фотографией, которую она подобрала в саду? Что же больше отвечало его наклонностям?

Завершив осмотр, она сварила себе кофе, воспользовавшись пакетиком из его запасов и его керосинкой. Затем вынесла из гостиной стул и уселась с чашкой на коленях, подставив лицо жарким лучам. Она почувствовала себя счастливой, расслабленно вслушиваясь в тишину и жмурясь от яркого солнечного света. Но одновременно она знала, что настало время для выводов. Она осмотрела коттедж, следуя рекомендациям Шефа. Что же она узнала о погибшем? К каким пришла заключениям?

Он был помешан на чистоте и порядке. Его садовый инвентарь аккуратно хранился в укрытии в образцовой чистоте. И в то же время он бросил копать, не дойдя всего двух футов до конца грядки; оставил торчать в земле вилы; небрежно скинул у двери ботинки с налипшей землей. Прежде чем наложить на себя руки, он сжег все свои бумаги, но не вымыл за собой чашку из-под кофе. Он приготовил себе на ужин рагу, но не притронулся к нему. Овощи для рагу чистились заранее, возможно, и накануне, но само блюдо явно предназначалось для вечера. Кастрюля оставалась на плите и была полна до краев. Разве кто-нибудь скажет, что он готовился разогревать еду, оставшуюся после прежней трапезы? Выходит, он принял решение свести счеты с жизнью уже после того, как поставил кастрюлю на огонь. Зачем же готовить себе еду, раз съесть ее уже не представится возможности?

А разве может быть, чтобы здоровый молодой человек, придя домой после часа-другого тяжелой работы на земле, чтобы полакомиться поспевшим блюдом, впал вдруг в состояние скуки, горечи, тоски и отчаяния, единственным выходом из которого остается самоубийство? Корделия помнила моменты, когда она чувствовала себя глубоко несчастной, однако ни разу не случалось так, чтобы подобное состояние овладело ею после добровольных физических упражнений, наградой за которые должна послужить дымящаяся тарелка. И почему именно чашка кофе – та самая, которую забрала полиция? В кладовой было пиво; если он почувствовал жажду, почему не открыл баночку пива? Это наиболее быстрый и логичный способ утоления жажды. Никому не придет в голову, страдая от жажды, варить и пить кофе, тем более перед едой. Кофе пьют на сытый желудок.

А если предположить, что в тот вечер у него были гости? Вряд ли это был кто-то забежавший по дороге просто перекинуться словечком. Визит имел для Марка какое-то значение – не даром он бросил работу, не вскопав последние два фута. Наверное, посетитель был приглашен в коттедж. Он, как видно, не любил пива – может быть, это была женщина? Посетитель не собирался оставаться на ужин, но все же пробыл в коттедже достаточно долго, чтобы выпить кофе. Может быть, дома его самого ждала вечерняя трапеза. Он не получил приглаше-

ния откусать в коттедже заранее, иначе зачем им было начинать вечер с кофе и почему Марк работал в саду так долго, вместо того чтобы переодеться к приходу гостя? Итак, визит был неожиданным. Но почему всего одна кофейная чашка? Марк наверняка составил бы своему гостю компанию или же, если бы не хотел кофе, открыл для себя банку пива. Однако ни пустой банки из-под пива, ни второй чашки в кухне не было. Тогда, может быть, чашку вымыли и убрали? Но чего ради Марк стал бы мыть всего одну чашку, когда их было две? Разве для того, чтобы скрыть факт прихода гостя в тот вечер...

Кофейник на кухонном столе оказался почти пустым, бутылка молока – тоже наполовину опорожненной. Нет сомнений, что кофе с молоком пил не один человек. А вдруг это необоснованное и опасное заключение? Гость мог наполнять свою чашку несколько раз.

А если предположить, что вовсе не Марк старался скрыть факт посещения коттеджа посторонним лицом в тот вечер? Вдруг вовсе не Марк вымыл и убрал вторую чашку? Вдруг это сделал сам гость, стремясь уничтожить следы своего присутствия? Только зачем ему было делать это, раз ему невдомек, что Марк собрался расквитаться с жизнью? Корделия рассерженно встряхнула головой. Ерунда! Гость ни за что не стал бы мыть чашку, пока рядом находился живой и здоровый Марк. Следы своего присутствия он стал бы замечать лишь в том случае, если бы Марк был к этому времени уже мертв. А если это так, если Марк повис на крюке еще до ухода гостя, то разве это можно назвать самоубийством? Мысль, приобретающая очертания в глубине ее подсознания, сперва бессмысленная кучка букв, внезапно вытянулась в короткую строку, и перед ее глазами впервые предстало налитое кровью слово – УБИЙСТВО.

Корделия посидела на солнышке еще пять минут, допила кофе, ополоснула чашку и повесила ее на крючок в кладовой. Затем она направилась к островку травы, где оставила свой «остин-мини», радуясь, что инстинкт подсказал ей сразу спрятать машину от взоров обитателей усадьбы «Саммертриз». Аккуратно работая педалью сцепления, она медленно поехала вниз по улице, озираясь по сторонам в поисках места для парковки. Оставить машину прямо у коттеджа значило оповестить всех о своем присутствии. Если бы до Кембриджа было ближе, она могла бы воспользоваться велосипедом Марка. Без машины ей не обойтись, но, где ее ни поставь, она вызвала бы ненужные подозрения.

Ей сопутствовала удача. Проехав ярдов пятьдесят, она увидела зеленую поляну перед выездом на поле и маленькую рощицу. Рощица имела весьма сумрачный вид. Было трудно поверить, что на этой искореженной земле могут расти цветы, что среди этих кривых стволов у них хватает духу показываться на свет. Земля в рощице была усеяна старыми сковородками и кастрюлями, здесь же покоился остов тачки и вконец проржавевшая газовая плита. Рядом с согбенным дубом сливалась с землей кипа истлевших одеял. Однако миниатюрный автомобиль Корделии кое-как заехал на эту импровизированную свалку. Какое-никакое, а укрытие. Если не забыть запереть все двери, это будет для него более надежное место на ночь, чем где-нибудь рядом с коттеджем. Ночью, решила Корделия, машину никто не заметит.

Пока же она вырулила обратно на деревенскую улицу, вернулась к коттеджу и принялась разгружаться. Передвинув белье Марка на угол полки, она сложила рядом свое. Спальный мешок уложила поверх его, решив, что так будет мягче. На кухонном подоконнике в банке из-под варенья она обнаружила красную зубную щетку и наполовину выдавленный тюбик зубной пасты. Рядом легли ее желтая щетка и паста. Под кухонной раковиной висело на веревке его полотенце. Теперь рядом с ним появилось еще одно. Затем она проверила содержимое кладовки и составила список самого необходимого. Лучше купить все в Кембридже: если она пойдет за покупками здесь, то только привлечет к себе внимание. Что же делать с рагу и бутылкой молока? Она не могла оставить все это в кухне, ибо тогда из коттеджа никогда не выветрится запах гнили, однако колебалась, можно ли взять и выбросить. Она задумалась, нельзя ли все сфотографировать, и решила, что нельзя: осязаемые вещи – гораздо более надежные улики. В конце концов она вынесла злополучные предметы в сарай и завернула их там в старый мешок.

Настало время подумать о пистолете. Он слишком тяжел, чтобы носить его с собой, однако ей очень не хотелось расставаться с ним, даже временно. Несмотря на то что задняя дверь коттеджа запиралась на замок и мисс Марклэнд оставила ей ключи, злоумышленнику не составило бы никакого труда вломиться через окно. Она решила, что наилучшим решением будет спрятать патроны среди нижнего белья в шкафу, а сам пистолет – отдельно, в коттедже или где-либо поблизости. Она долго решала, какое место будет самым лучшим, пока не вспомнила про толстые изогнутые сучья старого кустарника рядом с колодцем. Встав на цыпочки, она дотянулась до укромной развилки между ветвями и пристроила там пистолет, так и не вынув его из кобуры.

Теперь она могла ехать в Кембридж. Она взглянула на часы: половина одиннадцатого. Можно добраться к одиннадцати часам, и в ее распоряжении останется два часа до обеденного перерыва. Она решила перво-наперво навеститься туда, где можно ознакомиться с газетными отчетами о расследовании, затем посетить полицию, а напоследок заняться поисками Хьюго и Софии Тиллинг.

Отъезжая от коттеджа, она испытывала чувство, родственное сожалению, будто оставляет позади родной дом. Очень любопытное место, подумала она, ему присуща своя атмосфера, и оно демонстрирует миру два непохожих одно на другое лица, подобные разным граням человеческой личности: северная сторона, с заросшим терновником окнами, лезущими отовсюду сорняками и отпугивающей изгородью из бирючины – прекрасная сцена для самой ужасной трагедии; задняя же часть, где жил и трудился Марк, где он облагораживал сад, подвязывал остающиеся цветы, пропалывал дорожку и распахивал окна, чтобы пустить в них солнечный свет, напоминала храм мира и покоя. Только что, сидя у дверей, она чувствовала – здесь ничего дурного с ней не случится. В таком настроении она могла бы уснуть, не боясь ночной темноты. Быть может, именно эта атмосфера целительного покоя и привлекла Марка Келлендера? Почувствовал ли он это еще перед тем, как поступить на службу, или каким-то загадочным образом его присутствие здесь стало причиной счастливого перерождения этого места, хотя его самого ждал ужасный конец? Майор Марклэнд прав: Марк наверняка приглядел коттедж, прежде чем наняться здесь работать. Что же его соблазнило – коттедж или работа? Почему Марклэндам не хотелось появляться в коттедже – до такой степени, что их нога так и не ступала сюда даже для того, чтобы навести здесь порядок после его смерти? И почему мисс Марклэнд шпионила за ним – ведь ее пристальное наблюдение иначе, как шпионством, не назовешь? Для чего она поведала ей историю о погибшем возлюбленном – пыталась оправдать любопытство к коттеджу, свой маниакальный интерес к тому, чем занимается новый садовник? И как насчет правдивости этой истории? Это стареющее тело, сохранившее недюжинный остаток сил, это лошадиное лицо с постоянным выражением острого недовольства – неужели и она была когда-то молодой, неужели проводила со своим возлюбленным долгие теплые летние вечера в постели, которую потом занял Марк? Как это далеко, как смешно, да что там – просто невозможно!

Корделия спустилась по Хиллз-роуд мимо внушительного мемориала молодому солдату, шагнувшему в 1914 году в небытие, мимо католической церкви – и очутилась в центре города. Жаль, нельзя воспользоваться велосипедом Марка, снова подумала она. Люди вокруг катили на велосипедах, и воздух был наполнен звоном, будто она угодила на карнавал. На этих оживленных узких улицах даже крошка «мини» казалась монстром. Корделия решила припарковать ее при первой же возможности и отправиться на поиски телефонной будки пешком. Она изменила свой план: теперь первым номером в нем стало посещение полицейского участка.

Однако она несколько не удивилась, когда, позвонив в участок, услышала, что сержант Маскелл, занимавшийся делом Келлендера, занят на все утро. Это в романах люди, необходимые герою, только и ждут, чтобы потратить на него свое время, энергию и заинтересованность. В реальной жизни они заняты своими делами, герою же приходится дожидаться,

пока у них выдастся свободная минутка, да и то в случае, если у них, вопреки обыкновению, не возникнет возражений против интереса, проявленного к ним детективным агентством Прайда. Чаще всего такие возражения возникают. Она и не рассчитывала на то, что сержант Маскелл примет ее с распростертыми объятиями. Она упомянула своему собеседнику о выданной сэром Рональдом бумаге, надеясь произвести хорошее впечатление. Имя возымело должный эффект: собеседник пошел наводить справки. Не прошло и минуты, как он вернулся и объявил, что сержант Маскелл сможет принять мисс Грей в 14.30.

Волей-неволей Корделии пришлось начинать с газет. Старые материалы всегда доступны, и никто не возражает, когда к ним проявляют интерес. Она быстро нашла то, что искала. Отчет о расследовании был кратким, составленным на обычном формальном жаргоне судебных репортеров. Она узнала из него мало нового, но обратила внимание на основную линию. Сэр Рональд Келлендер показал, что ни разу не говорил с сыном на протяжении более двух недель, предшествовавших его смерти, с тех пор как Марк позвонил ему и сообщил о своем решении оставить колледж и поступить работать в «Саммертриз». Он не советовался с сэром Рональдом, прежде чем принять это решение, и не объяснил, чем оно вызвано. Позднее у сэра Рональда состоялся разговор с университетским наставником Марка, и колледж изъявил готовность принять его обратно в следующем учебном году, если тот передумает. Сын никогда не говорил с ним о самоубийстве и, насколько ему известно, не имел проблем ни со здоровьем, ни с деньгами. Следом за показаниями сэра Рональда шло описание прочих обстоятельств дела. Мисс Марклэнд описывала, как она обнаружила тело, судебно-медицинский эксперт пояснял, что причиной смерти стала нехватка воздуха, вызванная удушением, сержант Маскелл докладывал о мерах, которые он счел необходимым принять; прилагался также отчет о лабораторном анализе, согласно которому содержимое чашки из-под кофе, взятой со стола, признано безвредным. Заключение гласило, что причиной смерти было наложение на себя рук по причине нарушения рассудка. Откладывая подшивку, Корделия пребывала в расстроенных чувствах. Полиция как будто сработала безупречно. Но неужели возможно, чтобы столь изощренные профессионалы проглядели такие существенные детали, как брошенная грядка, ботинки с прилипшей землей у самого входа, нетронутый ужин?

День подобрался только к середине, и она была свободна до половины третьего. Приобретая в книжном магазине «Боуз энд Боуз» самый дешевый путеводитель, она с трудом поборола соблазн зарыться в книги, ибо времени у нее оставалось в обрез и на все удовольствия его все равно не хватило бы. Нагрузив рюкзак снедью, приобретенной у прилавка, она зашла в церковь Святой Марии, дабы вдумчиво поработать над маршрутом. После этого на протяжении полутора часов она бродила по городу и его колледжам и чувствовала себя просто счастливой.

Для осмотра Кембриджа трудно выбрать более подходящее время. Из прозрачных голубин ослепительно голубого неба мягко сияло солнышко. Деревья в парках, у стен колледжей и на улицах, ведущих к реке, еще не тронутые настоящей летней жарой, оживляли нежно-зеленым узором камень, воду и небеса. Под мостами скользили туда-сюда плоскодонки, распугивая забывшихся уток, а под новым мостом Гаррет-Хостел ивы задумчиво полоскали в темно-зеленой воде реки Кем свои длинные ветви.

Корделия проложила себе маршрут так, чтобы ничего не упустить. Она сосредоточенно прошла по библиотеке «Тринити», наведася в «Олд скулз» и в восторге присела на заднюю скамейку в часовне Королевского колледжа, с замиранием сердца глядя на белые резные своды. Проникая сюда через огромные окна, солнечные лучи окрашивали неподвижный воздух в голубой, алый и зеленый цвета. Со стен на нее смотрели надменные звери, поддерживающие корону, в окружении тонких роз Тюдоров. Что бы ни говорили Мильтон и Вордсворт, часовня эта была призвана прославлять земных властелинов, а не Божье провидение. Однако от этого она не становилась менее прекрасной, оставаясь храмом веры. Разве мог бы неверующий человек замыслить и воздвигнуть такое великолепие? Существовало ли единство между

замыслом и его воплощением? Среди товарищей один только Карл заинтересовался бы ответом на этот вопрос. Она представила себе, как он томится в греческой тюрьме, и отогнала от себя картины его страданий, жалея, что его нет с ней рядом.

Гуляя по городу, она не отказывала себе в маленьких удовольствиях: купила в лавочке у ворот льняную чайную скатерть с изображением часовни, полежала на траве у Королевского моста, свесив руки в холодную зеленую воду, побродила среди книжных киосков на рыночной площади, где после долгих размышлений приобрела томик стихов Китса, отпечатанный на тонкой бумаге, и легонький цветастый сарафан на случай, если в джинсах и рубашке станет невмоготу из-за жары.

Ее снова ждал Королевский колледж. Усевшись на скамью рядом с каменной стеной, обрывавшейся у реки, она, греясь на солнце, принялась за еду. По безупречно выкошенной лужайке прыгал откормленный воробей, косясь на нее наглым глазом. Она бросила ему корочку от пирога и улыбнулась, глядя, как жадно он ее клюет. С реки доносились людские голоса, деревянный скрип и утиное кряканье. Все вокруг – сверкающие, подобно драгоценным камням, булыжники, серебрящийся край лужайки, хрупкие лапки воробья – воспринималось ею сейчас с небывалой резкостью, как будто волна счастья промыла ее взор.

Затем в ее мозгу зазвучали голоса. Первым заговорил ее отец:

«Нашу маленькую фашистку воспитали паписты. Этим многое объясняется. Как это вышло, Делия?»

«Разве ты не помнишь, папа? Они спутали меня с другой К. Грей, которая была католичкой. Мы в один и тот же год сдавали экзамены для одиннадцатилетних. Когда ошибка вскрылась, они отправили тебе письмо, спрашивая, не станешь ли ты возражать, если я останусь в монастыре, потому что я там прижилась».

Он не ответил на письмо. Мать-настоятельница тактично утаила от нее, что ее отец так и не потрудился ответить, и Корделия провела в монастыре шесть самых счастливых месяцев своей жизни, огороженная церемонным порядком, как стеной, от сутолоки и бестолочи остального мира, так и оставшись протестанткой, вызывающей у обитательниц монастыря снисходительную жалость. Впервые в жизни ей не было нужды скрывать свой ум, который обычно вызывал протест у ее приемных матушек. Сестра Перпетуя сказала ей: «У тебя не будет проблем с экзаменом по программе средней школы, если ты останешься с нами. Это означает, что через два года, считая с октября, ты сможешь поступить в университет – думаю, в Кембридж. Почему бы не попробовать?»

Сестра Перпетуя сама училась в Кембридже, прежде чем уйти в монастырь, и до сих пор вспоминала студенческую жизнь не то что с завистью или сожалением, но как нечто принесенное в жертву призванию. Даже пятнадцатилетняя Корделия признавала, что сестра Перпетуя создана для ученой стези, и была готова упрекнуть Бога за то, что он призывает к себе на службу тех, кто вполне счастливо идет своей дорогой, принося при этом пользу. Самой Корделии ее будущее впервые в жизни представлялось ясным и сулящим надежды. Она поступит в Кембридж, а сестра Перпетуя станет ее там навещать. У нее были романтические представления о широких лужайках и о том, как они будут ходить по ним вдвоем, греясь на солнце, совсем как в раю, описанном Лонном: «Там текут реки знаний, в которых переливаются искусства и науки; там за стенами цветут сады; там скрываются бездонные глубины неисощимой мудрости». Благодаря своим способностям и молитвам сестры она получит стипендию. Молитвы время от времени смущали ее. Но она ни минуты не сомневалась в их эффективности, ибо Бог обязательно должен услышать того, кто пожертвовал всем, чтобы слышать его. Что ж, если влияние сестры даст ей неоправданное преимущество перед остальными – значит, так и должно быть. Раз речь заходит о столь важных вещах, ни Корделия, ни сестра Перпетуя не намерены погружаться в теологические глубины.

Но на этот раз отец ответил на письмо. Ему вдруг понадобилась дочь. Ни об экзаменах по программе средней школы на повышенном уровне, ни о стипендии речь уже не заходила. В шестнадцать лет учеба для Корделии закончилась, и наступило время кочевой жизни, в которой ей доставались роли кухарки, медсестры, курьера, последовательницы отца и его соратников.

И только теперь извилистые дорожки привели-таки ее в Кембридж – и по какому необычному делу! Город не разочаровал ее. В своих скитаниях ей доводилось видеть и более красивые места, но нигде еще она не чувствовала такого покоя, такого счастья. Разве может сердце остаться безразличным к городу, где стены и витражи, вода и зеленые лужайки, деревья и цветы – все служит красоте и науке? Но, с сожалением поднимаясь со скамейки и отряхивая крошки с юбки, она вдруг вспомнила строчку, которую вовсе не старалась вспомнить. Она отпечаталась в ее мозгу до того отчетливо, будто ее произнес человеческий голос – голос юноши, неузнанный, но до загадочности знакомый: «Увидел я: дорога в ад идет от самых райских врат».

Здание полиции было новым и удобным. Властность сочеталась здесь с необходимой скромностью. Оно внушало уважение, но не испуг. Кабинет сержанта Маскелла и сам сержант производили то же впечатление. Сержант оказался элегантно одетым молодым человеком со строгим квадратным лицом и довольно длинными, хотя и аккуратно причесанными волосами, длина которых, по мнению Корделии, шла вразрез с требованиями, предъявляемыми к полицейским, пусть даже и несущим службу в гражданской одежде. Он был безупречно вежлив, но без ненужной галантности, что приободрило Корделию. Разговор обещал быть не из легких, но это все равно лучше, чем снисходительное пренебрежение, с каким говорят с милым, но навязчивым младенцем. Иногда роль чувствительной и наивной девочки, сгорающей от любопытства, может оказаться кстати – именно эту роль Берни обычно и приберегал для нее, однако тут она почувствовала, что с сержантом Маскеллом лучше не флиртовать, а проявить компетентность. Ей хотелось оказаться на высоте, но не перебарщивать. Пусть ее секреты останутся при ней; она явилась сюда, чтобы раздобыть информацию, а не поделиться ею. Она коротко изложила цель своего визита и продемонстрировала письмо сэра Рональда. Он вернул его и заметил без тени обиды:

– Сэр Рональд не говорил ничего такого, из чего можно предположить, что он не удовлетворен нашим заключением.

– Речь не об этом. Ваша работа не вызывает вопросов, иначе он пришел бы прямо к вам. Я думаю, дело просто в любопытстве ученого, желающего узнать, что же заставило его сына покончить с собой, но стесняющегося сделать это за общественный счет. Ведь личные проблемы Марка – не ваша забота, верно?

– Мы занялись бы ими, если бы за его смертью стояли преступные действия – шантаж, запугивание. Но на это ничто не указывало.

– Вас лично удовлетворило заключение о самоубийстве?

Сержант посмотрел на нее с проницательностью охотничьего пса, взявшего след.

– Почему вы спрашиваете об этом, мисс Грей?

– Из-за того, наверное, что вы потратили на это дело немало сил. Я беседовала с мисс Марклэнд и изучала газетные сообщения. Вы привлекли патологоанатома; вы велели сфотографировать труп перед вскрытием; вы послали на анализ кофе, оставшийся в чашке.

– Я работал как в случае смерти, вызывающей подозрения. Так я поступаю всегда. На этот раз принятые меры оказались излишними, однако могло получиться иначе.

– Но что-то беспокоило вас, что-то было не так? – не унималась Корделия.

– О, все было как нельзя более ясно, – сказал он, словно погружаясь в воспоминания. – Почти все как обычно. Самоубийств у нас более чем достаточно. Молодой человек без видимых причин бросает университет и живет самостоятельно, невзирая на неудобства. Копающийся в себе, предпочитающий одиночество студент, не доверяющий ни родственникам, ни друзьям.

Спустя три недели после ухода из колледжа его находят мертвым. Следов борьбы нет; в коттедже полный порядок. Для удобства читателей он оставляет в пишущей машинке предсмертную записку примерно того содержания, какого можно ожидать. Похоже, он постарался уничтожить все имевшиеся в коттедже бумаги, однако оставил вилы грязными, а работу – недоделанной, кроме того, приготовил себе ужин, который не стал есть. Однако все это ничего не доказывает. Люди нередко ведут себя нелогично, самоубийцы особенно. Нет, обеспокоило меня не это; дело в узле.

Неожиданно он нагнулся и стал шарить в левом ящике стола.

– Вот, – сказал он. – Как бы вы воспользовались этим, чтобы повеситься?

Ремень имел футов пять в длину и немногим более дюйма в ширину. Он был сделан из мягкой, но прочной коричневой кожи, местами почерневшей от времени. На одном конце в ремне было пробито несколько дырочек со стальными вставками, на другом болталась тяжелая медная пряжка. Корделия взяла ремень в руки. Сержант Маскелл сказал:

– Вот. Скорее эту вещь предполагалось использовать как лямку, но мисс Лиминг показала, что он носил ее как ремень, обернув два или три раза вокруг пояса. Так что же, мисс Грей, как бы вы повесились?

Корделия потеряла ремень.

– Первым делом я бы, конечно, продела заостренный конец в пряжку, чтобы получилась петля. Затем, надев петлю на шею, я бы встала на стул под крюком, вбитым в потолок, и привязала к крюку другой конец ремня. Я бы сильно затянула его и пару раз дернула, чтобы удостовериться, что узел не развяжется, а крюк останется в потолке. А потом отпихнула бы стул.

Сержант открыл лежащую перед ним папку и пододвинул к ней.

– Взгляните. Вот фотография узла.

На черно-белой фотографии узел был виден с редкой отчетливостью. Это был морской узел, завершавший накинутую на крюк петлю примерно футом ниже. Сержант Маскелл сказал:

– Сомневаюсь, что он смог бы завязать такой узел, подняв руки, над головой. Это невозможно. Значит, он сперва сделал петлю, как вы, а потом узел. Но и это невозможно. Между пряжкой и узлом оставалось всего несколько дюймов. Тогда ему не удалось бы просунуть голову в петлю. Остается единственная возможность: сначала он делает петлю, затягивает ее так, чтобы она обхватила его шею, как воротник, а потом завязывает свой морской узел. После этого встает на стул, вешает ремень на крюк и отпихивает стул. Смотрите, сейчас покажу вам, что я имею в виду.

Он перевернул страницу и быстро поднес папку к глазам Корделии. Фотография не вызвала ни малейших вопросов: это был жестокий черно-белый сюрреализм, который можно было бы принять за что-то искусственное, за чью-то мрачную шутку, если бы не вопиющая реальность трупa. Корделия почувствовала удары своего сердца. По сравнению с этим ужасом смерть Берни можно считать легкой. Она низко опустила голову, так что ее волосы образовали заслон, не позволяющий сержанту видеть выражение ее лица, и заставила себя вглядеться в страшную фотографию.

Шея трупа удлинилась, босые ноги с вытянутыми, как у балерины, пальцами не доставали всего около фута до пола. Над напряженными мышцами живота вздымалась по-птичьи хрупкая грудная клетка. На правом плече лежала неестественно откиннутая голова, словно у куклы, над которой поиздевался жестокий ребенок. Глаза под полуоткрытыми веками закатились вверх. Из рта торчал раздувшийся язык.

– Я поняла, что вы имеете в виду, – спокойно произнесла Корделия. – Между шеей и узлом едва остается четыре дюйма. А где пряжка?

– На шее, под левым ухом. В папке есть фотография впадины, оставшейся из-за нее на шее.

Корделия не стала рассматривать эту фотографию.

Зачем он показывает ей все это? Для подтверждения его доводов можно обойтись и без них. А не рассчитывал ли он вызвать у нее потрясение, чтобы она поняла, к чему прикоснулась? Наказать за то, что она пытается перейти ему дорогу? Показать, насколько отличается жестокая реальность, с которой приходится иметь дело людям его профессии, от ее любительского наскока? Или, возможно, он хочет ее предостеречь? Но от чего? Полиция не заподозрила никакого преступного замысла; дело закрыто. Может, он поступил так просто из злорадства, с садизмом человека, неспособного противостоять побуждению сделать другому больно? Да знал ли он сам, для чего так поступает?

Вслух она сказала:

– И впрямь он мог сделать это только таким способом, как вы говорите, если он сделал это вообще. Предположим, кто-то другой затянул петлю на его шее, а затем подвесил тело. Мертвецы обычно тяжелы. Не легче ли было сначала завязать узел, а потом поставить его на стул?

– Сначала одолжив у него ремень?

– Зачем прибегать к ремню? Убийца мог задушить его веревкой или галстуком. Или это оставило бы под следом от ремня более глубокий и легко определяемый след?

– Патологоанатом искал именно его. Но ничего не нашел.

– Но есть и другие способы – скажем, полиэтиленовый мешок, в какие пакуют одежду: его можно надеть человеку на голову и прижать к лицу; тонкий шарф; женский чулок...

– Я вижу, вы стали бы изобретательным убийцей, мисс Грей. Да, возможно, но для этого потребовался бы сильный мужчина и элемент неожиданности. Мы же не обнаружили никаких следов борьбы.

– Но это возможно?

– Конечно, правда нам не удалось отыскать никаких улик.

– А если его для начала усыпили?

– И эта мысль приходила мне в голову; поэтому я и послал на анализ кофе. Нет, его не усыпляли: это показало вскрытие.

– Сколько кофе он выпил?

– Согласно результатам вскрытия, всего полчашки. И сразу после этого умер. Между семью и девятью вечера – точнее патологоанатом не смог определить.

– Не странно ли, что он принялся за кофе, еще не сев за еду?

– Закон этого не запрещает. Мы не знаем, когда он собирался приняться за ужин. Как бы то ни было, мы не можем строить дело об убийстве, руководствуясь порядком, в котором человек предпочитает есть и пить.

– А как насчет предсмертной записки? Полагаю, на клавишах пишущей машинки не остается отпечатков пальцев?

– Во всяком случае, на клавишах машинки именно этого типа. Мы пытались, но ничего не добились.

– Так что в конце концов пришли к выводу, что это самоубийство?

– В конце концов я пришел к выводу – ничего иного доказать не удастся.

– Но у вас были догадки? Бывший коллега моего партнера – старший инспектор Департамента уголовного розыска – всегда следовал своим догадкам.

– Так можно найти оправдание любым заблуждениям. Если бы я шел на поводу у всех своих догадок, вся работа встала бы. Главное – не подозрение, а доказательство.

– Могу ли я взять записку и ремень?

– Почему бы и нет? Только распишитесь в получении. Кроме вас, они никому не нужны.

– Позвольте взглянуть на записку.

Вынув листок из папки, он протянул его. Корделия стала читать про себя первые строки, еще оставшиеся в памяти: «Мы увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса...»

В который раз ее поразили значительность написанного слова, магия упорядоченных символов. Сохранилось бы волшебство поэзии, будь она записана прозаической строкой, осталась бы столь захватывающей проза, если бы она лишилась знаков препинания? Мисс Лиминг продекламировала отрывок из Блейка, сама замороженная его красотой, но здесь, на бумаге, он казался еще более неотразимым.

В это самое мгновение она поняла – цитата навела ее на две необыкновенно важные мысли. От открытия у нее перехватило дыхание. Она не собиралась делиться с сержантом Маскеллом первой мыслью, но не видела причин, почему бы не ввести его в курс дела относительно второй.

– Марк Келлендер в совершенстве владел машинописью. Это определенно работа профессионала.

– Мне так не показалось. Если вы приглядитесь внимательнее, то убедитесь, что некоторые буквы пробиты слабее других. Так печатают только любители.

– Но плохо пробиты не одни и те же буквы. Когда человек плохо владеет печатной машинкой, он обычно слабо пробивает буквы, расположенные по краям клавиатуры. Зато размещен текст безупречно – почти до самого конца. Такое впечатление, словно севший за машинку человек внезапно решил скрыть свое умение, но перепечатать все у него уже не хватило времени. И странно, до чего же точно расставлены знаки препинания!

– Наверное, он копировал отрывок напрямую из книги. В его спальне был томик Блейка. Это, знаете ли, цитата из Блейка, поэта обжигающего, как пламя.

– Знаю. Но если он действительно воспользовался книгой, зачем было нести ее назад в спальню?

– Привычка к порядку.

– Которой не хватило на то, чтобы вымыть за собой кофейную чашку и привести в порядок вилы.

– Это ничего не доказывает. Как я уже говорил, люди, решившие свести счеты с жизнью, иногда совершают странные поступки. Мы знаем, что пишущая машинка принадлежала ему уже год. Но мы не смогли сравнить этот текст с другими образцами его машинописного мастерства: все бумаги сгорели.

Он посмотрел на часы и встал из-за стола. Корделия поняла: аудиенция окончена. Она расписалась за записку самоубийцы и его кожаный ремень, после чего протянула полицейскому руку и холодно поблагодарила за помощь. Придерживая для нее дверь, он внезапно произнес:

– Может быть, вас заинтересует одна интригующая подробность. По всей видимости, в день его смерти он был в компании женщины. Патологоанатом обнаружил на его верхней губе тоненькую полоску ярко-красной помады.

Глава 3

Нью-Холл, с его византийским великолепием, глубоким двором и сверкающим куполом, похожим на очищенный апельсин, напомнил Корделии гарем. Возможно, им владел султан с либеральными воззрениями и странным предпочтением умных девушек, но от этого его заведение не переставало быть гаремом. Колледж определенно был слишком симпатичным местом, чтобы здесь можно было учиться всерьез. Ей пришлось не очень-то по душе навязчивая женственность белого кирпича, манерная миниатюрность фонтанов с золотыми рыбками, мелькающими, подобно каплям крови, среди водорослей, рассаженных повсюду как будто искусственные деревца. Она сосредоточилась на своем критическом отношении к колледжу, надеясь, что оно поможет ей сохранить присутствие духа.

Она не стала звонить привратнику и вызывать мисс Тиллинг, опасаясь, что ее начнут расспрашивать о причине вызова или запретят входить, а сочла более удобным просто войти и попытаться счастья. На этот раз счастье сопутствовало ей. После безуспешных поисков комнаты Софии Тиллинг спешащая куда-то студентка сказала ей:

– Она не живет в колледже, но сейчас сидит с братом на лужайке.

Корделия вышла из тени на яркое солнце и двинулась по мягкому, как мох, дерну по направлению к маленькой группе. На источающей пьянящий запах траве расположилось четверо молодых людей. Брат и сестра Тиллинги были очень похожи друг на друга. Корделия тут же подумала, что они напоминают ей персонажей с портретов прерафаэлитов – такие же гордо поднятые темноволосые головы на длинных шеях, такие же прямые носы над прихотливо изогнутыми губами. Рядом с их угловатыми фигурами вторая девушка в группе казалась воплощением округлости. Если именно она навещала Марка в коттедже, то мисс Маркленд была права, назвав ее красавицей. Овальное лицо с изящным носиком, небольшой рот правильной формы, чуть раскосые глаза такой необыкновенной синевы, что вся ее внешность приобретала восточный колорит, составлявший удивительный контраст с ее бледной кожей и длинными светлыми волосами. Доходящее до лодыжек хлопчатобумажное платье розовато-лиловой расцветки обладало единственной пуговицей на талии. Под тонкой тканью угадывалась высокая грудь, под разлетающейся юбкой видны узенькие трусики. Этим ее наряд исчерпывался. Ее длинные босые ноги избежали загара. Корделия подумала, что эти полные белые бедра могут произвести более глубокое эротическое впечатление, чем целый город загорелых ног, и девушка определенно сознавала это. София Тиллинг тоже не была дурнушкой, но ее внешность лишь подчеркивала куда более совершенную красоту подруги.

На первый взгляд четвертый участник компании не производил яркого впечатления. Это был коренастый молодой человек с бородкой, курчавой рыжеватой шевелюрой и лопатообразным лицом. Он лежал на травке бок о бок с Софией Тиллинг. На всех, за исключением блондинки, были старые джинсы и рубашки с расстегнутыми воротниками.

Подойдя к ним, Корделия постояла какое-то время молча, прежде чем они заметили ее.

– Я ищу Хьюго и Софию Тиллинг, – объявила она. – Меня зовут Корделия Грей.

Хьюго Тиллинг поднял глаза.

– «А что Корделии сказать? Ни слова. Любить безгласно»².

– Люди, ощущающие потребность отпускать шутки по поводу моего имени, обычно спрашивают и про сестер. Это так скучно!

– Еще бы. Простите. Хьюго Тиллинг – это я. Моя сестра, Изабель де Ластери, Дейви Стивенс.

Дейви Стивенс сел, как китайский болванчик, и дружеским тоном сказал:

² В. Шекспир. «Король Лир». Перевод Б. Пастернака.

– Привет!

Он смотрел на Корделию с напряженным интересом. Она ответила ему тем же. Сначала – возможно, под влиянием архитектуры колледжа – у нее сложилось впечатление, что эта маленькая группа представляет собой юного султана в окружении двух фавориток и капитана личной гвардии. Однако, встречаясь взглядом с Дейви Стивенсом, она начала думать, что в этом серале главная роль принадлежит, пожалуй, именно капитану.

София Тиллинг кивнула и сказала:

– Хэлло!

Изабель промолчала, но улыбнулась очаровательной и бессмысленной улыбкой.

– Отчего бы вам не присесть? – предложил Хьюго. – Объясните, пожалуйста, что вас привело?

Корделия осторожно опустилась на колени, опасаясь испачкать о траву платье. Вот странно – допрашивать подозреваемых – хотя, конечно, какие они подозреваемые, – стоя перед ними в позе коленопреклоненной просительницы.

– Я частный детектив, – решила она. – Сэр Рональд Келлендер поручил мне выяснить причину гибели сына.

Ее слова произвели неожиданный эффект. Маленькая группка, только что роскошествовавшая в траве, напоминая утомленных рыцарей и дам, словно превратилась в мраморный барельеф. Еще секунда – и все стало как прежде. Корделии показалось даже, что она услышала общий вздох облегчения. Она внимательно посмотрела на их лица. Дейви Стивенс проявил меньше всего заинтересованности. На его лице застыла немного удрученная улыбка, выражавшая слабое любопытство, но при этом полное отсутствие волнения. Он повернулся к Софии, как бы в поисках поддержки. Однако их глаза не встретились: она и Хьюго не мигая смотрели перед собой. Корделия почувствовала, что брат и сестра избегают смотреть друг на друга. Более всего потрясенной казалась Изабель. Она тихонько вскрикнула и рывком поднесла к лицу ладонку, подобно третьеразрядной актрисе, изображающей испуг. Ее глаза расширились, приобретя уж вовсе бездонную глубину, и она взглянула на Хьюго с отчаянным призывом о помощи. По ее лицу разлилась такая бледность, что Корделия не удивилась бы, упади она в обморок. «Если здесь собрались заговорщики, то я знаю, кто из них самых малодушный», – пронеслось у нее в голове.

– Вы сказали, что Рональд Келлендер поручил вам разузнать, отчего умер Марк? – проговорил Хьюго Тиллинг.

– Что же в этом необычного?

– Это просто невероятно! Он не проявлял к сыну особенного интереса, когда тот был жив, зачем же начинать сейчас, когда он мертв?

– Откуда вы знаете, что он не проявлял к нему особенного интереса?

– У меня сложилось такое впечатление.

– Что ж, теперь интерес возник, пусть даже это всего лишь стремление ученого познать истину.

– Пусть лучше занимается тогда своей микробиологией и выясняет, как растворять пластик в соленой воде и тому подобное. Человеческие существа не должны становиться объектами его экспериментов.

Дейви Стивенс произнес как ни в чем не бывало:

– Непонятно, как вы только перевариваете этого самонадеянного фашиста!

Насмешка задела слишком много чувствительных струн ее памяти. Прикинувшись бестолковой, она ответила:

– Я не интересовалась, какой политической партии благоволит сэр Рональд.

Хьюго усмехнулся:

– Дейви имеет в виду не это. Называя Рональда Келлендера фашистом, Дейви хочет сказать, что он придерживается некоторых неудобоваримых воззрений. Скажем, что люди созданы для неравенства, что всеобщее избирательное право не делает человечество счастливее, что левая тирания не обязательно оказывается более либеральной и сносной, нежели правая, что когда черные убивают черных, это не слишком большой прогресс по сравнению с временами, когда черных убивали белые, – во всяком случае, с точки зрения жертв, а также что капитализм не несет ответственности за все пороки хилых мира сего – от пристрастия к наркотикам до плохого владения родным языком. Не знаю рассуждает ли Рональд Келлендер именно так по любому из названных поводов, однако Дейви с ним не согласен.

Дейви запустил в Хьюго книгой и беззлобно бросил:

– Заткнись! Ты рассуждаешь, как «Дейли телеграф»! И нагоняешь тоску на нашу гостью!

София Тиллинг неожиданно спросила:

– Вы пришли к нам по совету сэра Рональда?

– Он сказал, что вы с Марком были друзьями. Он видел вас на следствии и на похоронах.

Хьюго снова разобрал смех:

– Боже мой, так он представляет себе дружбу?

– Но вы там были?

– Да, на следствии – все, кроме Изабелль, которая, как мы решили, украсила бы собой помещение, но не смогла бы помочь делу. Там оказалось довольно скучно. Бесконечные, не имеющие отношения к делу медицинские подробности – о прекрасном состоянии его сердца, легких и пищеварительной системы. Насколько я понимаю, он мог бы жить вечно, не надень себе на шею ремешок.

– А на похоронах вы тоже были?

– Да, в кембриджском крематории. Удручающая процедура. Скорбящих было всего шестеро, не считая людей из похоронного бюро: мы трое, Рональд Келлендер, его секретарь (или домоправительница – не знаю) и старая нянечка в трауре. От ее присутствия все выглядело еще мрачнее. Она до того напоминала старую прислугу семьи, что я был готов принять ее за переодетую сотрудницу полиции.

– С какой стати? Такой у нее был вид?

– Нет, но ведь и вы не похожи на частного детектива.

– Вы не знаете ее имени?

– Нет, нас не представили. Там была не очень-то приветливая атмосфера. Помнится, никто не перекинулся даже словом. Сэр Рональд изображал скорбь, как король на погребении наследного принца.

– А мисс Лиминг?

– Супруга царствующего короля. Не хватало только черной вуали на лице.

– Я подумала, что она горюет всерьез, – сказала София.

– Остается только гадать. Дай определение, что значит «горевать». И «всерьез».

В разговор вмешался Дейви, перевернувшись на живот, как резвящийся щенок:

– Мне показалось, что мисс Лиминг вот-вот разрыдается. Кстати, пожилую даму звали Пилбим; во всяком случае, так было написано на венке.

– Жуткий крест из роз с черной лентой? Можно было догадаться, что он от нее. Но откуда такая уверенность?

– На что нам глаза, милая? Служащие похоронного бюро сняли венок с гроба и прислонили его к стене. На ленте было написано: «С искренней симпатией от няни Пилбим».

– А-а, помню, – протянула София. – Очень трогательно! Бедная нянечка, здорово ей пришлось потратиться!

– Марк когда-нибудь упоминал няню Пилбим? – спросила Корделия.

Прятели быстро переглянулись. Изабелль покачала головой. София сказала:

– При мне – нет.

– Он никогда не говорил о ней, – заметил Хьюго, – но я, кажется, видел ее однажды еще до похорон. Она пришла в колледж недель шесть назад – в день рождения Марка, когда ему исполнился двадцать один год, и спросила, можно ли его повидать. Я как раз был у привратника, и Роббинс спросил меня, где Марк. Она поднялась к нему в комнату и пробыла у него около часа. Я видел, как она уходила. Но он ее ни разу не упоминал – ни тогда, ни потом.

А вскоре после этого он бросил колледж, подумала Корделия. Есть ли здесь связь? Придется размотать эту ниточку, какой бы тонкой она ни была. Из праздного, если не извращенного, любопытства она спросила:

– Там были еще цветы?

Ответ дала Софи:

– Просто букетик садовых цветов на крышке гроба. Без всяких пояснений. Наверное, от мисс Лиминг. Это не в стиле сэра Рональда.

– Вы с ним дружили. Расскажите о нем, – попросила Корделия.

Они снова переглянулись, словно решая, кому брать слово. Их замешательство было таким сильным, что казалось осязаемым. София Тиллинг вырывала из травы тонкие стебельки и катала их по ладони. Не поднимая глаз, она заговорила:

– Марк был очень замкнутым. Вряд ли кто-либо из нас знал его по-настоящему. Он был спокойным, обходительным, сдержанным, непритязательным. Умен, но без капли хитрости. Очень добрый; заботился о людях, но не навязывался им. У него совершенно не было честолюбия, но это нисколько его не тревожило. Вряд ли можно сказать что-то еще.

Внезапно раздался голосок Изабелль – настолько тихий, что Корделия с трудом разобрала слова:

– Он был милый.

Хьюго нетерпеливо перебил ее:

– Был милый. А теперь он мертвый. Вот так. Мы не сможем рассказать вам о Марке Келлендере ничего, кроме этого. С тех пор как он бросил колледж, никто из нас с ним не виделся. Он не советовался с нами, прежде чем так поступить, как и прежде чем совершить самоубийство. Как сказала моя сестра, он был очень замкнутым. Предлагаю не тревожить его в избранном им мире.

– Но послушайте, – не отступала Корделия, – вы побывали на следствии, на похоронах! Если вы перестали с ним встречаться, если он вас больше не интересовал, то к чему такие труды?

– София ходила из чувства привязанности, Дейви – следом за Софией, я – из любопытства и из уважения. Если я кажусь легкомысленным, то это еще не значит, что у меня нет сердца.

Корделия упрямо продолжала:

– Кто-то навещал коттедж в вечер его смерти и пил с ним кофе. Я собираюсь выяснить, кто это был.

Новость удивила их, или ей только показалось? София Тиллинг как будто собиралась о чем-то спросить, однако брат опередил ее:

– Это не мы. В тот вечер мы все сидели во втором ряду бельэтажа и смотрели пьесу Пинтера. Не знаю, можно ли это доказать. Не уверен, что в кассе хранят списки заказов, однако я приходил заказывать билеты, и меня могут вспомнить. Если вы настаиваете, я могу познакомиться с приятелем, который знал о моем намерении идти с друзьями в театр; еще с одним, который видел по крайней мере одного из нас в баре во время антракта; есть еще человек, с которым я впоследствии обсуждал пьесу. Все это ничего не доказывает: с друзьями легче легкого договориться. Будет гораздо проще, если вы согласитесь, что я говорю правду. Зачем мне лгать? Вечером двадцать шестого мая все мы были в театре.

Раздался ласковый голос Дейви Стивенса:

– Почему бы вам не послать этого негодяя папашу Келлендера к черту и не оставить его сына в покое, а самой не заняться чем-нибудь попроще, например, кражей?

– Или убийством? – подхватил Хьюго Тиллинг. – Найдите себе какое-нибудь простенькое убийство.

Словно подчиняясь невидимому сигналу, все четверо стали подниматься с травы, собирать книги и стряхивать с одежды травинки. Корделия прошла следом за ними через двор и вышла на улицу. Не произнося ни слова, компания направилась к белому «рено». Корделия подошла к ним и обратилась прямо к Изабелль:

– Вам понравился Пинтер? Вас не напугала заключительная сцена, когда Уайтт Гиллмен гибнет от рук туземцев?

Это вышло до того просто, что Корделия почти презирала себя. В огромных темносиних глазах она прочла неподдельное изумление.

– О нет! Что мне до этого? Какой испуг? Я же была с Хьюго и всеми остальными.

Корделия обернулась к Хьюго Тиллингу:

– Кажется, ваша приятельница не видит разницы между Пинтером и Осборном³.

Хьюго как раз устраивался за рулем машины. Потянувшись к задней дверце, чтобы впустить в салон Софию и Дейви, он спокойно парировал:

– Моя приятельница, как вы изволили ее назвать, обитает в Кембридже, хотя и без достаточного присмотра, с целью овладения английским языком. Пока прогресс до обидного невелик. Никогда не знаешь, как много из сказанного удастся понять моей приятельнице.

Мотор ожил. Машина сдвинулась с места. В этот момент София Тиллинг просунула голову в окно и, удивляясь своему порыву, произнесла:

– Я не против побеседовать о Марке, если это принесет пользу. Это, конечно, ничего не даст, но вы все равно заходите ко мне сегодня под вечер – дом 57 по Норвич-стрит. Не опаздывайте: мы с Дейви собираемся на реку. Можете присоединиться к нам, если захотите.

Машина тронулась и исчезла из виду. Хьюго успел насмешливо помахать ей рукой, остальные не повернули головы.

Корделия несколько раз повторила адрес про себя, пока не записала его: 57, Норвич-стрит. Что это, общежитие, или их семья живет в Кембридже? Что ж, скоро она узнает. Когда лучше прийти? Слишком рано – значит продемонстрировать излишнее рвение, опоздать – значит упустить их. Что бы ни побудило Софию пригласить ее, пусть с опозданием, теперь ей нельзя терять с ними связь.

Им было известно нечто, из-за чего они испытывали чувство вины, в этом нет сомнений. Иначе почему они так эмоционально отреагировали на ее появление? Им хотелось, чтобы никто не ворошил факты, связанные со смертью Марка Келлендера. Они будут пытаться уговорами, лестью, укорами заставить ее бросить это дело. Дойдет ли до угроз? Вряд ли. По всей вероятности, они просто кого-то выгораживают. Только зачем? Убить – не то же самое, что забраться поздней ночью в колледж через окно. Подобное не прощают и не пытаются скрыть. Марк Келлендер был дружен с ними; для двоих из них он мог быть даже больше, чем просто другом. Кто-то, кого он знал, кому доверял, крепко затянул ремешок у него на горле, а потом смотрел и слушал, как он задыхается и агонизирует, после чего подвесил его тело на крюк, как свиную тушу. Зная подобное, можно ли заговорщически поглядывать на Софию, как Дейви Стивенс; оставаться спокойным и циничным, как Хьюго; глядеть дружески и заинтересованно, как София Тиллинг? Если они заговорщики, значит, они просто чудовища! А Изабелль? Если они выгораживают кого-то, то скорее всего именно ее. Но Изабелль де Ластери не могла быть

³ Гарольд Пинтер (р. 1930) – английский драматург, мастер жанра трагикомедии, театра абсурда. Джон Осборн (1929–1994) – английский драматург, один из ведущих представителей течения «рассерженных молодых людей». – *Примеч. пер.*

убийцей Марка. Корделия вспомнила ее хрупкие покатые плечи, неумелые руки, почти просвечивающие на солнце, длинные ногти, похожие на изящные красные коготки. Если Изабелль виновна, она действовала не одна. Только высокая и очень сильная женщина могла бы затащить неподвижное тело на стул и подвесить его на крюке.

Норвич-стрит оказалась оживленной магистралью с односторонним движением, и сначала Корделия въехала на нее с противоположной стороны. Прошло порядочно времени, пока она не проделала весь путь: назад к Хиллз-роуд, мимо католической церкви, четвертый поворот направо. Улица была утыкана кирпичными домиками ранневикторианского периода. Почти все дома выглядели ухоженными: одинаковые входные двери блестели свежей краской, окна первых этажей были завешены кокетливыми занавесками, вдоль стен вырыты сточные желоба. Дом номер пятьдесят семь встретил ее черной входной дверью с белым номером за стеклом. Корделия с облегчением увидела, что ей есть где припарковать машину. В сплошном ряду старых автомобилей и велосипедов, оставленных у тротуара, белого «рено» не оказалось.

Надавив звонок, Корделия толкнула незапертую дверь и нерешительно шагнула в узкий белый холл. Планировка дома оказалась хорошо знакомой: с шести до восьми лет она жила с миссис Гибсон точно в таком викторианском коттедже на окраине Ромфорда. Она узнала узкую крутую лестницу, дверь направо, ведущую в переднюю комнату, и еще одну дверь наискосок от первой, ведущую в заднюю комнату, через которую можно выйти в кухню и дальше во дворик. Она знала, что по обеим сторонам камина увидит шкафчики и резные альковы, а под ступеньками найдет еще одну дверь. Воспоминания были слишком живыми, ей даже почудилось, будто в этом чистом, залитом солнцем доме тоже пахнет нестираными простынями, капустой и салом, как в том доме в Ромфорде. В ее ушах зазвучали детские голоса, называющие ее диковинными именами, и показалось, словно она только-только вернулась с площадки для игр рядом с начальной школой напротив, где ее подружки легко отрывали от асфальта тяжеленные ботинки – обувь на любое время года, и, размахивая тонкими ручонками, выкрикивали: «Кор, Кор, Кор!»

Дверь перед ней тоже была открыта. Она увидела комнату, где доминировал ярко-желтый цвет, подчеркиваемый солнечными лучами.

– А, это вы! Входите. Дейви сейчас принесет книги из колледжа и еду для пикника. Когда подать чай – сейчас или чуть погодя? Я только что выгладила гору белья!

– Спасибо, лучше подождем.

Корделия села и стала смотреть, как София складывает подстилку и скручивает шнур от утюга. Потом она оглядела комнату. Просторно и уютно, обстановка не принадлежит ни к какому определенному периоду – скорее смесь дешевого и ценного, простенького и радующего глаз. У стены стоял массивный дубовый стол, окруженный громоздкими стульями. Кроме них, в комнате находились виндзорское кресло с мягкой желтой подушечкой, элегантный викторианский диван под коричневым вельветовым покрывалом, придвинутый к окну, и три симпатичные стаффордширские статуэтки на полке, под которой висала каминная решетка. Одну из стен почти полностью закрывало темное панно с разнообразными плакатами, открытками и вырезанными из журналов фотографиями. На двух из них изображены хорошенькие обнаженные девушки.

За окном с желтой занавеской, в огороженном каменной стеной садике, буйствовала растительность: огромная штокроза, усыпанная цветами, шпалера из вьющейся травы, просто розы и ярко-красная герань в горшках.

– Какой хороший дом, – сказала Корделия. – Он ваш?

– Да, мой. Наша бабушка скончалась два года назад и оставила Хьюго и мне небольшое наследство. Я пустила свою часть на то, чтобы выкупить этот дом, и получила от местных властей субсидию на его перестройку, а Хьюго вложил свои деньги в запасы вина. Я думала о

счастливым настоящим, он – о счастливом будущем. Наверное, в этом и заключается разница между нами.

Она положила сложенную подстилку в буфет. Усевшись напротив Корделии, она неожиданно спросила:

– Вам понравился мой брат?

– Не очень. Он был со мной довольно-таки груб.

– Он не нарочно.

– Тогда еще хуже. Грубость должна быть намеренной, иначе это просто бесчувственность.

– Хьюго всегда ведет себя не лучшим образом, когда рядом Изабелль. Так уж она на него действует.

– Она любила Марка Келлендера?

– Лучше задайте этот вопрос ей, Корделия, но лично я так не думаю. Они были едва знакомы. Марк был моим возлюбленным, а не ее. Я решила, будет лучше позвать вас сюда и сказать об этом самой, иначе рано или поздно это сделает кто-то другой, раз уж вы собираетесь по Кембриджу сведения. Он, конечно, не жил у меня, у него была комната в колледже. Но мы оставались любовниками почти весь прошлый год. Все кончилось сразу после Рождества, когда я повстречала Дейви.

– Вы любили друг друга?

– Не уверена. Секс – всегда эксплуатация, ведь так? Если вас интересует, не познавал ли каждый из нас собственную личность через личность другого, то да, мы любили друг друга или, во всяком случае, считали, что любим. Марку нужна была уверенность, что он влюблен. Не знаю, понимаю ли я смысл этого слова.

Корделия почувствовала симпатию к Софии. Разве она сама понимает? Она подумала о двух своих любовниках – о Джордже, с которым спала по той причине, что он был ласков и несчастен и звал ее Корделией, настоящим именем, а не «Делией, маленькой папиной фашисткой», и о Карле, юном и сердитом, который нравился ей так сильно, что было бы ребячеством не продемонстрировать ему это единственным способом, который мог произвести на него впечатление. Она никогда не относилась к девственности как к чему-то большему, нежели просто временному и неудобному состоянию, которое иначе зовется молодостью. До Джорджа и Карла она была одинокой и неопытной. После них она осталась одинокой, зато опыта прибавилось. Правда, ни та ни другая связь не научила ее столь необходимой уверенности в общении с отцом и домохозяйками, да и не поразила ее в самое сердце. Правда, к Карлу она чувствовала нежность. Что поделать, если он исчез из Рима еще до того, как его любовь смогла превратиться для Корделии в необходимость? И теперь ей было невыносимо думать о том, что эти странные упражнения могут в один прекрасный день превратиться в необходимость. Занятие любовью, решила она про себя, сплошь и рядом переоценивается: оно безболезненно и скорее сулит сюрпризы. Представление и действительность разошлись полностью. Она сказала:

– Наверное, я просто хотела узнать, влекло ли вас друг к другу, нравилось ли вам быть вместе в постели?

– И то и другое.

– Тогда почему разрыв? Вы поссорились?

– Ничего столь естественного или нецивилизованного не произошло. С Марком нельзя было поссориться. В этом состоял один из его недостатков. Я сказала, что не хочу продолжения наших отношений, и он принял мое решение до того спокойно, будто я просто отменила встречу, чтобы сходить в театр. Он не пытался ни спорить, ни разубедить меня. Если вы подозреваете, что между нашим разрывом и его смертью имеется связь, то должна вас разочаровать: это не так. Я не могу значить так много для другого человека, тем более для Марка. Скорее мне он нравился больше, чем я ему.

– Тогда почему вы расстались?

– Мне казалось, меня все время судят. Это, конечно, не так, Марк не был моралистом. Но я чувствовала себя под надзором или убедила себя в этом. Я не могла с ним ужиться и даже не хотела пытаться. Был такой Гэри Веббер. Лучше я расскажу вам о нем, это объяснит многое в отношении Марка. Он болен аутизмом, и с ним совершенно нельзя было сладить: он был как бешеный. Марк повстречался с ним на лужайке колледжа Иисуса примерно год назад – Гэри был с родителями, братом и сестрой. Дети качаются там на качелях. Марк заговорил с Гэри, и тот стал его слушать. Дети всегда любили его. Он стал раз в неделю навещать его семью и приглядывать за Гэри, чтобы родители могли отлучиться в кино. В прошлые и позапрошлые каникулы он жил у них, а Вебберы уезжали отдыхать. Вебберы не могли решиться отдать мальчика в больницу; однажды они попытались, но пришлось его оттуда забрать. Однако когда он оставался с Марком, они были совершенно спокойны. Иногда я навещала их по вечерам. Марк держал мальчика на коленях и часами раскачивал его взад-вперед, взад-вперед. Только так и можно было его успокоить. Я считала, что такому ребенку лучше умереть, и как-то прямо сказала Марку. Я и сейчас думаю – так было бы лучше и для родителей, и для всей семьи, и для него самого. Марк не согласился. Я, помнится, сказала тогда: «Ты, кажется, считаешь разумным страдания детей, а сам наслаждаешься способностью отвлекать их...» После этого разговор съехал на скучную метафизическую колею. Марк возразил: «Ни ты, ни я ни за что не захотели бы убить Гэри. Он существует. Его семья тоже существует. Им нужна помощь, которую мы можем им предоставить. Не важно, что мы при этом чувствуем. Важны действия, а не чувства».

Корделия сказала:

– Но действия порождаются чувствами.

– О, Корделия, не надо снова! Сколько раз я уже вела такой же разговор! Конечно, вы правы!

Какое-то время они молчали. Затем Корделия, чувствуя, что ломает тонкий мостик дружеского расположения, который только было перекинулся между ними, заставила себя задать главный вопрос:

– Тогда почему он покончил с собой – если действительно это так и было?

Ответ Софии прозвучал резко и выразительно, словно дверь захлопнулась:

– Он оставил записку.

– Ну да, записка. Однако, как заметил его отец, эта записка еще не объяснение. Это прекрасный отрывок – во всяком случае, так мне кажется, – но оправданием самоубийства она служить не может.

– Она убедила присяжных.

– А меня – нет. Вдумайтесь, София! Наложить на себя руки можно всего по двум причинам. Первая – стремление убежать от чего-то или к чему-то. В этом есть рациональное зерно: если человек мучается от невыносимой боли, отчаяния или духовных метаний и нет ни малейшей надежды на излечение, то, возможно, есть смысл избрать уход в небытие. Но не очень-то разумно убить себя в надежде на лучшую жизнь или на обогащение гаммы своих чувств опытом смерти. Испытать смерть нельзя. Я не уверена даже, что можно испытать процесс умирания. Испытать можно лишь приготовление к смерти, но даже это лишено смысла, ибо впоследствии такой опыт не пригодится. Если после смерти нас ждет какая-то иная жизнь, мы все скоро в этом убедимся. Если же нет, то нам уже не представится возможности пожаловаться, что нас надули. Люди, верящие в загробную жизнь, вполне в ладу с разумом. Лишь им не суждено испытать последнее разочарование.

– Вы размышляли обо всем этом, не правда ли? Не думаю, чтобы самоубийцы следовали вашему примеру. Они поступают импульсивно и безрассудно.

– Марк был импульсивен и безрассуден?

– Я его не знала.

– Но вы же были любовниками! Вы с ним спали!

София обожгла ее взглядом и остервенело выкрикнула:

– Я его не знала! Я только думала, что знаю его, но оказывается, я ничего о нем не знала!

После этого никто не произнес ни слова на протяжении двух минут. Затем Корделия спросила:

– Вы были на обеде в Гарфорд-Хаусе. Как вам там понравилось?

– На удивление хорошие вина и еда. Но, думаю, вы имели в виду не это. Больше ничего примечательного на обеде не было. Сэр Рональд повел себя весьма гостеприимно, заметив мое присутствие. Мисс Лиминг, когда ей удавалось отвлечься от приковывавшего к себе всеобщее внимание гения, оглядывала меня с головы до ног взглядом будущей свекрови. Марк больше помалкивал. Думаю, он привел меня туда, чтобы что-то доказать мне или себе, не знаю, правда, что именно. Потом он ни разу не вспоминал об этом вечере и не спрашивал о моих впечатлениях. Еще через месяц мы были приглашены на обед вместе с Хьюго. Там я и встретила Дейви. Он гостил у кого-то из биологов, и Рональд Келлендер лез из кожи вон, пытаясь заполучить его себе. Дейви готовился там к выпускным экзаменам. Если вам нужны подробности о Гарфорд-Хаусе, лучше поговорите с ним.

Через пять минут в доме появились Хьюго, Изабелль и Дейви. Корделия была наверху в ванной, когда услышала шум мотора и голоса. Кто-то прошел прямо под ней в заднюю комнату. Она повернула кран горячей воды. Газовая колонка в кухне немедленно издала могучее рычание, будто в доме включили огромный двигатель. Не закручивая кран, Корделия вышла из ванной, мягко прикрыла за собой дверь и на цыпочках приблизилась к лестнице. Не очень-то хорошо по отношению к Софии транжирить горячую воду, беззлобно подумала Корделия; еще хуже было дальнейшее: она предательски спустилась на три ступеньки вниз и напрягла слух. Входная дверь закрыта, зато через открытую дверь в заднюю комнату до нее донесся высокий ровный голос Изабелль:

– Если этот сэр Рональд платит ей за то, чтобы она узнала про Марка, почему я не могу заплатить ей, чтобы она прекратила это занятие?

Ей ответил насмешливый голос Хьюго, в котором звучало обычное высокомерие:

– Дорогая Изабелль, когда же вы наконец поймете, что не каждого можно купить?

– Ее, во всяком случае, не купишь. Она мне нравится. – Голос Софии. Ей ответил брат:

– Она нравится всем нам. Вопрос только в том, как нам от нее избавиться.

После этого на протяжении нескольких минут снизу доносился только неясный шепот. Наконец Изабелль провозгласила:

– Я думаю, это неподходящее занятие для женщины.

Скрип стула по полу, шарканье ног. Корделия, спохватившись, опрометью бросилась назад в ванную и закрутила кран. Ей вспомнились самодовольные наставления Берни в ответ на ее вопрос, надо ли им браться за дело о разводе: «В нашем деле, партнер, нельзя остаться джентльменом». Она выглянула в полуоткрытую дверь. Хьюго и Изабелль готовились уходить. Дождавшись, пока захлопнулась дверь и утих шум отъезжающего автомобиля, она направилась вниз. София и Дейви разбирали большую сумку с провизией. София сказала с улыбкой:

– У Изабелль сегодня гости. Ее дом недалеко отсюда, на Пантон-стрит. Там, видимо, будет Эдвард Хорсфолл, наставник Марка по колледжу, и мы решили, вам полезно поговорить с ним о Марке. Начало в восемь часов, но вы можете зайти за нами сюда. Пока же мы идем на пикник: проведем часа полтора на реке. Если хотите, отправляйтесь с нами. Это самый приятный способ осмотреть Кембридж.

Впоследствии Корделия вспоминала пикник на реке как череду отрывочных, но удивительно ярких картинок – мгновений, когда все, что человек видит и чувствует, сливается воедино, время притормаживает бег и залитая солнцем картина навечно отпечатывается в

памяти: солнечные зайчики на реке и на завитках волос у Дейви на груди и на руках; его сильные плечи, усеянные веснушками, как яичная скорлупа; София подняла руку смахнуть пот со лба, на секунду отвлекшись от шеста; темно-зеленые водоросли, зацепленные шестом на таинственных глубинах и медленно затягиваемые под плоское дно лодки; разноцветный селезень, переворачивающийся белым хвостом вверх и исчезающий под водой. Проплывая под мостом Силвер-стрит, они поприветствовали знакомого Софии пловца, который приплюснутым носом и прилипшими к щекам черными прямыми волосами напоминал выдру. Он вцепился в края лодки и разинул рот, чтобы проглотить предложенные протестующей Софией кусочки сэндвича. Вода под мостом кипела, и многочисленные лодки с шумом сталкивались бортами и вращались, увлекаемые потоком. Воздух звенел от радостных голосов, а зеленые берега были усеяны полуголыми телами загорающих, подставивших солнцу лица и животы.

Дейви довел плоскодонку до шлюза, после чего Корделия и София откинулись на подушки на противоположных сторонах суденышка. На таком расстоянии о приватной беседе не приходилось и думать. Корделия догадалась, что именно на это София и рассчитывала. Время от времени она произносила что-то новое для Корделии, будто стараясь подчеркнуть, что делает это только ради ее просвещения:

– Вот это здание, напоминающее свадебный торт, – Джонс-колледж. Сейчас мы проплываем под мостом Клэр, одним из красивейших. Его построил в 1639 году Томас Грумблад. Кажется, ему заплатили за проект три шиллинга. Вам, конечно, знаком этот вид, но отсюда прекрасно виден Куинз-колледж.

Корделию пронзил страх, когда она подумала: а что, если перебить этот бессвязный туристический лепет безжалостным вопросом: «Вы и ваш брат убили вашего любовника?»

Здесь, в лодке, мягко качающейся на волнах залитой солнцем реки, задавать такой вопрос – полнейший абсурд. Она уже готовилась признать себя побежденной, все подозрения превратить в жалкий хлам, оставшийся от навязчивого стремления очутиться в центре драмы, потрясшей благородное общество, и окупить понесенные сэром Рональдом расходы. Она верила в то, что Марк Келлендер стал жертвой убийцы, ибо хотела в это верить. Она отождествляла себя с ним, его одиночеством, его стремлением к независимости, отчужденностью от отца, неприятным детством. Что опаснее всего, она уже воображала себя мстительницей за его смерть. Когда сразу за отелем «Гарден-Хаус» Софи взялась за шест, а Дейви, балансируя на покачивающейся плоскодонке, добрался до Корделии и примостился рядышком, она уже знала, что не посмеет произнести имя Марка. Повинуясь ленивому любопытству, она всего лишь спросила:

– Сэр Рональд Келлендер – хороший ученый?

Дейви потянулся за коротеньким веслом и рассеянно опустил его в мерцающую воду.

– Он занимается вполне respectable наукой, как сказали бы мои дорогие коллеги. Даже более чем respectable. В настоящее время его лаборатория разрабатывает способы применения биологических методов обнаружения загрязнения в морях и устьях рек. Это сопряжено с рутинным наблюдением за животными и растениями, которые могут играть роль индикаторов. Кроме того, в прошлом году они выполнили полезную предварительную работу по разложению пластмасс. Сам Р. К. не очень-то генерирует идеи, но от человека, которому перевалило за пятьдесят, уже не стоит ожидать научных озарений. Однако он непревзойденный мастер по части обнаружения талантов и отлично знает, как руководить коллективом, в котором царит атмосфера братской взаимности. Мне она не по нраву. Даже статьи они подписывают «Исследовательская лаборатория Келлендера», а не своими именами. Мне это не подходит. Если я публикуюсь, то делаю это исключительно для увековечивания имени Дейвида Форбса Стивенса, а также во славу Софии. Тиллинги обожают успех.

– Поэтому вы и не приняли предложение остаться работать у него?

– Поэтому и по многим другим причинам. Он слишком щедро платит и слишком много требует. Я не люблю, когда меня покупают на корню и решительно возражаю против ежевечер-

него облачения в смокинг, которое скорее подходит обезьяне из зоосада. Я молекулярный биолог. Мне ни к чему чаша Грааля. Мать с отцом воспитали из меня методиста, и я не вижу причин, чтобы отказываться от отличной религии, служившей мне на протяжении двенадцати лет, во имя великих научных принципов Рональда Келлендера. Я не доверяю священнодействующим ученым. Меня так и подмывает разузнать, не преклоняют ли обитатели Гарфорд-Хауса трижды на дню колена, молясь на Кавендишскую лабораторию.

– А как насчет Ланна? Какое место занимает он?

– Еще одна загадка! Рональд Келлендер нашел его в детском доме, когда тому было пятнадцать лет – не спрашивайте меня, как это ему удалось, – и выучил на лабораторного ассистента. Лучшей кандидатуры ему не найти! Нет такого инструмента, которого не освоил бы Крис Ланн. Пару приспособлений он придумал сам, и Келлендер запатентовал их. Если кто-то и необходим этой лаборатории как воздух, так это Ланн. Рональд Келлендер печется о нем гораздо больше, чем о собственном сыне. Ланн же, как вы можете догадываться, взирает на Р. К. как на самого Господа всемогущего, что по душе обоим. Теперь жестокость, находившая прежде выход в уличных потасовках и приставании к старым бабушкам, эффективнейшим образом обращена на пользу науке. Надо отдать должное Келлендеру: он знает, как подбирать себе рабов.

– А мисс Лиминг тоже рабыня?

– Вот насчет Элизы Лиминг я не знаю, что и подумать. Она у него за менеджера и, подобно Ланну, наверное, совершенно необходима ему. С Ланном у нее как будто отношения, замешанные на любви и ненависти одновременно, а может быть, и на одной ненависти. Я не слишком силен в психологических нюансах.

– Но как же сэру Рональду удастся все это оплачивать?

– Вот, что называется, вопрос на тысячу долларов. Ходят слухи, будто деньги остались от жены и они с Элизабет Лиминг с умом распорядились ими. А что им еще оставалось? Кроме того, он зарабатывает кое-что по контрактам. Но все равно у него дорогое хобби. При мне так ходили разговоры о заинтересованности в их делах «Уолвингтон траст». Если из этого получится что-нибудь солидное – а, насколько я понимаю, такие магнаты считают ниже своего достоинства заниматься мелочами, – то Рональд Келлендер сможет вздохнуть свободно. Смерть Марка, наверное, оказалась для него ударом. Через четыре года Марку причиталось неплохое состояние, и он говорил Софии, будто собирается отдать большую его часть своему папаше.

– С какой стати?

– Бог его знает. Ему, наверное, казалось совестно распорядиться деньгами иначе. Во всяком случае, он полагал, что Софии следует об этом знать.

Почему совестно? Не потому ли, что он недостаточно любил своего отца? Или не разделял его энтузиазма? Или не смог быть тем сыном, на которого тот рассчитывал? А кому же достанется состояние Марка теперь? Сквозь одолевающий сон она решила ознакомиться с завещанием его деда. Однако для этого придется возвращаться в Лондон. Стоит ли?

Она подставила лицо солнцу и опустила в воду руку. Брызги от шеста заставили ее открыть глаза. Плоскодонка проплывала у самого берега, под свисающими над водой ветвями. Мимо скользнула огромная ветка, держащаяся на кусочке коры, как повешенный – на веревке, медленно поворачивающаяся, будто провожая их мертвыми глазами. В ушах Корделии зазвучал голос Дейви – должно быть, он говорил уже давно. Странно, что она не могла вспомнить его слов...

– ... для того, чтобы покончить с собой, причины не нужны; они нужны для того, чтобы этого не сделать. Это самоубийство, Корделия. Я бы на вашем месте удовлетворился этим.

Корделия решила, что ненадолго впала в забытие, так как он явно отвечал на ее вопрос, вот только она не помнила, как задала его. Только теперь к его голосу добавились другие, более

громкие и настойчивые. Голос сэра Рональда Келлендера: «Мой сын мертв. Мой сын. Если тут есть моя вина, я хочу это знать. Если виноват кто-то другой, я хочу знать и об этом». Голос сержанта Маскелла: «Как бы вы воспользовались этим, чтобы повеситься, мисс Грей?» Мягкий ремешок, извивающийся, как живой, между ее пальцами...

Корделия резко выпрямилась, обхватив руками колени. От ее порывистого движения плоскодонка резко качнулась, и Софии пришлось ухватиться за ветку над головой, чтобы не очутиться за бортом. Ее смуглое точеное лицо, на которое падали тени листвы, оказалось на недостижимой высоте. Их глаза встретились. В это мгновение Корделия с готовностью бы отказалась от расследования. Ее подкупили прелестью этого дня, солнечным светом, праздностью, обещанием приязни, даже дружбы, с условием забыть, что привело ее сюда. Эта мысль заставила ее ужаснуться. Дейви говорил, будто сэр Рональд – мастер подбирать нужных людей. Что ж, он выбрал ее, но это ее первое дело, и никто и ничто не сможет помешать ей с достоинством решить загадку. Она сказала вежливо:

– Очень мило с вашей стороны пригласить меня с собой, но не хотелось бы опоздать на вечер. Мне обязательно надо побеседовать с наставником Марка, кроме того, там могут оказаться другие люди, способные что-то вспомнить. Не пора ли возвращаться?

София посмотрела на Дейви. Тот чуть заметно пожал плечами. Не говоря ни слова, София сильно оттолкнулась шестом от берега. Плоскодонка стала медленно разворачиваться.

* * *

Вечеринка у Изабелль была назначена на восемь вечера, но София, Дейви и Корделия прибыли только в девять. Дом находился всего в пяти минутах хода от Норвич-стрит, поэтому они пришли пешком; Корделия так и не узнала точного адреса. Ей понравился дом, но она осталась в недоумении, как отец Изабелль отважился платить за такие хоромы. В глубине улицы скрывалась просторная белая двухэтажная вилла с резными окнами, прикрытыми зелеными ставнями, с высоким цоколем и широкой лестницей, поднимающейся к главной двери. Столь же помпезная лестница сбегала от двери гостиной в сад.

В гостиной уже толпился народ. Глядя на гостей, Корделия поздравила себя с покупкой сарафана. Большинство присутствующих приделось к этому случаю, что было далеко не каждому к лицу. Главной целью была оригинальность: каждый предпочитал обратить на себя внимание, пусть даже смешанное с изумлением, лишь бы не теряться в толпе.

В элегантной, но скудно обставленной гостиной ощущалась женская рука Изабелль – небрежная, непрактичная, не терпящая авторитетов. Корделия заподозрила, что владельцам виллы вряд ли принадлежала замысловатая хрустальная люстра, тяжело свисающая с потолка, или многочисленные шелковые подушечки, придававшие помещению нарочитую пышность, присущую разве будуару куртизанки. Картины тоже определенно развесила Изабелль. Домовладелец, сдающий внаем свое сокровище, никогда не оставит на стенах столь ценные произведения живописи. Одно из них, висевшее над камином, изображало девушку со щенком. Корделия не могла оторвать от него глаз. Ну конечно, она не ошиблась: кто еще мог написать такое голубое платье, такие щеки, такие пухлые руки, кожу, одновременно впитывающую и излучающую свет, такую чудесную, такую осязаемую плоть! Она невольно вскрикнула, заставив обернуться стоявших неподалеку гостей:

– Да это Ренуар!

Оказавшийся рядом Хьюго улыбнулся и взял ее за локоть.

– Да, но чему вы так удивлены, Корделия? Всего-навсего небольшой Ренуар. Изабелль попросила у отца картину, чтобы украсить ею гостиную. Разве стал бы он предлагать ей Хейвейна или дешевую репродукцию тоскливого кресла кисти Ван Гога?

– А разве Изабелль смогла бы обнаружить разницу?

– О да. Изабелль чувствует дорогой предмет, стоит ей его увидеть.

Корделия так и не поняла, к кому относятся горечь и презрение, прозвучавшие в его ответе, – к Изабелль или к себе самому. Они отыскивали Изабелль глазами и дружно улынулись ей. Хьюго шагнул к ней как сомнамбула и взял за руку. Корделия не сводила с них глаз. Прическа Изабелль представляла собой пирамиду завитков, заставлявшую вспомнить древнегреческих красавиц. На ней было доходящее до лодыжек платье из кремового шелка с глубоким квадратным декольте и коротенькими складчатыми рукавами. Это платье, сшитое портным по последней моде, казалось совершенно неуместным, по мнению Корделии, на непринужденной вечеринке. Зато по сравнению с ним наряды всех остальных дам выглядели неуклюжими импровизациями, а сарафан Корделии, выбранный именно за скромность расцветки, смотрелся на его фоне просто аляповатым лоскутом.

Корделия собиралась улучшить момент и поговорить с Изабелль наедине, но понимала, что осуществить это нелегко. Хьюго не отходил от нее ни на шаг, маневрируя с ней в толпе, по-хозяйски обвив рукой ее талию. При этом он успевал осушать одну рюмку за другой, следя за тем, чтобы не оставалась пустой и рюмка Изабелль. Может быть, настанет минута, когда они полностью утратят бдительность, и тогда их можно будет разлучить? Пока же Корделия решила обследовать дом, чтобы знать, где находится туалет, к тому моменту, когда на поиски уже не останется времени. На вечеринках такого рода гостям предоставляется возможность решать подобные проблемы самостоятельно.

Она поднялась на второй этаж и, идя по коридору, толкнула дверь одной из комнат. Ей в ноздри ударил резкий запах виски, и она инстинктивно шмыгнула в комнату и тут же затворила за собой дверь, словно боясь, что запах пропитает весь дом. В комнате, где царил неописуемый беспорядок, кто-то был: на кровати, натянув на себя покрывало, лежала женщина с огненно-рыжими волосами в алом шелковом халате. Корделия подошла ближе и вгляделась в ее лицо. Женщина была пьяна до бесчувствия. Из ее полуоткрытого рта, подобно клубам дыма, поднимались одуряющие пары виски. Ее оттопыренная нижняя губа и сморщенный подбородок придавали всему лицу брезгливое выражение, будто она резко осуждала собственное состояние. Тонкие губы были густо вымазаны яркой помадой, перепачкавшей морщины вокруг рта, так что тело казалось поленом, тлеющим с одного конца. Бурые от никотина скрюченные пальцы, унизанные кольцами, вцепились в покрывало. Два ногтя были сломаны, остальные покрывал когда-то ярчайший, но теперь облупившийся лак.

Окно загораживал массивный туалетный столик. Стараясь не смотреть на скомканное тряпье, открытые склянки с кремами, просыпанную пудру и грязные чашки с остатками кофе, Корделия протиснулась к окну и распахнула его. В комнату ворвался свежий, прохладный воздух. Среди деревьев бесшумно перемещались неясные тени, напоминающие призраки давно сгинувших кутил. Оставив окно открытым, она вернулась к кровати. Она ничем не могла помочь женщине, разве спрятать ее холодные руки под покрывало и укрыть ее еще одним, более теплым халатом, висевшим в гардеробе, что она и сделала. Так по крайней мере женщине не повредит сквозняк.

Снова очутившись в коридоре, она чуть не столкнулась с Изабелль, выходящей из соседней комнаты. Схватив ее за руку, она втащила ее назад в спальню. Изабелль тихонько вскрикнула, но Корделия плотно прижала ее спиной к двери и угрожающе прошептала:

– Расскажите мне, что вы знаете о Марке Келлендере!

Фиалковые глаза заматались по комнате, словно ища путь для бегства.

– Меня не было там, когда он это сделал.

– Когда кто сделал что?

Изабелль отступила к кровати, как будто неподвижная фигура, издающая теперь сдавленный хрип, могла прийти ей на помощь. Внезапно женщина перевернулась на бок и громко

всхрипнула, как животное, которому причинили боль. Обе девушки уставились на нее, боясь быть замеченными.

– Когда кто сделал что? – повторила Корделия.

– Когда Марк покончил с собой, меня там не было.

Женщина на кровати тихо застонала. Корделия понизила голос:

– Но ведь вы побывали там за несколько дней до этого? Вы зашли в дом и спросили, как его найти. Вас видела мисс Маркленд. Потом вы сидели в саду и ждали, пока он закончит работать.

Девушка почувствовала облегчение, словно вопрос оказался неожиданно безобидным, – или Корделии это только почудилось?

– Я просто захотела повидаться с Марком. В колледже мне дали его адрес. Я поехала его навестить.

– Зачем?

Резкость вопроса озадачила ее, но ответ прозвучал просто:

– Мне хотелось побыть с ним. Он был моим другом.

– И любовником? – Такая обезоруживающая прямота быстрее вела к цели, чем вопрос, спали ли они вместе и тому подобные глупые эвфемизмы, которые могли оказаться непонятными для Изабелль, – в ее прекрасных глазах читался испуг, но в них нельзя было прочесть, насколько верно она понимает свою собеседницу.

– Нет, Марк никогда не был моим любовником. Он работал в саду, и мне пришлось его ждать. Он поставил для меня стул на солнце и дал книгу, чтобы я потерпела, пока он освободится.

– Что за книгу?

– Не помню. Что-то очень скучное. Мне было очень скучно, пока Марк не освободился. Потом мы попили чаю из смешных чашек с синей полоской, погуляли и сели ужинать. Марк приготовил салат.

– Что было потом?

– Я уехала домой.

Она обрела спокойствие. Корделия заторопилась, услышав шаги и голоса на лестнице.

– А до того? Когда вы с ним виделись до этого чаепития?

– За несколько дней до того, как Марк ушел из колледжа. Мы поехали на моей машине на пикник к морю. Но сначала остановились в городке – кажется, он назывался Сент-Эдмундс, и Марк зашел к доктору.

– Зачем? Он был болен?

– О нет, какая болезнь! Он оставался там слишком недолго, чтобы успеть пройти – как вы это называете? – осмотр. Он пробыл в доме всего несколько минут. Это был очень бедный дом. Я ждала его в машине, но, как вы понимаете, не у самого дома.

– Он объяснил, для чего туда заходил?

– Нет, но я не думаю, что он добился, чего хотел. Потом он сидел грустный, но у моря опять повеселел.

Она тоже повеселела и смотрела на Корделию со своей очаровательной, ничего не значащей улыбкой. Ее пугает коттедж, подумала Корделия. Она с готовностью болтает о живом Марке, но мысль о его смерти она не может перенести. И все же это не признак личной скорби. Он был ее другом, он был мил, он нравился ей. Но теперь она прекрасно обходится без него.

В дверь постучали. Корделия посторонилась, и в комнате очутился Хьюго. Увидев Изабелль, он приподнял брови и сказал, не обращая внимания на Корделию:

– Это твои гости, голубушка. Может быть, спустишься к ним?

– Корделия захотела поговорить со мной о Марке.

– Не сомневаюсь. Надеюсь, ты сказала ей, что провела с ним день в поездке к морю и еще один вечер в «Саммертриз», после чего не виделась с ним.

– Сказала, причем практически дословно, – подтвердила Корделия. – Думаю, ее вполне можно отпустить на все четыре стороны.

– Зачем столько сарказма, Корделия? – мирно проговорил он. – Это вам не к лицу. Сарказм идет некоторым женщинам, но не таким красивым, как вы.

Они спускались бок о бок по лестнице навстречу шуму толпящихся гостей. Compliment разозлил Корделию. Она сказала:

– Полагаю, женщина на кровати – это компаньонка Изабель? Она часто бывает пьяной?

– Мадемуазель де Конже? До такой степени – нечасто, но вынужден признать, что совершенно трезвой ее редко удастся видеть.

– Так не надо ли что-нибудь предпринять?

– Что же я могу предпринять? Передать ее в лапы инквизиции XX века – психиатру, подобному моему родителю? Разве она это заслужила? Кроме того, в те редкие моменты, когда она бывает трезвой, она слишком строга. Ее пристрастия и мои интересы совпадают.

– Возможно, с точки зрения целесообразности ваше поведение безупречно, – сурово сказала Корделия, – но я нахожу его безответственным и бездушным.

Он остановился на ступеньке и повернулся к ней с обезоруживающей улыбкой.

– О, Корделия, вы говорите, как ребенок прогрессивных родителей, отданный на воспитание старомодной няне и прошедший через монастырскую школу. Вы мне нравитесь!

Он продолжал улыбаться, глядя, как она, ускользнув от него, смешалась с толпой. Его диагноз правильный, подумала она, теряя Хьюго из виду.

Налив себе бокал вина, она медленно двинулась по комнате, нахально прислушиваясь к разговорам в надежде, что кто-нибудь упомянет Марка. Ей повезло всего один раз. Позади нее оказались две девушки и пресный молодой блондин. Одна из девушек сказала:

– София Тиллинг удивительно быстро пришла в себя после самоубийства Марка Келлендера. Она и Дейви приходили на кремацию, вы слышали? Совершенно в духе Софии: захватить своего нового любовника на процедуру испепеления прежнего. Наверное, это доставило ей удовольствие.

Ее собеседница прыснула.

– А братец подхватил девушку Марка. Если вам не светит красота, деньги и ум одновременно, довольствуйтесь первым и вторым. Бедный Хьюго! Он страдает от комплекса неполноценности. Недостаточно красив, недостаточно умен – то ли дело теперешний бакалавр Софии! И недостаточно богат. Неудивительно, чтобы обрести уверенность в себе, ему приходится полагаться только на секс!

– Да и тут без особого успеха...

– Тебе виднее, милочка.

Они засмеялись и отошли. Корделия почувствовала, как горят ее щеки. Ее рука так задрожала, что едва удержала стакан. Она с удивлением обнаружила, что все это не оставило ее равнодушной – ей слишком нравилась София. Но это, конечно, было частью плана, в этом заключалась стратегия Тиллингов: если ее нельзя было, пристыдив, заставить бросить расследование, оставалось действовать лаской: взять ее с собой на реку, переманить на свою сторону. И они добились своего: она была на их стороне, во всяком случае, коварная клевета вызвала у нее отвращение. Она успокоилась на мысли, что эта троица вела себя именно так, как подбавляет на пригородном коктейль-рауте. Она никогда прежде не посещала этих бессмысленных и скучных сборищ, где жуют сплетни и бутерброды, запивая джином, но, как и ее отец, также не имевший опыта в подобных делах, была готова видеть в них один снобизм, злобу и нечистоплотные инсинуации.

Она почувствовала тепло чьего-то тела. Обернувшись, она увидела Дейви. Он нес три бутылки вина. Очевидно, он услышал обрывок разговора, на что девицы, как видно, и рассчитывали, но его ухмылка была вполне благодушной.

– Забавно, что женщины, отправленные Хьюго в отставку, всегда питают к нему ненависть. Другое дело – София. На Норвич-стрит нет прохода от ржавых велосипедов и поломанных машин ее бывших любовников. Вечно я застаю их в гостиной, где они пьют мое пиво и доверительно выкладывают ей, как мучаются со своими новыми возлюбленными.

– Вам это не по душе?

– Почему, пускай, только чтобы не заходили дальше гостиной. Вам весело?

– Не очень.

– Тогда я познакомлю вас со своим другом. Он спрашивал, кто вы такая.

– Нет, спасибо, Дейви. Я должна оставаться свободной, чтобы не упустить мистера Хорсфолла.

Он улыбнулся ей снисходительной улыбкой и раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и отчалил, прижимая к груди бутылки и призывая стоящих на его пути расступиться.

Корделия возобновила перемещение по комнате, прислушиваясь и приглядываясь. Ее поразила неприкрытая сексуальность атмосферы; она-то думала, что интеллектуалы дышат слишком разреженным воздухом, чтобы проявлять усиленный интерес к плотским удовольствиям. Теперь она видела, до чего заблуждалась. Это же надо, «товарищи», от которых скорее ожидаешь беспорядочных связей, по сравнению с этой публикой представляли образцами чинности! Ей иногда казалось, что их сексуальная активность была скорее исполнением долга, чем следованием инстинктам, скорее орудием революции и плевром в сторону ненавистных буржуазных нравов, чем отправлением человеческой потребности. Вся их энергия уходила на политику. На что тратилась энергия присутствующих, было видно невооруженным взглядом.

Ей не следовало беспокоиться, станет ли пользоваться успехом ее сарафан. Многие мужчины проявляли намерение прервать начатый разговор и составить ей компанию. Один из них, примечательный своей бесконечной ироничностью молодой историк, вполне бы мог занять ее на весь вечер. Вызвать интерес у одного приятного мужчины и проигнорировать всех остальных – на что большее можно надеяться на такой вечеринке? Ей вовсе не была присуща общительность, и, прожив последние шесть лет в отрыве от своего поколения, она робела сейчас в этом шуме, чувствуя, что ей неведомы безжалостные законы, по которым строится жизнь этого племени. Кроме того, она крепко-накрепко наказала себе, что не станет развлекаться за счет сэра Рональда. Никто из тех, в чьем обществе она могла провести этот вечер, не знал Марка Келлендера и не проявлял к нему, живому или мертвому, ни малейшего интереса. Чего ради проводить вечер с людьми, у которых нельзя разжиться информацией? Как только возникала опасность, что болтовня грозит перерасти в знакомство, она шептала слова извинения и отлучалась в ванную или в тень сада, где на траве сидели стайки гостей, передающие по цепочке сигаретки с марихуаной – Корделии был знаком этот ни с чем не сравнимый запах. Здесь никто не порывался вступить с ней в разговор, и она могла прогуливаться в одиночестве, набираясь храбрости для очередного набега, очередных нарочито беспечных вопросов и заранее известных ответов.

– Марк Келлендер? Сожалею – мы никогда не встречались. Это не он решил отведать простой жизни, а кончил тем, что повесился?

Один раз убежищем ей послужила комната мадемуазель де Конже, но ненадолго – она обнаружила, что неподвижная фигура бесцеремонно перемещена на груды подушек на ковре, а кровать используется совсем в иных целях.

Ей не терпелось увидеть Эдварда Хорсфолла, и она беспокоилась, появится ли он вообще. А если и появится, то вспомнит ли Хьюго, что обещал познакомить их? В жестикулирующей толпе, которая уже не умещалась в гостиной и выползла на лестницу и в холл, она теперь

не видела ни одного из Тиллингов. Когда у нее появилось опасение, что вечер может пройти напрасно, она почувствовала прикосновение Хьюго.

– Познакомьтесь с Эдвардом Хорсфоллом. Эдвард, это Корделия Грей; она хотела побеседовать о Марке Келлендере.

Эдвард Хорсфолл удивил ее. Она ожидала увидеть престарелого университетского мэтра, немного рассеянного от груза знаний, доброжелательного и непредубежденного наставника. Хорсфоллу же вряд ли было больше тридцати пяти лет. Высокий, худощавый, с длинными, падающими на одну сторону волосами, он напоминал корку от дыни. Сходство усиливала желтая рубашка.

Если Корделия и питала втайне стыдливую надежду, что он немедленно проникнется к ней интересом и посвятит ей все свое время, то таковая моментально рассеялась. Его глаза беспокойно метались по комнате, то и дело возвращаясь к двери. Она заподозрила, что он преднамеренно держится особняком, чтобы оказаться свободным в тот момент, когда появится некто, кого он с таким нетерпением поджидает. Его суетливость сразу бросалась в глаза.

– Вы вовсе не должны оставаться возле меня весь вечер, мне просто хотелось кое-что узнать.

Голос напомнил ему о присутствии Корделии, и он сделал попытку сохранить любезность:

– Мне вряд ли пришлось бы раскаиваться, если бы я избрал вас. Простите меня. Что же вам хотелось узнать?

– Все, что вы можете рассказать о Марке. Вы преподавали ему историю, не так ли? Он был хорошим учеником?

Это не самый важный для нее вопрос, однако, наверное, любой преподаватель с радостью начнет именно с него, решила она.

– Учить его было более благодарным делом, чем некоторых других студентов, с которыми мне приходится сталкиваться. Не знаю, почему он избрал историю. Он вполне преуспел бы в какой-нибудь из естественных наук. Его очень занимали физические явления. Но он занялся историей.

– Вы не считаете, что он поступил так, решив досадить отцу?

– Сэру Рональду? – Он потянулся к бутылке. – Вам что-нибудь налить? Что хорошо на вечерах у Изабелль де Ластери, так это выпивка – потому, наверное, что ее заказывает Хьюго. И здесь, к счастью, отсутствует пиво.

– Так, значит, сам Хьюго не пьет пива?

– Утверждает, что нет. О чем мы говорили? Ах да, досадить сэру Рональду! Марк сказал, будто выбрал историю потому, что понять настоящее невозможно, не поняв прошлое. Надоевшее клише, которое вечно повторяют на собеседованиях, но он вполне мог говорить искренне. На самом деле, конечно, все обстоит наоборот: мы интерпретируем прошлое, основываясь на знании настоящего.

– И каковы были его успехи? Получил бы он степень бакалавра с отличием первого класса? – Она пребывала в наивной уверенности, что эта степень есть высшее академическое достижение, удостоверение интеллектуала, которым его обладатель может пользоваться всю дальнейшую жизнь. Ей хотелось услышать, что Марк претендовал именно на нее.

– Это совершенно разные вещи. Вы, кажется, смешиваете достоинства и достижения. Степень его отличия невозможно предсказать – вряд ли это был бы первый класс. Марк мог прекрасно, оригинально работать, но его материал ограничивался его оригинальными идеями. В итоге получалось что-то неполное. Экзаменаторы любят оригинальность, но сначала на них надо извергнуть признанные факты и устоявшиеся воззрения, чтобы продемонстрировать знание материала. Отличная память и быстрый, легко читаемый почерк – вот залог степени бака-

лавра с отличием первого класса. А где вы, кстати? – Он заметил, что Корделия не поняла его. – В каком колледже?

– Ни в каком. Я работаю. Я частный детектив.

Он принял эту информацию к сведению совершенно невозмутимо.

– Мой дядя как-то воспользовался услугами вашего собрата, чтобы выяснить, не изменяет ли ему тетя – с дантистом. Оказалось, что так оно и есть, только он мог бы пойти более простым путем – просто спросить их. Он же лишился и жены, и дантиста, да еще оплатил звонкой монетой информацию, которую мог бы раздобыть за просто так. В свое время в нашей семье только об этом и говорили. Мне кажется, это немного...

– ...неподходящее занятие для женщины? – закончила Корделия за него.

– Вовсе нет. Как раз вполне подходящее, ибо для него требуются бесконечное любопытство, титанические усилия и склонность вмешиваться в чужие дела.

Он снова отвлекся. У их соседей завязался оживленный разговор, и до них долетели его обрывки:

– ...типичный худший вариант студенческой работы: неуважение к логике, сплошные модные фамилии, фальшивая глубина и жуткая грамматика...

Хорсфолл потерял интерес к разговору соседей, сочтя его недостойным своего внимания, и вспомнил про Корделию, хотя его взгляд все еще блуждал по комнате.

– Почему вас так интересует Марк Келлендер?

– Его отец поручил мне выяснить причину его смерти. Я надеялась, вы сможете мне помочь. Создалось ли у вас хоть раз впечатление, что он несчастлив, до того несчастлив, чтобы наложить на себя руки? Он объяснил, почему бросает колледж?

– Мне – нет. Я никогда не был с ним близок. Он вежливо попрощался, поблагодарив меня, как он сказал, за помощь, и ушел. Я сказал приличествующие случаю слова сожаления. Мы пожали друг другу руку. Я был в замешательстве в отличие от Марка. Он же не из тех молодых людей, которые способны испытывать замешательство.

В дверях возник водоворот, и в толпу с шумом влилась порция вновь прибывших. Среди них выделялась высокая темноволосая девушка в огненно-красном платье с огромным, до пояса, вырезом. Собеседник Корделии напрягся, впившись в новую гостью наполовину жадным, наполовину умоляющим взглядом, который Корделия видела и раньше. У нее похолодело внутри. Теперь она вряд ли вытянет из него что-нибудь еще. Отчаянно пытаясь вновь завладеть его вниманием, она сказала:

– Я не уверена, что Марк покончил с собой. Думаю, его могли убить.

Он нехотя ответил, не теряя из виду пополнение:

– Вряд ли. Кто? Из-за чего? Это была малозначительная личность. Он не вызывал ни у кого ничего, даже отдаленно похожего на неприязнь, – разве у собственного отца. Но Рональд Келлендер не смог бы этого сделать, и не надейтесь. В ту ночь, когда Марк погиб, он ужинал в Нью-Холле, в профессорском зале. В колледже как раз был праздник. Я сидел рядом с ним. Сын звонил ему.

– В котором часу? – выпалила Корделия, почти ухватив его за рукав.

– Вскоре после начала ужина, кажется. Бенскин, один из служителей, вошел и передал ему записку. Примерно между восемью и восемью тридцатью. Келлендер отлучился минут на десять, а потом вернулся и принялся за суп. Никто еще не приступал ко второму блюду.

– Он не сказал, чего хотел Марк? Он был взволнован?

– Ни то ни другое. Мы почти не говорили. Сэр Рональд не устаивает беседой гуманистов. Просту меня извинить.

Он удалился, стремясь настичь свою жертву. Корделия поставила рюмку и отправилась на поиски Хьюго.

– Слушайте, – сказала она, – я хочу поговорить с Бенскином, служителем в вашем колледже. Он сегодня на месте?

Хьюго поставил бутылку на столик.

– Может, и на месте. Он один из немногих, кто прямо там и живет. Правда, вряд ли вам удастся выманить его из берлоги. Если это так срочно, мне лучше пойти с вами.

Привратник без малейшего любопытства подтвердил, что Бенскин в колледже, и вызвал его. Бенскин появился спустя пять минут, которые Хьюго использовал для болтовни со сторожем, а Корделия – для прогулки вокруг директорского дома и ознакомления с развешанными на стенах объявлениями. Бенскин был нетороплив и невозмутим – седовласый, аккуратно одетый, с усеянным складками лицом, напоминающим добротный толстокожий апельсин. Корделия решила, что именно так должен выглядеть, к примеру, идеальный дворецкий, хотя впечатление портило выражение мрачноватого и одновременно лукавого пренебрежения.

Продемонстрировав письмо сэра Рональда, Корделия тут же приступила к вопросам. Изворотливость здесь ни к чему бы не привела; кроме того, попросив Хьюго о помощи, она не могла теперь отвязаться от него.

– Сэр Рональд просил меня выяснить обстоятельства смерти его сына.

– Понятно, мисс.

– Мне стало известно, что Марк Келлендер звонил отцу, когда тот ужинал в профессорском зале. В тот же вечер Марк погиб. Вы передали сэру Рональду записку вскоре после начала ужина, не так ли?

– В тот момент у меня сложилось впечатление, что это мистер Келлендер. Но я ошибся.

– Откуда такая уверенность, мистер Бенскин?

– Сэр Рональд сам сделал уточнение, когда я повстречался с ним в колледже спустя несколько дней после смерти его сына. Я знаю сэра Рональда еще с той поры, когда он сам был студентом, и осмелился выразить ему свои соболезнования. В ходе этого недолгого разговора я упомянул телефонный звонок, имевший место двадцать шестого мая, и сэр Рональд сказал, что я ошибся, – тогда звонил не мистер Келлендер.

– Он не сказал, кто же звонил на самом деле?

– Сэр Рональд уведомил меня, что это был его ассистент по лаборатории, мистер Крис Ланн.

– Вы удивились тому, что ошиблись?

– Должен сознаться, что некоторое удивление присутствовало, мисс, однако ошибка не вызвала огорчения. Последующие упоминания печального события были бы излишними.

– Но вы действительно сочли, что ослышались?

Упрямая физиономия старика осталась невозмутимой.

– Сэр Рональд не мог перепутать, кто ему звонит.

– Мистер Келлендер часто звонил отцу, когда тот ужинал в колледже?

– Раньше мне ни разу не приходилось отвечать на его звонки, однако снимать трубку – не моя обязанность. Вполне возможно, что его звонки принимали другие работники колледжа, однако я сомневаюсь, чтобы дальнейшие расспросы могли принести результат, а беседы со служащими колледжа придутся по душе сэру Рональду.

– Любые действия, способные открыть истину, придутся сэру Рональду по душе, – сказала Корделия. Манера речи Бенскина оказалась заразной, подметила она про себя и добавила более естественным тоном: – Сэр Рональд стремится узнать все возможное о смерти сына. Не можете ли вы что-нибудь мне рассказать и чем-то помочь, мистер Бенскин?

Ее тон был близок к мольбе, однако и это оказалось бесполезным.

– Ничем, мисс. Мистер Келлендер был спокойным, любезным молодым джентльменом, отличался, насколько я мог судить, хорошим здоровьем и отличным настроением до тех самых пор, пока не покинул нас. Его смерть весьма опечалила весь колледж. Что-нибудь еще, мисс?

Он спокойно дожидался, пока его отпустят восвояси. Корделия уступила его желанию. Покинув в сопровождении Хьюго колледж и выйдя на Трампингтон-стрит, она с горечью произнесла:

– Ему нет до этого никакого дела, правда?

– А с какой стати? Бенскин – старый обманщик, но он прослужил в колледже семьдесят лет и видел все это много раз. Вечность для него – как одно мгновение. Я всего раз видел Бенскина опечаленным по случаю самоубийства студента, но тот был все-таки графским сыном. Бенскин считает, что колледжу не подобает допускать таких вещей.

– Но он не ошибся, что звонил именно Марк. Это было видно по его манере – во всяком случае, мне. Он знает, чей голос услышал. Он, конечно, не станет в этом сознаваться, но в глубине души он отлично знает, что не ошибся.

Хьюго беззаботно ответил:

– Старый служащий колледжа, безупречный и исполнительный, – вот вам весь Бенскин. «Теперь молодые джентльмены уже не те, как тогда, когда я стал работать в колледже». Да уж, надеюсь, что не те! В те времена они носили бакенбарды и маскарадные костюмы, чтобы не сливаться с плебсом. Бенскин с радостью вернул бы все это, если бы мог. Он – анахронизм, шествующий по двору рука об руку с величественным прошлым.

– Зато он не глух. Я специально не повышала голос, и он отлично меня слышал. Неужели вы считаете, что он мог ошибиться?

– Chris Lunn, his son⁴ – звучит похоже.

– Но Ланн называет себя не так. Все время, что я пробыла с сэром Рональдом и мисс Лиминг, они звали его просто Ланн.

– Слушайте, Корделия, не станете же вы подозревать, будто сэр Рональд приложил руку к смерти своего сына! Будьте же логичны! Вы согласитесь, я полагаю: рационально мыслящий убийца надеется, что его не выведут на чистую воду. Вы, несомненно, согласитесь и с другим – Рональду Келлендеру, каким бы отвратительным мерзавцем он ни был, нельзя отказать в рационализме. Марк умер, его тело кремировано. Никто, кроме вас, не заговаривал об убийстве. Затем сэр Рональд поручает вам расследование. Стал бы он делать это, если бы у него было что скрывать? Ему даже не приходится отводить подозрения: их как не было, так и нет.

– Разумеется, я не подозреваю его в убийстве родного сына. Он не знает, как умер Марк, и отчаянно хочет знать это. Поэтому он и привлек меня. Я поняла это во время нашей беседы, здесь я ошибиться не могла. Но никак не возьму в толк, зачем ему понадобилось лгать насчет телефонного звонка.

– Даже если он лжет, может набраться с полдюжины вполне невинных причин. Если Марк звонил в колледж, то по какому-то очень срочному делу, о котором его отцу не хотелось бы распространяться, ибо оно является ключом к самоубийству сына.

– Тогда зачем поручать мне выяснять причины самоубийства?

– Верно, мудрая Корделия; попытаюсь сначала. Марк просит его о помощи, возможно, о срочном визите, но папаша отвечает отказом. Можете представить его реакцию: «Но это же смешно, Марк: я ужинаю в профессорском зале с ректором. Не могу же я оставить котлеты и кларет просто потому, что ты закатываешь истерику и требуешь встречи. Возьми себя в руки!» Подобные речи не вызвали бы одобрения в суде; коронеры славятся придирчивостью. – Хьюго заговорил низким голосом, передразнивая судью: – «Не мне напоминать, как бы это ни было горько для сэра Рональда, что он напрасно проигнорировал призыв сына, в котором

⁴ Крис Ланн, его сын (англ.).

определенно звучала мольба о помощи. Оставь он трапезу и поспеши к сыну, блестящий студент мог быть спасен». Кембриджские самоубийцы, как я успел заметить, всегда блестящие студенты; мне не терпится прочесть отчет о дознании, где цитировались бы слова преподавателей, согласно которым студент покончил с собой как раз вовремя, иначе ему было не миновать исключения.

– Но Марк умер между семью и девятью вечера. Этот звонок – алиби для сэра Рональда!

– Он не стал бы рассматривать это под таким углом. Алиби ему ни к чему. Если вы знаете, что ни в чем не виноваты и вас ни в чем не подозревают, то вы не станете думать и об алиби. О нем заботятся только виновные.

– Но откуда Марк знал, где искать отца? Сэр Рональд показал, что не разговаривал с сыном больше трех недель.

– Да, здесь вы правы. Спросите об этом мисс Лиминг. Или лучше Ланна, если звонил именно он. Если вы ищете негодяя, Ланн – самая подходящая кандидатура. Мрачайшая личность.

– Не знала, что вы с ним знакомы.

– О, это известная в Кембридже фигура. Он разъезжает на своем жутком закрытом фургоне с такой яростью, будто развозит непокорных студентов по газовым камерам. Ланна знают все. Он редко улыбается, а если улыбается, то так, будто проклинает себя за улыбку. Я бы сосредоточился на Ланне.

Они зашагали по Траппингтон-стрит, не произнося больше ни слова, наслаждаясь теплом, ночными запахами и журчанием невидимых ручейков. Над дверями колледжей и в домиках привратников мерцали огоньки, сады и вереницы переходящих один в другой внутренних дворики за невысокими оградами казались далекими и нереальными, как во сне. Корделия неожиданно ощутила одиночество и меланхолию. Будь жив Берни, они бы сейчас обсуждали с ним перипетии дела, уютно устроившись в уголке какого-нибудь кембриджского паба, огражденные шумом, дымом и анонимностью от любопытных взглядов соседей, пользуясь одним им понятным языком и не повышая голоса. Они обсуждали бы личность молодого человека, над ложем которого висела такая умная картина, приобретшего вульгарный журналчик с похотливыми картинками. Или это была не его покупка? А если не его, то как она очутилась в саду? Они обсуждали бы отца, сказавшего неправду о последнем телефонном звонке своего сына; заговорщически рассуждали бы о невычищенной лопате, наполовину вскопанной грядке, невымытой кофейной чашке, тщательно перепечатанной цитате из Блейка. Они говорили бы об Изабелль и ее испуге, о Софии и ее честности и о Хьюго, определенно знающем что-то о смерти Марка, очень умном Хьюго, только не таком умном, как ему хотелось бы. Впервые с того момента, как взялась за это дело, Корделия усомнилась в своей способности разобраться в нем в одиночку. Если бы рядом оказался кто-то надежный, кому она могла бы все рассказать и кто укрепил бы ее уверенность в себе! Она снова подумала о Софии; но София – бывшая любовница Марка и сестра Хьюго. В деле замешаны оба. Ей придется разбираться во всем самой; если задуматься, то она всегда была предоставлена самой себе. Как ни странно, эта мысль вернула ей уверенность в своих силах и надежду на успех.

На углу Пантон-стрит они замедлили шаг, и Хьюго сказал:

– Возвращаетесь на вечеринку?

– Нет, благодарю вас, Хьюго. Мне есть чем заняться.

– Вы останетесь в Кембридже?

Корделия не знала, вызван ли вопрос одной вежливостью. Решив соблюсти осторожность, она ответила:

– Разве что на день-другой. Я остановилась в скучной, но дешевой гостинице с завтраком рядом с вокзалом.

Он выслушал ложь без всяких комментариев, и они распрощались. Она вернулась на Норвич-стрит. Автомобиль поджидал ее напротив дома 57, выглядевшего темным и уютным, что подчеркивало ее одиночество; все три окна смотрели на нее, как глаза мертвеца.

К коттеджу она подрулила изрядно уставшей. Оставив машину на опушке рощицы, она взялась за скрипучую калитку. Ночь выдалась темной; она нащупала в сумке фонарик и направила его луч на стену коттеджа и на заднюю дверь. Пользуясь фонарем, она вставила ключ в замок. Едва держась на ногах от усталости, она вошла в гостиную. Повисший на ее запястье фонарик осветил половицы. Затем, повинувшись неосознанному движению ее руки, он послал луч вверх, и ее взгляду предстало нечто висящее посреди комнаты на все том же крюке. Корделия вскрикнула и вцепилась рукой в крышку стола. Это оказался валик с ее кровати, верхняя четверть которого была туго перетянута веревкой, изображая голову, а низ облачен в брюки, принадлежавшие Марку. Пустые штанины, одна короче другой, зловеще висели над полом. Пока она с округлившимися от ужаса глазами и гулко колотящимся сердцем рассматривала композицию, в открытую дверь ворвался ночной ветерок, и валик в брюках стал медленно поворачиваться, словно его качнула чья-то рука.

Видимо, оцепенение, вызванное видом свисающего с крюка кошмара, продолжалось всего несколько секунд, однако ей показалось, что минули долгие минуты, прежде чем она нашла в себе силы забраться на стул и отцепить мерзкое чучело. Но, несмотря на ужас и отвращение, она заставила себя осмотреть узел. Веревка была привязана к крюку самым незамысловатым способом. Это значило, что неизвестный визитер решил не повторяться либо просто не знал особенностей первого узла. Она положила валик на стул и отправилась за пистолетом. Усталость заставила ее забыть о нем, но теперь она жаждала ощутить в ладони надежный холодный металл. Стоя у задней двери, она напрягла слух. Сад внезапно наполнился звуками, загадочными шорохами, шелестом листьев, колеблющихся в прохладном воздухе, словно от чьих-то вздохов, непонятной возней в траве и писком какого-то зверька, не иначе летучей мыши, почти над ухом. Но стоило ей шагнуть в направлении кустарника, ночь словно затаила дыхание. Она замерла, прислушиваясь, как бьется ее сердце, прежде чем набралась сил повернуться и протянуть руку, чтобы завладеть оружием. Пистолет оказался на месте. Она громко вздохнула и немедленно почувствовала себя гораздо спокойнее. Пистолет не был заряжен, но это не имело значения. Она поспешила назад в коттедж, уже не испытывая прежнего страха.

Прошел час, прежде чем она наконец улеглась. Она зажгла лампу и прошла с обыском по всему коттеджу. Затем предметом изучения стало окно. Человек проник в коттедж именно через него. Благодаря отсутствию шпингалета оно открывалось просто от толчка извне. Корделия извлекла из своего набора моток клейкой ленты и, вспомнив наставления Берни, прилепила раму к подоконнику двумя узенькими полосочками. Хотя надежность передних окон вызвала у нее меньше сомнений, она решила не рисковать и залепила их таким же способом. Это не могло послужить препятствием для вторжения, но она по крайней мере будет знать, что кто-то залезал в дом. Наконец, умывшись на кухне, она направилась вверх, в спальню. На двери не оказалось замка, поэтому она оставила ее слегка приоткрытой и водрузила на дверь сковородку. Если кто-нибудь войдет, это не будет для нее сюрпризом. Зарядив пистолет, она положила его на тумбочку, помня, что имеет дело с убийцей. Затем занялась веревкой. Обыкновенная веревка в четыре фута длиной, не новая и истрепанная с одного конца. У нее защемило сердце, когда она поняла, что происхождение веревки определить совершенно невозможно. Однако она снабдила ее ярлычком, как учил Берни, и спрятала экспонат в чемоданчик с инструментами. Точно так же она поступила со скрученным ремешком и отпечатанным на машинке отрывком из Блейка, переместив их со дна своей сумки в полиэтиленовые пакеты. Она была настолько издергана, что даже эти нехитрые действия оказались возможны только благодаря усилию воли. Затем она положила валик на кровать, с трудом преодолев побужде-

ние сбросить его на пол и уснуть так. После этого ничто – ни страх, ни отсутствие комфорта – уже не могло лишить ее сна. Еще несколько минут она прислушивалась к тиканию своих часов, затем усталость сделала свое дело и, не встречая сопротивления, увлекла ее в темный коридор сна.

Глава 4

Рано утром ее разбудили беспорядочное птичье пение и яркий свет нарождающегося дня. Она полежала еще несколько минут в своем спальном мешке, потягиваясь и наслаждаясь ароматами деревенского утра – бодрыми испарениями просыпающейся земли, влажным туманом, поднимающимся от травы, и сильным запахом стойла. Затем, решив во всем следовать примеру Марка, она притащила из сарая корыто, поставила его на кухне и, забравшись в него, облила обнаженное тело ледяной водой, оглашая крохотное помещение восторженным ойканьем. Простая жизнь словно позволяла не особенно церемониться со своей персоной. Корделия подумала, что при любых обстоятельствах вряд ли стала бы обливаться холодной водой в Лондоне и так откровенно наслаждаться запахом, распространяемым керосинкой и шипящим на ней беконом, как и вкусом крепкого утреннего чая.

Коттедж теперь был залит солнечным светом, и из такого святилища она могла бодро шагнуть в новый день, какие бы неожиданности он ей ни готовил. Летнее утро казалось средоточием покоя, и даже в гостиной не хотелось думать о трагической смерти Марка Келлендера. Торчащий из потолка крюк выглядел совершенно невинно, словно никогда не использовался для смертоносных целей. Ужас, овладевший ею в тот момент, когда фонарик выхватил из тьмы зловеще раздувшийся валик, медленно поворачивающийся от дуновения ночного ветерка, теперь казался совершенно нереальным, как будто во сне. Даже меры безопасности, предпринятые ею на сон грядущий, казались под укоряющим солнцем постыдным излишеством. Она чувствовала себя пугливой дурочкой, когда разряжала оружие, прятала патроны среди нижнего белья, а сам пистолет снова укрывала в ветвях кустарника, озираясь из опасения, как бы ее не заметили. Покончив с мытьем посуды и повесив чашку на крючок, она нарвала в дальнем углу сада букетик анютиных глазок, баранчиков и мятлика и поставила его на стол в чашке с водой.

Еще раньше она приняла решение, что первым делом попытается разыскать няню Пилбим. Даже если та не сможет пролить свет на причины его ухода из колледжа и смерти, то по крайней мере расскажет о его детстве и юности; она может лучше, чем кто-нибудь другой, разбираться в его характере. Он определенно не был ей безразличен – ведь она пришла на похороны и заказала дорогой венок. Она навестила его в колледже в день, когда ему исполнился двадцать один год. Возможно, он поддерживал с ней связь, даже доверял ей свои секреты. У него не было матери, и няня Пилбим могла ее в какой-то степени заменить.

По дороге в Кембридж Корделия продумывала тактику действий. Вполне вероятно, что няня Пилбим живет где-то в окрестностях города, а не в нем самом, ибо Хьюго Тиллинг видел ее там лишь однажды. Судя по его немногословному описанию, она была стара и, очевидно, совсем небогата. Следовательно, она не побывала бы на похоронах, если бы для этого пришлось предпринять длительное путешествие. Конечно, она не входила в группу официально скорбящих, то есть оказалась там не по приглашению сэра Рональда. По свидетельству Хьюго, люди на похоронах не разговаривали друг с другом. Из этого вряд ли можно было заключить, что мисс Пилбим была уважаемой хранительницей семейных традиций, почти что членом семьи. То, что сэр Рональд проигнорировал ее по случаю столь печального события, вызывало у Корделии недоумение. Ей никак не удавалось представить себе, какую роль играла мисс Пилбим в этой семье. Если старуха живет недалеко от Кембриджа, она могла заказать венок в какой-нибудь цветочной лавке города. Вряд ли можно было сделать это, не выезжая из деревни. Это был далеко не скромный венок, что свидетельствовало о немалом расходе и о посещении для его приобретения солидного заведения. Скорее всего она заказывала венок лично. Пожилые дамы не доверяют в таких случаях телефону, предпочитая действовать напрямую, ибо подозревают, что только личный контакт и подробное описание особенностей требуемого предмета способны обеспечить желаемый результат. Если мисс Пилбим добиралась из своей деревни

на поезде или на автобусе, то наверняка остановила свой выбор на магазине в центре города. Корделия решила начать поиски, попросив у прохожих порекомендовать ей хороший цветочный магазин.

Она уже знала, что по Кембриджу лучше передвигаться не на автомобиле. Изучив карту из путеводителя, она решила оставить машину на стоянке у парка. Поиски могут занять немало времени, так что лучше положиться на ноги. В противном случае ей угрожали опасность штрафа за парковку в неположенном месте и даже конфискация автомобиля. Она посмотрела на часы. Было всего девять утра с минутами. Времени в ее распоряжении было предостаточно.

Первый час принес ей разочарование. Люди, к которым она обращалась со своим вопросом, были бы рады ей помочь, однако их представления о том, что значит «хороший цветочный магазин в центре», оказались весьма странными. Корделии пришлось побывать у зеленщика, торгующего, помимо овощей, букетиками срезанных цветов, у поставщика садового инвентаря, занимающегося саженцами, но никак не венками, а также в похоронной конторе. В двух цветочных магазинах, вызвавших у Корделии кое-какую надежду, никогда не слышали о мисс Пилбим и не готовили венков для похорон Марка Келлендера. Порядком устав и отчаявшись добиться толку, Корделия слегка приуныла. Мисс Пилбим вполне могла прибыть из Бери-Сент-Эдмундса или Ньюмаркета с готовым венком.

Однако в похоронной конторе она побывала не напрасно. Там ей назвали заведение, «торгующее чудесными венками, мисс, прямо чудесными». Заведение оказалось на большем удалении от центра, чем она рассчитывала. Еще на тротуаре, прежде чем зайти внутрь, она ощутила запах похорон – или венчания, что кому больше подходит. Стоило толкнуть дверь, как ей в ноздри ударил до того сладкий и теплый дух, что она с трудом перевела дыхание. Цветы были здесь буквально всюду. Вдоль стен стояли широченные поддоны с лилиями, ирисами и люпинами; на полу теснились кадки с цветами, которым положено украшать стены домов, бархатцами и левкоями; из ваз высовывались тугие, нераскрывшиеся бутоны роз на лишенных колючек стеблях, совершенно не отличающиеся друг от друга ни цветом, ни размером, словно их вырастили в пробирке; к прилавку вел проход, обставленный комнатными цветами в горшках, увитых разноцветными ленточками, так что посетитель начинал чувствовать себя почетным гостем на приеме.

Позади имелась комната, где трудились две продавщицы. Корделия присмотрелась к ним через открытую дверь. Та, что помоложе, вялая блондинка с пористой кожей, выполняла как бы функции помощницы палача, раскладывая розы и фрезии, которые стали жертвами, по типу и цвету. Ее начальница – о статусе свидетельствовал приличный халат и властное выражение лица – свертывала цветам головки, протыкала беспомощный бутон проволокой и насаживала на обширную подушку из мха в форме сердца. Корделия отвела глаза, не в силах вынести ужасное зрелище.

За прилавком неожиданно появилась полная дама в розовом фартуке. От нее исходил не менее сильный запах, чем от всего магазина в целом, однако она, по всей видимости, считала, что одного цветочного аромата недостаточно, и добавила к нему кое-что более экзотическое, так что эффект был близок к запаху хлороформового тампона.

Корделия открыла рот и произнесла заготовленную речь:

– Я здесь по поручению сэра Рональда Келлендера из Гарфорд-Хауса. Не могли бы вы нам помочь? Его сын был кремирован третьего июня, и его старая няня прислала очаровательный венок – крест из роз. Сэр Рональд потерял ее адрес, а ему очень хочется написать ей благодарственное письмо. Ее фамилия – Пилбим.

– Вряд ли мы выполняли подобный заказ третьего июня.

– Не могли бы вы справиться по книге?

Неожиданно блондинка оторвалась от работы и крикнула:

– Годдард!

– Что такое, Ширли? – угрожающе произнесла полная дама.

– Годдард. На венке было написано «от няни Пилбим», но заказывала венки некая миссис Годдард. От сэра Рональда уже приходила другая женщина и назвала эту фамилию – «Годдард». Я уже смотрела. Миссис Годдард, Лавандовый коттедж, Иклтон. Один крест, четыре фута длиной, красные розы. Четыре фунта. Там все записано.

– Большое вам спасибо! – искренне произнесла Корделия и, одарив всю троицу мимолетной улыбкой, поспешила на воздух, чтобы избежать расспросов о первой посетительнице из Гарфорд-Хауса. Странное происшествие, подумала она, только пусть они обсуждают его без нее. Лавандовый коттедж, Иклтон. Она повторяла адрес про себя, пока не отошла на безопасное расстояние от магазина и не остановилась, чтобы записать его.

Торопясь обратно на стоянку, она с удивлением почувствовала, что усталость сняло как рукой. Она заглянула в карту. Иклтон оказался деревней вблизи границы Эссекса, милях в десяти от Кембриджа. Это недалеко от Даксфорда, так что ей предстояло вернуться назад. Меньше полчаса – и она у цели.

Однако движение на улицах Кембриджа задержало ее, и прошло тридцать пять минут, прежде чем она подрулила к красивой церкви Иклтона со сложенными из булыжника вперемежку с песчаником стенами и горделивым шпилем и оставила машину у самых ворот. Было бы неплохо заглянуть внутрь, но она поборола соблазн. Вдруг миссис Годдард сейчас уйдет на автобусную остановку, чтобы ехать в Кембридж? И она отправилась на поиски Лавандового коттеджа.

На самом деле дом оказался не коттеджем, а делящим общую стену с соседним строением домиком из красного кирпича в конце Хай-стрит. Дверь отделяла от дороги всего лишь узенькая полоска травы, лавандой же здесь не пахло вовсе. Стальной дверной молоток в виде львиной головы тяжело ухнул по содргнувшейся двери. Однако ответом на удар был голос не из Лавандового коттеджа, а из соседнего дома. В его дверях возникла худая старуха без единого зуба во рту, в огромном переднике, усеянном розочками. На ногах красовались шлепанцы, голову венчал колпак, в глазах горел неутолимый интерес к малейшим проявлениям жизни.

– Вам, наверное, нужна миссис Годдард?

– Да. Вы знаете, где можно ее найти?

– Она наверняка там, на кладбище. Как всегда по утрам, если нет дождя.

– Я только что была рядом, у церкви. Там никого нет.

– Бог с вами, мисс! Какая церковь? У церкви нас уже который год не хоронят. Ее старик покойся там, где в свое время положат и ее, – на кладбище на Хинкстон-роуд. Идите прямо, в него и уткнетесь.

– Придется вернуться к церкви за машиной, – сказала Корделия.

Она не сомневалась, что старуха будет смотреть ей в спину, насколько хватит зрения, поэтому ей пришлось объяснить о машине, иначе было бы непонятно, зачем она уходит в направлении, противоположном названному. Старуха ослабилась, кивнула и подошла к ограде, чтобы лучше понаблюдать за шествием Корделии назад по Хай-стрит. При этом она кивала головой, как кукла на веревочке, отчего отчаянно подпрыгивал венчавший ее седые волосы колпак.

Найти кладбище оказалось нетрудно. Корделия оставила машину на траве в том месте, где стоял дорожный знак, указывающий направление на Даксфорд, и устремила к стальным воротам. Ее глазам предстали маленькая часовня с полукруглым восточным крылом и старая деревянная скамья, заросшая лишайником и покрытая птичьим пометом, откуда открывался вид на все захоронения сразу. По обеим сторонам прямой дорожки располагались могилы, над которыми поднимались белые мраморные кресты, серые надгробные камни и маленькие ржавые крестики, клонящиеся долу, а на свежих могилах пестрели еще не увядшие цветы. Здесь веяло ничем не нарушаемым покоем. Вокруг кладбища высились деревья с застывшими в теп-

лом безветрии листьями. Тишину нарушали только стрекотание кузнечиков в траве, редкий звон колокольчика на ближнем железнодорожном переезде и гулкий гудок дизельного локомотива.

На кладбище оказалась всего одна посетительница – пожилая женщина, склонившаяся над одной из дальних могил. Корделия посидела некоторое время спокойно, сложив руки на коленях, а потом медленно побрела к ней по траве. Она не сомневалась – предстоящий разговор станет поворотным моментом расследования, однако, как ни странно, не торопилась начинать его. Подойдя вплотную к могиле, она застыла на месте, дожидаясь, когда на нее обратят внимание.

Старушка у могилы не отличалась ростом. На ней было черное платье и старомодная соломенная шляпка с выцветшей вуалью, приколотая к прическе громадной черной булавкой. Она опустила на колени спиной к Корделии, демонстрируя стоптанные подметки туфель на тоненьких, как высохшие ветки, ногах. Она чистила могилу от сорной травы; ее пальцы мелькали над редкой порослью, выдергивали из дерна тоненькие, почти незаметные, стебли. Рядом лежала корзинка со свернутой газетой и садовой лопаткой. Набрав полный кулак травинок, она бросала их в корзинку.

Спустя несколько минут, затраченных Корделией на молчаливое наблюдение за ее действиями, она оставила сорняки в покое и, удовлетворившись содеянным, принялась приглаживать травку, словно успокаивая потревоженные кости. Корделия подняла глаза и прочла выбитую на камне надпись:

Памяти Чарльза Альберта Годдарда, возлюбленного супруга Анни, покинувшего этот мир 27 августа 1962 года в возрасте 70 лет. Мир праху твоему.

Мир... Самая распространенная эпитафия на могилах людей этого поколения, которому мир должен представляться невиданной роскошью и высшим благословением.

Женщина откинулась назад и с удовлетворением окинула взглядом свою работу. В следующее мгновение она заметила Корделию. Обратив к ней свое морщинистое лицо, она сказала без всякого любопытства или досады:

– Хороший камень, не правда ли?

– Да, верно. Я восхищена надписью.

– Глубоко выбито. Влетело в копейчку, но стоило того. Уж с ней-то ничего не сделается. Половина здешних надписей со временем исчезает, больно мелки. Кладбище теряет всю прелесть. Я люблю читать надписи на могильных камнях, люблю узнавать, что это были за люди, когда умерли, надолго ли жены пережили своих мужей. Начинаешь думать, как они перебивались, одиноко ли им было. Какой прок от камня, если нельзя прочесть надпись? Конечно, пока этот камень выглядит тяжеловатым. Просто я попросила оставить на нем местечко и для меня: «...и Анни, его супруги, ушедшей из жизни...» И дата. Тогда все будет в порядке. Я припасла на это денежек.

– А какой будет дальше текст? – осведомилась Корделия.

– О, никакого! «Мир праху» – вполне достаточно для нас обоих. Мы не станем просить Господа о большем.

– Тот крест из роз, что вы прислали на похороны Марка Келлендера, был восхитителен! – польстила ей Корделия.

– Вы его видели? Вас, кажется, не было на похоронах? Да, я осталась довольна. Они потрудились на славу. Бедный мальчик, это все, чего он удостоился. – Она взглянула на Корделию с кротким любопытством. – Так вы знали Марка? Может, вы были его девушкой?

– Нет, чего не было, того не было, но он мне безразличен. Странно, что он никогда не упоминал вас, свою няню.

– Но я и не была ему няней, милочка, разве месяц-другой идут в счет? Он тогда был младенцем, какое это имело для него значение? Нет, я была няней его матери.

– Но вы побывали у Марка в день, когда ему исполнился двадцать один год?

– Он говорил вам об этом? Приятно было повидать его снова спустя столько лет. Но я не собиралась ему навязываться. Разве можно, если его отец всегда против? Нет, я просто передала ему кое-что от матери, выполнив ее предсмертную просьбу. Знаете, я не видела Марка больше двадцати лет – странно, не правда ли, ведь мы жили не так уж далеко? – но сразу узнала его. Он был так похож на свою мать, бедный мальчик!

– Не могли бы вы рассказать мне об этом? Здесь не просто любопытство, мне это очень важно.

Опершись на ручку своей корзинки, миссис Годдард с трудом поднялась на ноги. Отряхнув юбку от травы, она вытащила из карманов серые нитяные перчатки и не спеша натянула их, после чего обе женщины медленно побрели по кладбищенской дорожке.

– Важно, говорите? Не знаю, с чего бы это. Теперь все в прошлом. Она мертва, мертв и он. Все радужные надежды обернулись ничем. Я ни с кем об этом не разговаривала, но, с другой стороны, разве кому-то было до этого дело?

– Может быть, присядем на скамейку и поговорим?

– Что ж, можно и так. Домой теперь ничего не гонит. Знаете, милочка, я вышла замуж за своего супруга только в сорок три года, но все равно скучаю по нему так, словно мы любили друг друга с самого детства. Люди говорили, что я сошла с ума, раз завожу себе мужа в таком возрасте, но я на протяжении тридцати лет была знакома с его женой, мы вместе учились в школе; знала и его. Если мужчина был хорош с одной женщиной, он будет не хуже и с другой. Так я решила тогда – и не ошиблась.

Они уселись рядышком на скамью и молча посмотрели в створ на знакомый камень.

– Расскажите мне о матери Марка, – попросила Корделия.

– Мисс Боттли, Эвелин Боттли – так ее звали. Я была помощницей медсестры у ее матери, когда она еще не появилась на свет. Тогда был один маленький Гарри. Его убили на войне, в первом же налете на Германию. Его отец не мог с этим смириться: Гарри никто не мог заменить, такой это был весельчак. Хозяин никогда не жаловал мисс Эви, ему был нужен только его мальчик. Миссис Боттли умерла при рождении Эви, может быть, все дело было именно в этом. Говорят, так бывает, только я раньше этому не верила. Я знавала отцов, которые были совершенно без ума от таких детей – невинные создания, как можно их корить? По-моему, это была просто отговорка: мол, не люблю этого ребенка, потому что он убил свою мать.

– Да, я знаю одного отца, который тоже пользовался такой отговоркой. Но это не его вина. Мы не в силах заставить любить себя, как бы нам этого ни хотелось.

– Это очень печально, милочка, иначе было бы гораздо легче прожить в нашем мире. Но собственный ребенок! Нет, это противостоит природе!

– А Эви любила отца?

– Вряд ли. Если не любишь ребенка, то никогда не добьешься любви и от него. Она никогда не могла разжалобить его, заставить его улыбнуться – такого огромного, грубого, громогласного человека, вызывавшего у дочери один страх. Будь она понахальнее, не пугалась бы его – все сложилось бы куда лучше.

– Что с ней стало дальше? Как она повстречала сэра Рональда Келлендера?

– Тогда он не был сэром Рональдом, милочка. О нет! Ронни Келлендер, сын садовника. Они жили в Харрогите. Какой у них был чудесный дом! Когда я поступила туда на службу, садовников там работало целых трое, еще до войны, конечно. Мистер Боттли работал в Брэдфорде, занимался торговлей шерсти. Так вы спрашивали про Ронни Келлендера. Я хорошо его помню – неуживчивый такой, хоть и симпатичный парнишка, уж больно себе на уме. Мозгов

ему было не занимать, что верно, то верно! Он получал стипендию в классической школе и очень неплохо учился.

– И Эвелин Боттли влюбилась в него?

– Может, и влюбилась. Кто знает, что там было между ними в молодости? Но потом разразилась война, и он уехал. Ей безумно хотелось заняться чем-нибудь полезным, поэтому ее приняли в добровольческий медицинский отряд, хотя я ума не приложу, как ей удалось пройти медкомиссию. А потом они повстречались в Лондоне, как это часто случалось во время войны, и мы узнали, что они поженились.

– Они приехали жить сюда, под Кембридж?

– Да, но только после войны. Сначала она продолжала работать медсестрой, а его послали в колонии. Ему война пошла, что называется, на пользу, хотя нам грех помянуть ее добрым словом – слишком много смертей, драк, плена, побегов. Мистер Боттли мог бы им гордиться и смириться с их браком, но где там! Наверное, ему взбрело в голову, что Ронни нацелился на его денежки, а их было немало, можете не сомневаться. Может, он был и недалеко от истины, только что в этом плохого? Моя матушка всегда говорила: «Не женись ради денег, но пусть невеста будет при деньгах». Нет ничего дурного, если человек ищет денег, пока он не забывает о доброте.

– А вы думаете, что доброты хватало?

– Во всяком случае, я не видела зла, да и она была от него без ума. После войны он отправился в Кембридж. Ему всегда хотелось стать ученым, и он получил субсидию как фронтовик. У нее были кое-какие деньги от отца, и они купили дом, в котором он живет по сию пору, чтобы он мог оставаться с семьей, пока будет продолжаться учеба. Конечно, дом выглядел тогда совсем не таким, как сейчас, – он его здорово перестроил. Они тогда совсем бедствовали, и миссис Эви никто не помогал, кроме меня. Иногда к ним навещался на время сам мистер Боттли. Она до смерти боялась этих визитов, бедняжка. Он все ждал, что у него появится внук, а его не было и не было. Тем временем Келлендер окончил университет и стал учительствовать. Он хотел остаться в колледже преподавать; но у него ничего не вышло. Он все повторял, будто для этого нужны связи, но, думаю, у него просто не хватило способностей. В Харрогите мы считали его самым головастым мальчишкой во всей классической школе. Но в Кембридже хватает умников и без него.

– А потом родился Марк?

– Да, 25 апреля 1951 года, через девять лет после их женитьбы. Он родился в Италии. Мистер Боттли до того обрадовался ее беременности, что расщедрился, и они могли проводить отпуск в Тоскане. Хозяйка всегда любила Италию, поэтому, думаю, и хотела, чтобы ее ребенок родился именно там. Иначе она не поехала бы туда на последнем месяце. Я навестила ее примерно месяц спустя после возвращения и увидела самую счастливую женщину из всех, которых мне довелось знать. Что за чудесный мальчонка!

– Но почему «навестили»? Вы больше с ними не жили?

– Нет, милочка. Не жила несколько месяцев. В начале беременности она себя неважно чувствовала. Я замечала, что она напряжена и опечалена, а потом мистер Келлендер вызвал меня и сказал, будто я ее раздражаю и мне придется удалиться. Я не хотела верить этому, но когда я зашла к ней, она отгородилась от меня рукой и сказала: «Прости, няня, думаю, будет лучше, если ты от нас уйдешь».

У беременных женщин случаются странные фантазии, а ребенок был для них обоим важнее всего на свете. Я подумала, что потом она все равно попросит меня вернуться. Так и вышло. Только я уже не жила в их доме. Я сняла в деревне комнату у начальницы почты и четыре раза в неделю ходила по утрам к миссис Эви, а остальное время – к другим женщинам в деревне. Все бы ничего, но я скучала по малышу, когда бывала без него. Во время ее беременности мы с ней больше не виделись, пока однажды не повстречались в Кембридже. Дело близилось к концу,

она с трудом ходила, так велик был живот. Сначала она сделала вид, что не замечает меня, но потом передумала и перешла дорогу, чтобы поговорить со мной. «На следующей неделе мы уезжаем в Италию, – сказала она. – Разве не чудесно?» Я ответила: «Поберегитесь, милочка, иначе ребенок родится итальянцем». Она засмеялась. Казалось, ей не терпится снова оказаться на солнце.

– И что же произошло после ее возвращения?

– Прошло девять месяцев, и она умерла. Я же говорила, что она никогда не отличалась крепким здоровьем. Ее подкосил грипп. Я помогала ухаживать за ней. Я сделала бы все, что в моих силах, но мистер Келлендер предпочитал заправлять всем сам. Он не мог выносить, когда рядом с ней кто-нибудь находился. Нам удалось провести всего несколько минут с глазу на глаз, прежде чем она скончалась. Тогда она и попросила, чтобы я передала Марку ее молитвенник, когда ему исполнится двадцать один год. Я и сейчас слышу ее голос: «Отдай это Марку, когда ему исполнится двадцать один год, няня! Оберни хорошенько и отдай, именно тогда! Ты не забудешь, ведь правда?» Я ответила: «Не забуду, милая, вы отлично это знаете». И тогда она произнесла странные слова: «Если забудешь, или умрешь раньше срока, или он не сможет понять – что ж, так тому и быть. Значит, так угодно Богу».

– Как вы думаете, что она хотела этим сказать?

– Кто знает, милочка? Мисс Эви была очень набожной, даже слишком, в ущерб самой себе – так я частенько думала. Мне кажется, мы должны брать ответственность на себя и самостоятельно решать свои проблемы, не оставляя все Божьему промыслу, ибо у него и так хватает забот с миром, раз он у него в таком состоянии. Но она произнесла эти слова за три часа до кончины, и я, конечно, обещала. И когда Марку исполнился двадцать один год, я узнала, в каком колледже он учится, и поехала туда.

– И что же произошло?

– О, мы были просто счастливы побыть вместе. Знаете, отец никогда не рассказывал ему о матери! Так бывает иногда, когда жена умирает, но, по-моему, сыну следует знать о своей матери. Он засыпал меня вопросами, а я-то думала, он знает обо всем от отца!

Он был рад получить молитвенник. Спустя пять дней он пришел ко мне сам и спросил, как звали врача, лечившего его мать. Я ответила, что это старый доктор Гледвин. Мистер Келлендер и она всегда пользовались только его услугами. Я иногда испытывала по этому поводу досаду – уж больно хрупкого здоровья была мисс Эви. Доктору Гледвину уже тогда было лет семьдесят, и, хоть многие находили его безупречным, я всегда была о нем невысокого мнения. Слишком много он пил, и на него никогда нельзя было всерьез положиться. Полагаю, он уже давно на том свете. Но я все равно назвала Марку его имя, и он все записал. Потом мы попили чаю, поболтали, и он ушел. Больше я его не видела.

– О молитвеннике никто больше не знает?

– Никто в целом свете, милочка. Мисс Лиминг увидела название цветочного магазина на венке и выведала у них мой адрес. Она побывала здесь на следующий день после похорон и поблагодарила за участие, но я видела в ее приходе одно любопытство. Если они с сэром Рональдом так обрадовались, увидев меня, что помешало им поздороваться со мной? Им не понравилось, что я пришла без приглашения? Приглашение на похороны – вы когда-нибудь слышали о чем-нибудь подобном?

– И вы ничего ей не сказали?

– Ничего никому, кроме вас, милочка, и то не знаю зачем. Нет, ей я ничего не сказала. Она мне никогда не нравилась, если говорить откровенно. Я не хочу сказать, что между ней и сэром Рональдом что-то было – во всяком случае, при жизни мисс Эви. Об этом никто и не заикался, а она жила на квартире в Кембридже и вела себя очень щепетильно, надо отдать ей должное. Мистер Келлендер повстречался с ней, когда преподавал в деревенской школе. Она

была учительницей английского. Собственную лабораторию он основал только после смерти миссис Эви.

– Вы хотите сказать, что мисс Лиминг имеет диплом?

– Да, милочка. Она не готовила себя в секретари. Но конечно, начав работать у мистера Келлендера, она бросила преподавать.

– Значит, вы ушли из Гарфорд-Хауса после смерти миссис Келлендер? Почему вы не остались с ребенком?

– Они не нуждались в моих услугах. Мистер Келлендер нанял девушку из тех, каких теперь готовят в колледжах, а потом они отправили Марка в школу, хотя он был еще совсем малышом. Его отец не скрывал, что не желает моих свиданий с ребенком, но, в конце концов, отец вправе решать такие вещи. Я не стала настаивать, раз отец против. Иначе мальчик оказался бы в нелепом положении. А теперь он мертв, мы его потеряли. Коронер сказал, что он покончил с собой; возможно, он и прав.

– А я не думаю, что он покончил с собой, – сказала Корделия.

– Правда? Очень мило с вашей стороны. Но ведь он мертв, так какое это имеет значение теперь? Кажется, мне пора домой. Если не возражаете, я не стану приглашать вас на чашку чая, я сегодня притомилась. Но вы знаете, где меня найти, и если вам захочется приехать снова – милости прошу.

Они вместе вышли с кладбища и расстались за воротами. Миссис Годдард неуклюже потрепала Корделию по плечу, словно домашнего зверька, и медленно побрела назад в деревню.

На повороте дороги взгляду Корделии открылся переезд. Шлагбаум поднимался после только что прогремевшего состава. Стоило ему замереть, как автомобиль, замыкавший цепочку из трех машин, рванулся вперед, обогнал осторожно преодолевающих рельсы собратель и исчез из виду. Но Корделия успела заметить маленький черный фургон.

Корделия почти не запомнила деталей обратного пути. Она ехала быстро, сосредоточившись на дороге, и, пытаясь побороть растущее возбуждение, аккуратно переключала передачи и нажимала педаль тормоза. Она поставила машину у передней изгороди, не заботясь о том, что ее могут увидеть. Коттедж сохранил прежний вид и запах. Она вздохнула с облегчением, ибо ожидала, что все будет перевернуто вверх дном, а молитвенник исчезнет. Но нет, среди более высоких темных корешков также стояла книжка в белом переплете. Корделия торопливо открыла ее. Она сама не знала, чего в ней искать: надпись, зашифрованное или открытое послание, письмо, заложенное между страницами. Однако единственная открывшаяся ее взору надпись вряд ли имела отношение к делу. Это было посвящение, выполненное в незапамятные времена старомодным почерком, трясущейся рукой, с трудом переползавшей, подобно крабу, поперек страницы: «Эвелин Мэри в день конфирмации от крестной, 5 августа 1934 года».

Корделия потрясла книгу. Из нее ничего не выпало. Она пролистала книгу от первой до последней страницы – тщетно.

Она опустила на кровать в бессильном разочаровании. Неужели она напрасно надеялась, что в молитвеннике заключено что-то важное? Неужели понастроила многообещающих догадок, вдохновившись старушечьими воспоминаниями о вполне понятном, ординарном поступке любящей матери, пожелавшей оставить сыну перед смертью свой молитвенник? Но даже если она не ошиблась, то почему записка должна оказаться на прежнем месте? Если Марк обнаружил между страницами записку от матери, то вполне мог, прочитав, уничтожить ее. Кто-то мог сделать это и вместо него. Записка, если она когда-то существовала, могла превратиться теперь в частицу пепла, возвышающегося белой горкой на каминной решетке.

Она поборолa уныние. Оставалась еще одна ниточка – доктор Гледвин. После секундного размышления она опустила молитвенник к себе в сумку. На часах был почти час дня. Она

достала сыр и фрукты и расположилась в саду, затем решила вернуться в Кембридж и заглянуть в центральной библиотеке в медицинский справочник.

Меньше чем через час она нашла все, что искала. В справочнике значился всего один доктор Гледвин, который мог лечить миссис Келлендер двадцать лет назад, уже тогда разменяв восьмой десяток, – Эмлин Томас Гледвин, приобретший специальность в больнице Святого Фомы в 1904 году. Она записала его адрес: Праттс-уэй, 4, Иксуорт-роуд, Бери-Сент-Эдмундс. Тот самый Эдмундс – город, в котором, по словам Изабелль, они останавливались с Марком по пути к морю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.